ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

От главного редактора 3

НОВОСТИ НАУКИ И БИЗНЕСА

Результаты работы Научно-исследовательской лаборатории правового регулирования цифровой экономики и бизнеса – Лаборатории цифрового права (TechLawLab) 6

Награды Союза малого и среднего бизнеса Свердловской области 7

Создание Комиссии по антикризисному управлению Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» 8

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Белых С. В. Конституционный принцип признания и равной защиты частной и иных форм собственности в Российской Федерации 9

Елькина А. В., Кушнерев А. С. К вопросу о самостоятельности органов местного самоуправления в Российской Федерации 17

Пиликин Г. Г. Воздействие налоговой системы на становление экономического могущества современной России 22

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Герасимов О. А. Межотраслевые связи норм предпринимательского права, регулирующих отношения в сфере сельского хозяйства 27

Рубцова Н. В. Тенденции развития моделей механизма правового регулирования предпринимательской деятельности 32

Славич М. А. Правовая природа трансформации требования участника долевого строительства в деле о несостоятельности (банкротстве) застройщика 37

Григорьева О. А. Злоупотребление правами потребителя в сфере жилищного строительства 43

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ, ЗЕМЕЛЬНОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Вагина О. В. Правовой режим сельскохозяйственных угодий: проблемы и перспективы правового регулирования 48

Гаевская Е. Ю. Экологические фонды как экономический инструмент обеспечения реализации требований экологической безопасности 52

Белокрылова Е. А. О некоторых особенностях правового обеспечения экологической безопасности отдельных природоподобных (конвергентных) технологий в Российской Федерации и зарубежных странах 58

МЕЖДУНАРОДНОЕ И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Лазутин Л. А. Международное уголовное право: толкование и применение в современных условиях 63

Белых В. С. Корпоративное право Англии: некоторые вопросы теории и практики 70

Цай Цзяньхун. О неэкспансионистской роли цифрового юаня 75

CHIEF EDITOR'S COLUMN

Chief editor's column 3

BUSINESS AND SCIENCE NEWS

Results of the Research Laboratory of Legal Regulation of Digital Economy and Business-Digital Law Laboratory (TechLawLab) 6

Awards of the Union of Small and Medium-sized Businesses of the Sverdlovsk region 7

Creation of the Commission on Anti-Crisis Management of the All-Russian public Organization "Association of Lawyers of Russia" 8

PUBLIC LAW

Sergey V. Belykh. Constitutional principle of recognition and equal protection of private and other forms of property in the Russian Federation 9

Alexandra V. Yelkina, Alexandr S. Kushnarev. On the question of the independence of local Self-government bodies in the Russian Federation 17

Georgy G. Pilikin. The impact of the tax system on the formation of the economic power of modern Russia 22

CIVIL AND BUSINESS LAW

Oleg A. Gerasimov. Intersectoral relations of the norms of business law regulating relations in the field of agriculture 27

Natalya V. Rubtsova. Trends in the development of models of the mechanism of legal regulation of entrepreneurial activity 32

Maria A. Slavich. The legal nature of the transformation of the claim of a participant in shared-equity construction in the case of insolvency (bankruptcy) of the developer 37

Olga A. Grigorieva. Abuse of consumer rights in the field of housing construction 43

URBAN PLANNING, LAND, ENVIRONMENTAL LAW

Olga V. Vagina. Legal regime of agricultural lands: problems and prospects of legal regulation 48

Ekaterina Yu. Gayevskaya. Ecological funds as an economic tool for ensuring the implementation of environmental safety requirements 52

Ekaterina A. Belokrylova. On some features of the legal provision of environmental safety of certain nature-like (convergent) technologies in the Russian Federation and foreign countries 58

INTERNATIONAL AND COMPARATIVE LAW

Lev A. Lazutin. International criminal law: interpretation and application in modern conditions 63

Vladimir S. Belykh. Corporate Law in England: Some Issues of Theory and Practice 70

Cai Jianhong. On the non-expansionist role of the digital yuan 75

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Перед вами очередной (первый) номер журнала «Бизнес, менеджмент и право». В 2023 году для коллектива редакции журнала работа по подготовке и выпуску журнала будет проходить в условиях максимальной отдачи, так как Высшая аттестационная комиссия РФ включила журнал в перечень рецензируемых изданий. Несомненно, данный юридический факт – знаковое событие в жизненном цикле журнала. Мы продолжим выпуск журнала, формируя номера по отельным отраслям публичного и частного права. В частности, авторам и читателям будут предложены научные статьи по конституционному, муниципальному праву, гражданскому и предпринимательскому праву, градостроительному, земельному и экологическому праву, международному праву.

1–2 июня 2023 г. состоится XVI сессия Европейско-Азиатского правового конгресса «Баланс интересов в праве» в Екатеринбурге. Юридический форум такого масштаба не случайно проводится в Екатеринбурге, который расположен на границе Европы и Азии и представляет собой узловой центр, обеспечивающий реализацию политики современной России в сфере промышленности, экономики, образования, науки и культуры. Примечательно, что XVI сессия конгресса – одно из ключевых мероприятий Плана подготовки к празднованию 300-летия основания города Екатеринбурга. Деловая программа конгресса – это известные спикеры и качество дискуссий. Главная задача конгресса – обеспечить открытый обмен мнениями по актуальным для юридического сообщества, представителей органов государственной власти и бизнеса проблемам. Одна из них – цифровая экономика и право: баланс интересов.

И, конечно, 2023 год – это год 50-летия кафедры предпринимательского (хозяйственного) права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, которая была образована 01.09.1973 г. Редакция планирует опубликовать на страницах журнала материалы об истории и настоящем профессорско-преподавательского состава кафедры. В октябре запланировано торжественное мероприятие, посвященное юбилею кафедры.

Дорогие читатели! В это непростое время редакция журнала «Бизнес, менеджмент и право» желает вам крепкого здоровья, новых идей, успешных проектов и неиссякаемого жизненного оптимизма! Итак, только вперед!

С уважением,
главный редактор В. С. Белых

БИЗНЕС, МЕНЕДЖМЕНТ И ПРАВО
Научно-практический экономико-правовой журнал
№ 1 (57), 30 марта 2023 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ **ФОНД ВЫПУСКНИКОВ ФАКУЛЬТЕТА ПРАВОВОЙ СЛУЖБЫ В НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ – ИНСТИТУТА ПРАВА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА УрГЮА «ГАРМОНИЯ И БЛАГОДЕТЕЛЬ»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Белых В. С. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Герасимов О. А. – доктор юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

ОТВЕТСТВЕННЫЕ ЗА ВЫПУСК

Вагина О. В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного, градостроительного и экологического права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
Гаевская Е. Ю. – кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного, градостроительного и экологического права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бозров В. М. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной деятельности и уголовного процесса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
Винницкий Д. В. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева», директор Института права БРИКС.
Головина С. Ю. – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
Дойников И. В. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)».
Илюшина М. Н. – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».
Исаков В. Б. – заслуженный юрист РФ, член Союза писателей России, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).
Карелина С. А. – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».
Камышанский В. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», заведующий кафедрой гражданского права и процесса ЧОУ ВПО «Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К. В. Россинского», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права».
Кванина В. В. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права Юридического института ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).
Козаченко И. Я. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

Круглов В. В. – заслуженный юрист РФ, действительный член (академик) Российской экологической академии, доктор юридических наук, профессор кафедры земельного, градостроительного и экологического права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
Кузнецова О. А. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, заместитель декана по научной работе Юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пермского государственного национального исследовательского университета».
Митин А. Н. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой специальных гуманитарных дисциплин Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
Нур Джухайда Осман – Университет Саинс Ислам, г. Нилай, Малайзия.
Салиева Р. Н. – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Юридического факультета Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Казанского (Приволжского) федерального университета», заведующая лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан».
Старилов Ю. Н. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и финансового права Юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Воронежского государственного университета».
Тужилова-Орданская Е. М. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирского государственного университета».
У Дунгао – Яньбеньский университет, юридический факультет, г. Яньцзи, КНР.
Хазанов С. Д. – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева», член Научно-консультативного совета ВС РФ.
Шевченко Г. Н. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического факультета Владивостокского филиала Государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Российской таможенной академии», профессор кафедры гражданского права и процесса Юридической школы Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточного федерального университета».
Ярков В. В. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Силин Я. П. – доктор экономических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (председатель совета).
Беседин А. А. – президент Уральской Торгово-промышленной палаты, председатель правления.
Гаджиев Г. А. – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ.
Перевалова И. В. – кандидат юридических наук, президент Нотариальной палаты Свердловской области.
Сидоркин С. В. – кандидат юридических наук, председатель Арбитражного суда Свердловской области.
Тимофеев А. В. – президент Национальная ассоциация участников фондового рынка.
Чубаров В. В. – доктор юридических наук, профессор, вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ.
Филиппенков А. А. – президент Союза малого и среднего бизнеса Свердловской области.
Фурдуй С. В. – начальник Службы внутреннего аудита Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов».

КОММЕРЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР

Белых Д. В. – заместитель руководителя Евразийского научно-исследовательского центра сравнительного и международного предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

Результаты работы Научно-исследовательской лаборатории правового регулирования цифровой экономики и бизнеса – Лаборатории цифрового права (TechLawLab)

30 марта 2023 года состоялось первое заседание Научно-консультативного совета Научно-исследовательской лаборатории правового регулирования цифровой экономики и бизнеса – Лаборатории цифрового права (TechLawLab), нового структурного подразделения УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева, образованного 14 ноября 2022 г. при кафедре предпринимательского права с целью оказания содействия УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева в формировании Центра компетенций «Цифровая трансформация права» в Евразийском правовом пространстве.

В состав Научно-консультативного совета вошли представители следующих кафедр:

– кафедры предпринимательского права;
– кафедры истории государства и права;
– кафедры теории государства и права;
– кафедры гражданского права;
– кафедры уголовного права;
– кафедры трудового права;
– кафедры криминалистики;
– кафедры гражданского процесса;
– кафедры финансового права.

С приветственным словом к участникам обратился доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева, председатель Научно-консультативного совета Лаборатории Белых Владимир Сергеевич. Владимир Сергеевич обозначил особую важность создания Лаборатории цифрового права, отметив, что образование данного подразделения является возвращением к традициям, ведь ещё в Свердловском юридическом институте (сейчас УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева) при кафедре хозяйственного права функционировала и добивалась отличных результатов Лаборатория хозяйственно-правовых исследований.

Руководитель Лаборатории, преподаватель кафедры предпринимательского права УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева Болобонова Мария Олеговна представила отчёт о результатах работы лаборатории (утв. на заседании кафедры предпринимательского права УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева от 17.03.2023 г.).

На первом этапе работы Лаборатории сформирована организационная структура подразделения, утверждены основные направления деятельности, разработаны модели взаимодействия с другими подразделениями университета.

В рамках реализации направления «**Научная деятельность**» разработана тематика для проведения исследовательской работы и реализации проектной деятельности, предложен план мероприятий, а также перечень научно-исследовательских рабочих групп.

В числе ближайших планируемых мероприятий:

– круглый стол «Управление проектами в цифровой экономике» при поддержке Центра проектирования устойчивого развития институтов гражданского общества Государственного Университета Управления;

– круглый стол «Цифровые активы и цифровые валюты как инструменты преодоления стратегических угроз финансовой безопасности: вопросы теории и практики»;

– круглый стол «Проблемы расследования преступлений в сфере информационных технологий»

– круглый стол «Правовое обеспечение внедрения технологий ИИ в отдельных отраслях экономики»;

– участие в организации Правового конгресса;

– форум «Цифровая трансформация права: перспективы и новые вызовы».

Члены НКС обсудили ряд вопросов, связанных с направлениями научных исследований и будущих проектов, были высказаны предложения по формированию научно-исследовательских групп.

На заседании также были обсуждены форматы сотрудничества с другими вузами, внешними экспертами и потенциальными партнерами со стороны бизнеса, государственных органов и общественных организаций.

В рамках первого этапа подготовлен ряд соглашений о сотрудничестве с партнерами и внешними экспертами Лаборатории, разработаны дорожные карты взаимодействия. Созданы сайт, страницы в социальных сетях (Телеграм – https://t.me/techlawlab, Вконтакте – https://vk.com/techlawlab).

Дополнительно были отмечены результаты Лаборатории в образовательной деятельности, в частности, участие членов Лаборатории в реализации образовательной программы совместно с РУДН для Банка России по цифровизации сектора финансовых услуг и применению DLT в финансовом секторе.

Руководитель Лаборатории цифрового права (TechLawLab) отметила, что все задачи первого этапа были успешно выполнены. Команда Лаборатории решительно настроена на дальнейшую плодотворную работу.

Лаборатория приглашает к сотрудничеству по следующим направлениям:

– участие в деятельности научно-консультативного совета Лаборатории (включение в состав НКС);

– выполнение междисциплинарных научных исследований, участие в конкурсах/грантах в сфере правового регулирования цифровой экономики и бизнеса;

– проведение и участие в конференциях по правовому регулированию цифровой экономики и бизнеса;

– подготовка правовых заключений при поддержке Центра экспертиз УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева;

– организация и проведение программ повышения квалификации/дополнительного образования, индивидуальных программ обучения в сфере правового регулирования цифровой экономики и бизнеса при поддержке УРГЮУ им. В. Ф. Яковлева;

– поддержка и реализация проектов в сфере цифровой экономики и бизнеса.

Сотрудничество – TechLawLab@yandex.ru

Материал подготовлен сотрудниками Лаборатории цифрового права УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева Борисовой Надеждой Сергеевной и Эбергардтом Семёном Александровичем.

Награды Союза малого и среднего бизнеса Свердловской области

20 марта 2023 г. на заседании Ученого совета Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева состоялось награждение от имени Союза малого и среднего бизнеса Свердловской области представителей университета:

– за вклад в правовое регулирование предпринимательства наградили Ректора УрГЮУ Бублика Владимира Александровича;

– за вклад в развитие предпринимательства в Свердловской области медалью Союза – Заведующего кафедрой предпринимательского права Белых Владимира Сергеевича.

Награды были вручены Президентом Союза малого и среднего бизнеса Свердловской области Анатолием Анатолиевичем Филиппенковым.

Редакция журнала поздравляет В. А. Бублика и В. С. Белых с заслуженной наградой и желает новых успехов и побед в развитии и процветании университета!

Выступление Президента Союза малого и среднего бизнеса Свердловской области А. А. Филиппенкова (верхнее фото)

Награждение В. С. Белых Президентом Союза малого и среднего бизнеса Свердловской области А. А. Филиппенковым (фото внизу)

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

Создание Комиссии по антикризисному управлению Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»

15 марта 2023 года на базе Юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова состоялось первое заседание Комиссии по антикризисному управлению Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», созданной под председательством доктора юридических наук, профессора кафедры предпринимательского права Юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Карелиной Светланы Александровны.

В состав Комиссии вошли ученые – кандидаты и доктора юридических, экономических наук, практикующие юристы, адвокаты и арбитражные управляющие.

Членом Комиссии является также доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева Белых Владимир Сергеевич.

В первом заседании Комиссии приняли участие также приглашенные лица – судьи, члены комиссии по взаимодействию с предпринимательским сообществом и правовой защите бизнеса.

Целями работы Комиссии определены:

1) решение задач в сфере совершенствования системы правового регулирования отношений несостоятельности, антикризисного и арбитражного управления в рамках деятельности Ассоциации;

2) реформирование законодательного регулирования отношений, порождаемых отнесением юридических и физических лиц к категории должников в делах о банкротстве, анализа современных научных подходов и выработки концепции правового регулирования отношений в указанной сфере;

3) руководство деятельностью территориальных подразделений Ассоциации;

4) взаимодействие с органами власти и управления, судебными и законодательными органами для достижения вышепоименованных целей;

5) выполнения экспертных, аналитических, консультационных, научно-просветительских функций.

В рамках первого заседания комиссии были решены организационные вопросы – избраны члены, утверждено Положение о работе и План работы, определен порядок взаимодействия с иными Комиссиями и территориальными подразделениями Ассоциации. Участникам заседания были представлены новые научные и учебно-методические разработки по тематике банкротства: Практический курс по банкротству/ Отв. ред. Проф. С. А. Карелина. Изд-во «Статут». 2023; Научные труды по несостоятельности (банкротству) / Отв. ред. Проф. С. А. Карелина. В 5-и томах. Изд-во «Юстицинформ». 2023.

В рамках первого заседания Комиссии обсуждались проблемы правового регулирования реализации единственного жилья должника в деле о банкротстве. Заместитель генерального директора ООО «Юридическая коллегия «ВиК» Александров В. В. выступил с докладом, в котором указал на то, что критерии отнесения жилья к роскошному установлены судебной практикой и необходима их унификация.

Доктор юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Фролов И. В. представил для обсуждения законопроект, разработанный в рамках докторской диссертации. Обсуждение комментариев к указанному законопроекту запланировано на следующем заседании комиссии.

Желаем плодотворной и результативной работы членам Комиссии!

УДК 342.739

Конституционный принцип признания и равной защиты частной и иных форм собственности в Российской Федерации

Белых С. В.[1]

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы закрепления и реализации конституционного принципа признания и равной защиты частной и иных форм собственности в России, в том числе раскрывается содержание данного принципа. Разграничиваются и соотносятся понятия «признание» и «равная защита», частная собственность и иные формы собственности, право собственности в субъективном и объективном смысле. Исследуется судебная практика по данному принципу, ключевые нормативные предписания отраслевого законодательства, регламентирующие отношения в сфере признания и равной защиты частной и иных форм собственности.

Большинство современных конституций различают формы собственности и либо устанавливают их неравноправие (социалистические государства), либо закрепляют принцип равноправия форм собственности, но предусматривают определенные особенности их правовых режимов.

В тоже время, в некоторых конституциях зарубежных стран провозглашается только собственность, без дифференциации ее видов, или только защита собственности (конституции Гвинеи 1990 г., Мавритании 1992 г., Мадагаскара 1992 г., Польши 1997 г., Швейцарии 1999 г., Финляндии 1999 г.).

Одной из наиболее важных тенденций современного конституционного развития института собственности является появление новых принципов по отношению к частной собственности. Незначительное количество конституций содержит положение о «священной и неприкосновенной» частной собственности. Процесс перехода от абсолютного к ограниченному характеру права собственности связан с концепцией социальной функции собственности.

Ключевые слова: конституционный принцип, собственность, признание, защита собственности, иные формы собственности, конституционная ценность, земля и другие природные ресурсы, правовые ограничения, конституционное право собственности

Constitutional principle of recognition and equal protection of private and other forms of property in the Russian Federation

Sergey V. Belykh[2]

Abstract. The article discusses the issues of consolidation and implementation of the constitutional principle of recognition and equal protection of private and other forms of property in Russia, including the content of this principle. The concepts of "recognition" and "equal protection," private property and other forms of property, property in a subjective and objective sense are distinguished and correlated. Judicial practice on this principle, key regulatory requirements of sectoral legislation governing relations in the field of recognition and equal protection of private and other forms of property are researched.

Most modern constitutions distinguish between the forms of ownership and either establish their inequality (socialist states), or consolidate the principle of equality of forms of ownership, but provide for certain features of their legal regimes.

At the same time, in some constitutions of foreign countries, only property is proclaimed, without differentiation of its types, or only the protection of property (the constitutions of Guinea 1990, Mauritania 1992, Madagascar 1992, Poland 1997, Switzerland 1999, Finland 1999).

One of the most important trends in the modern constitutional development of the institution of property is the emergence of new principles in relation to private property. A small number of constitutions contain a provision on "sacred and inviolable" private property. The process of transition from the absolute to the limited nature of property rights is associated with the concept of the social function of property.

Keywords: constitutional principle, property, recognition, protection of property, other forms of property, constitutional value, land and other natural resources, legal restrictions, constitutional right of property

1 Для цитирования: Белых С. В. Конституционный принцип признания и равной защиты частной и иных форм собственности в Российской Федерации // Бизнес, менеджмент, право. 2023. № 1. С. 9–16.

2 For reference: Sergey V. Belykh. Constitutional principle of recognition and equal protection of private and other forms of property in the Russian Federation // Business, management and law. 2023. № 1. P. 9–16.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

В ст. 8 Конституции РФ предусмотрено, что в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Конституционный принцип признания и равной защиты частной собственности наряду с иными формами собственности, является: одной из основополагающих, конституционных основ, начал организации российского государства и общества, где «право частной собственности рассматривается как реализация экономической свободы человека»[1], как основа обеспечения экономического развития РФ, повышения благосостоянии граждан и формирования российского среднего класса; конституционной ценностью, в числе иных ценностей, путем закрепления плюрализма и равной защиты форм собственности[2]; фундаментом регулирования правоотношений, связанных с отношениями собственности.

Признание, в контексте ч. 2 ст. 8 Конституции РФ, представляет собой юридически значимый акт легитимации обществом различных форм собственности, которые по своей сущности не вступают в противоречие с конституционными идеалами и ценностями

Правовые принципы – это выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание (основы) и закрепленные в нем закономерности общественной жизни[3]. Они (принципы) обладают рядом свойств, что ставит их в один ряд с другими системообразующими факторами, такими как предмет и метод правового регулирования общественных отношений, а также правовые презумпции.

Конституционные принципы служат непосредственным основанием для принятия государственно-правовых решений в сферах правотворчества и правоприменения, а также в случае пробелов в законе при толковании его отдельных положений[4]. Кроме того, Конституционный Суд РФ обратил внимание на то, что «эти принципы обладают высшей степенью нормативной обобщенности, предопределяют содержание конституционных прав человека, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений. Общеобязательность таких принципов состоит как в приоритетности перед иными правовыми установлениями, так и в распространении их действия на все субъекты права»[5]. То есть будучи нормами права, принципы выполняют регулятивную функцию, т.е. непосредственно регулируют общественные отношения.

Что есть «признать» и «защитить»? Термин «признать», понимается в толковом словаре, как «согласиться считать законным, существующим, действительным»[6]; в тоже время другой термин «защитить» – как «охраняя, оградить от посягательств, от враждебных действий...»[7].

Теперь обратимся к юридической литературе. Так, по мнению А. Н. Кокотова, «признание прав и свобод – реализация людьми своих прав, свобод как естественных притязаний в одностороннем порядке независимо от их правового допущения. Государство с помощью правовых средств лишь упорядочивает, оформляет эти притязания, не учреждая их. Защита прав и свобод – деятельное отстаивание государством прав, свобод от чьих-либо посягательств. Как государство обязано соблюдать права, свободы, так оно обязано обеспечить их соблюдение всеми иными субъектами»[8].

Признание, в контексте ч. 2 ст. 8 Конституции РФ, представляет собой юридически значимый акт легитимации обществом различных форм собственности,

1 Конституционное право России: Учебник, Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2001. С. 108.
2 Авакьян С. А. Глобализация, общие конституционные ценности и национальное регулирование // Социальные интересы. 2001. № 4. С. 44–47.
3 Алексеев С. С. Проблемы теории права. Курс лекций в двух томах. Т. 1. Свердловск, 1972. С. 102–112.
4 Снежко О. А. Конституционные основы государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 57.
5 Постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 1993 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы»// Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1993. № 2–3.
6 Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М: АЗЪ, 1995. С. 581.
7 Там же. С. 221.
8 Конституционное право России: учебник / отв. ред. А. Н. Кокотов, М. С. Саликов. 2-е изд., перераб. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. С. 110–111.

которые по своей сущности не вступают в противоречие с конституционными идеалами и ценностями»[1].

Равная защита форм собственности означает отсутствие приоритета в видах, способах защиты каких-либо форм собственности, дифференциации ответственности за посягательство на них. Безусловно, принцип признания и равной защиты частной собственности имеет ключевое значение для формирования нового типа экономической системы в России с рыночными отношениями[2].

Защита различных форм собственности является одной из основополагающих функций органов государственной власти, которую они осуществляют, в том числе через органы судебной власти, посредством выражения в частности правовых позиций Конституционного Суда РФ.

В решениях Конституционного Суда РФ отсутствует полная характеристика нормативного содержания рассматриваемого принципа, но, как утверждает М. В. Бородач, «к настоящему времени на основе ряда судебных решений Конституционного Суда РФ наметились два основных концепта, раскрывающих нормативное содержание рассматриваемого принципа: 1) идея о намеренном (ограничивающем публично-властную дискрецию) поставлении себя государством в формально равноправное положение с другими субъектами в отношениях гражданского оборота; 2) равноправие публичных собственников разных публично-территориальных уровней в имущественных взаимоотношениях между собой при разграничении государственной собственности»[3].

В соответствии с принципом признания и защиты равным образом разных форм собственности государство должно создавать условия для развития разнообразных форм собственности и обеспечивать их равную защиту[4], в том числе и в отношениях, связанных с передачей объектов государственной и муниципальной собственности для эффективного управления частным лицам.

Правовые основы охраны отношений собственности предусматриваются многими отраслями российского права: конституционным правом, устанавливающим общие принципы регулирования и защиты права собственности; в административном и уголовном праве предусматривается ответственность за противоправные посягательства на чужое имущество и другими, в том числе и гражданским правом[5].

Принцип неприкосновенности и юридического равенства всех форм собственности, используемых в предпринимательской деятельности также прямо вытекает из положений Основного закона РФ (ст. 8, 9, 34, 35). Относительно признания и защиты частной собственности на землю ч. 2 ст. 9 Конституции РФ закрепляет, что земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности.

Как верно отмечает В. И. Крусс, Конституция РФ задает режим солидарного характера возможностей владения, пользования и распоряжения землей, иными природными ресурсами. Исходя из этого, он утверждает, что такой солидарный характер для целей предпринимательской деятельности, по сути, «удваивается»: общая функциональная составляющая подкрепляется здесь солидарным назначением объектов этих прав, их общенародной «данностью». Право граждан, их объединений иметь в частной собственности землю (ч. 1 ст. 36 Конституции) является принципиально самостоятельным конституционным полномочием, синтетически объемлющим правомочия и земельного, и гражданско-правового характера, и не может трактоваться как объектно-субъектная конкретизация права частной собственности как такового. Только конституционный смысл соответствующей категории исключает дальнейшую экстраполяцию института частной собственности на природные ресурсы России[6].

В Конституции РФ и в Гражданском кодексе РФ (п. 1 ст. 212) предусмотрено, что частная собственность возглавляет список форм собственности. Поэтому, как считает В. Д. Мазаев, содержательный анализ ст. 8 (и иных взаимосвязанных норм) в Конституции РФ «показывает приоритетность института частной собственности в конституционном перечне форм

1 Бородач М. В. Конституционный принцип признания и защиты равным образом всех форм собственности как базисная ценность конституционной экономики // Ежегодник Конституционной Экономики / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский. М.: ЛУМ, 2019. С. 173–174.

2 Плотникова И. Н. Конституционный принцип признания и равной защиты частной и иных форм собственности в Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 4 (147). 2022. С. 56.

3 Бородач М. В. Публичная собственность: опыт конституционно-правового осмысления / под науч. ред. В. И. Крусса. М.: Норма, 2019. С. 453.

4 Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики (развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М.: Юристъ, 2004. с. 170.

5 Раздъяконова Е. В. Принцип равной защиты всех форм собственности и публично-частное партнёрство// Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 244.

6 Крусс В. И. Концепция конституционного правопользования (право на предпринимательскую деятельность): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004. С. 11.

собственности»[1]. Одновременно А. А. Саурин также отмечает, что частная собственность занимает первое место в конституционном перечне в ст. 8 Конституции РФ[2].

Однако, как нам представляется, это не означает, что именно частная форма обладает какими-либо преимуществами перед иными формами собственности. В том числе это не предполагает приоритетную защиту частной формы собственности перед иными формами. Поэтому признание различных форм собственности не должно преуменьшать их равной защиты. Суды применяют данный принцип в тех случаях, когда кто-либо пытается злоупотребить недостаточным регулированием защиты той или иной формы собственности. Так, по одному делу суд сослался на ч. 2 ст. 8 Конституции РФ и указал, что в связи с данной нормой «если собственником недвижимого имущества, к которому присоединена самовольная рекламная конструкция, является публичное образование, то оно не должно получить меньшую защиту, нежели частный собственник»[3].

Отдельные авторы отмечают, что в некоторых случаях государственной собственности предоставляется чрезмерная защита[4]. В условиях перехода России к рыночным отношениям частная собственность играет важную роль в становлении и развитии отечественной экономики. Ее значение особо проявляется после того, как социалистическая (прежде всего, государственная) собственность перестала быть приоритетной формой собственности и единственной базой производства материальных благ.

Собственность можно подразделить на две большие группы: частную и публичную. Публичная представляет собой государственную (федеральную и собственность субъектов РФ) и муниципальную собственность

Собственность можно подразделить на две большие группы: частную и публичную. Публичная представляет собой государственную (федеральную и собственность субъектов РФ) и муниципальную собственность.

Е. А. Суханов под правые собственности в субъективном смысле понимает субъективное гражданское право лица по своему усмотрению владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом, одновременно принимая на себя бремя и риск его содержания[5]. По мнению Ю. К. Толстого и А. П. Сергеева, право собственности определяется, как закрепленная за собственником юридически обеспеченная возможность владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом по своему усмотрению и в своем интересе путем совершения в отношении этого имущества любых действий, не противоречащих закону и иным правовым актам и не нарушающих права и охраняемые законом интересы других лиц, а также возможность устранять вмешательство всех третьих лиц в сферу его хозяйственного господства[6].

Одним из наиболее сложных в правовой науке является вопрос о наполнении конституционных прав конкретным содержанием, способах и пределах такого наполнения. Н. А. Богданова отмечает, что «ввиду заложенной в конституционной норме широты содержания конкретного права, его комплексности могут выявляться новые возможности пользования им или его защиты. Философской предпосылкой этому является соотношение категорий формы и содержания, в котором вторая всегда шире первой»[7].

Г. А. Гаджиев, обозначая проблему «наполняемости», небезосновательно считает, что конституционно-правовое понятие права частной собственности понимается многими судебными органами шире, чем гражданско-правовое субъективное, так как содержит широкий спектр имущественных прав, включающих в себя и права на накопление в пенсионных фондах, и требования об уплате доходов, утраченных

1 Мазаев В. Д. Конституционная модель российской экономической системы: образ и реальное наполнение // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 53.
2 Саурин А. А. Право частной собственности: конституционные характеристики // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 291.
3 Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 21 марта 2011 г. по делу № А78-4540/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
4 Кирпичев А. Е. Реализация конституционного принципа признания и равной защиты форм собственности в правовом регулировании предпринимательской деятельности и судебной практике // Российский судья. 2013. № 11. С. 8.
5 Гражданское право: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права: учеб / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 32.
6 Гражданское право: учебник / под ред.: А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. Т. 1. 765 С. 410–411.
7 Богданова Н. А. Современный каталог основных прав человека: международный и национальный пути наполнения // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2010. № 1. С. 51–52.

в связи с посягательством на доброе имя[1]. Поэтому гражданско-правовое понятие должно соответствовать конституционно-правовому, в противном случае оно будет ему противоречить.

В свою очередь, публичная собственность, по мнению А. В. Винницкого, существенно отличается от иных форм, в связи с тем, что, право публичной собственности – это «...особое, видоизмененное право собственности по сравнению с правом частной собственности. Подобное видоизменение происходит вследствие внедрения в частноправовую конструкцию права собственности, закрепленной гражданским законодательством, категории публичных интересов и идеи «общего блага», которые получают детальное развитие применительно к государственному и муниципальному имуществу в рамках публичного и прежде всего административного законодательства»[2]. Ю. А. Тихомиров публичные интересы определяет как общие интересы, своего рода усреднение личных, групповых интересов. Это общественные интересы, без удовлетворения которых невозможно, с одной стороны, реализовать частные, с другой – обеспечить целостность организаций, государства, наций, социальных слоев, общества в целом[3]. Обращаясь к теме публичного интереса, А. В. Кряжков утверждает, что «публичные интересы включают в себя лишь те потребности, от которых зависит существование и развитие общества». При этом, как указывает автор, «...государство должно ограничивать свое вмешательство сферой публичных интересов. Определение этой границы государственного вмешательства и составляет проблему разделения государства и гражданского общества, баланса публичных и частных интересов, интересов отдельного субъекта и интересов всего общества»[4].

Несмотря на то, что Конституционный Суд РФ при рассмотрении положений действующего законодательства РФ исходит из конституционного принципа признания и защиты равным образом разных форм собственности, он не исключает различий в правовом режиме частной и публичной собственности, обусловленных, в том числе особенностями осуществления и защиты прав на объекты, находящиеся в частной или публичной собственности[5]. Под прямым воздействием принципа признания и защиты равным образом разных форм собственности находится преимущественно гражданское законодательство.

Ни в Конституции РФ, ни в Гражданском кодексе РФ (ГК РФ) не раскрывается значение словосочетания «иные формы собственности». Это вызвало в юридической литературе различного рода предположения. Чаще всего указывается на смешанную форму собственности, хотя называются политэкономические построения типа «коллективной», «арендной» или «общинной» собственности.

На наш взгляд, категория «смешанная форма собственности» имеет право на существование. Но вряд ли она применима к ситуациям, связанным с созданием юридических лиц. Например, при учреждении акционерного общества публичным образованием и частными лицами не происходит образование смешанной формы собственности. Нет смешанной формы собственности и при создании коммерческих организаций с участием иностранного капитала. По законодательству об иностранных инвестициях такие организации могут учреждаться только в форме общества с ограниченной ответственностью или акционерного общества.

Нельзя говорить о смешанной форме собственности и в отношении унитарных предприятий. В силу ст. 113 ГК РФ унитарным предприятием признается коммерческая организация, не наделенная правом собственности на закрепленное за ней собственником имущество. Имущество унитарного предприятия является неделимым и не может быть распределено по вкладам (долям, паям), в том числе между работниками предприятия. Следовательно, правовая модель унитарного предприятия исключает какую-либо возможность формирования смешанной собственности.

Отсутствуют юридические предпосылки к образованию смешанной формы и применительно к некоммерческим организациям. Например, организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально-культурных и иных функций некоммерческого характера и финансируемая им полностью или частично, может существовать как публичное (государственное и муниципальное), так и частное (общественное и т.д.) учреждение.

Соглашаясь в целом с мнением о том, что упоминание в Конституции РФ и ГК РФ об «иных формах

1 Гаджиев Г. А. Конституционные основы современного права собственности // Журнал российского права. 2006. № 12. С. 35.
2 Винницкий А. В. Публичная собственность. М.: Статут, 2013. С. 50.
3 Тихомиров Ю. А. Публичное право. М., 1995. С. 54.
4 Кряжков А. В. Публичный интерес: понятие, виды и защита // Государство и право. 1999. № 10. С. 92.
5 По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Дубовца: Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 27. Ст. 4075.

собственности» служит базой для чисто умозрительных (политэкономических) построений (например, типа «коллективной», «народной» собственности), в то же время едва ли можно признать убедительным общий вывод: такое упоминание является результатом недоразумения. Полагаем, что данное словосочетание указывает на потенциальную возможность существования иных форм собственности, что законодательный перечень форм собственности не носит закрытого характера.

Е. А. Суханов утверждает, что понятие «форма собственности» – экономическая, а не юридическая категория. С юридической точки речь должна идти о принадлежности имущества на праве собственности различным субъектам – гражданам, юридическим лицам, публично-правовым образованиям, причем с совершенно одинаковым объемом правомочий. По мнению данного ученого, «как содержание, так и осуществление правомочий собственника в гражданском праве в принципе не имеет различий в зависимости от субъектной принадлежности права собственности... Известные ограничения, влекущие особенности правового режима отдельных объектов этого права, также по общему правилу являются одинаковыми для всех собственников (например, строго целевой характер использования находящихся в их собственности земель или других природных ресурсов либо жилых помещений; отчуждение и использование вещей, ограниченных в обороте и т.п.)»[1].

О юридическом равенстве можно утверждать применительно к праву собственности в субъективном смысле

Мы разделяем данную точку зрения, считая, что к экономическим категориям следует отнести такие понятия, как «формы собственности» и «виды собственности». Поэтому обеспечить «равенство всех форм собственности» в юридическом смысле просто невозможно. Так, в государственной собственности может находиться любое имущество, в том числе изъятое из оборота (п. 2 ст. 129 ГК РФ); государство может приобретать имущество в собственность такими способами (налоги, сборы, пошлины, конфискация, национализация), которых лишены граждане и юридические лица.

О юридическом равенстве можно утверждать применительно к праву собственности в субъективном смысле. Здесь, действительно, нет и не может быть неравенства, поскольку правомочия владения, пользования и распоряжения и по содержанию, и по объему равны.

Говоря о правовых ограничениях, надо отметить, как нам представляется, некоторую несогласованность между правилом ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и нормой, содержащейся в ч. 3 ст. 35 Основного закона РФ. Логически рассуждая и сопоставляя между собой указанные положения статьей Основного закона, можно проследить следующую связь. Конституционно-правовые ограничения прав и свобод физических и юридических лиц допускаются на основании федерального закона (в нашем случае – Налогового кодекса РФ). Однако правило ч. 3 ст. 35 Конституции РФ разрешает данное ограничение путем изъятия имущества только по решению суда. Выходит, что налогообложение не совсем вписывается в прокрустово ложе Конституции РФ.

Рассматривая вопрос об ограничении права собственности налогом, необходимо исходить из первичности прав индивидуума (в том числе права собственности) по отношению к правам государства и обязанностям самого индивидуума перед указанным публичным субъектом. Сообразно логике такого подхода налог выступает как обязанность, производная от права собственности лица. Законодательным воплощением такого подхода является, например, ст. 14 Основного закона Федеративной республики Германии. В ней, наряду с указанием на гарантированность права собственности, отмечается, что «собственность обязывает. Ее использование должно одновременно служить общему благу». Таким образом, факт обладания имуществом порождает у собственника определенные обязательства перед обществом. Сходные по своей идеологической направленности положения содержатся в ч. 2 ст. 33 Конституции Испании 1978 г., в ч. 1 ст. 17 Конституции Греции 1975 г., в ч. 2 ст. 42 Конституции Итальянской Республики 1947 г. Как отмечает М. И. Кулагин, указанные конституционные положения сформировались под влиянием теории социальной функции права (Конт, Дюги и др.)[2]. Надо сказать, что в отличие от норм действующей Конституции РФ 1993 г., в Конституции РСФСР 1978 г. (с поправками 1990–1992 г.) закреплялось, что собственность не может использоваться в целях,

1 Суханов Е. А. Проблемы правового регулирования отношений публичной собственности и новый гражданский кодекс: Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сб. памяти С. А. Хохлова / Отв. А. Л. Маковский; Исследовательский центр частного права. М., 1998. С. 207.

2 Кулагин М. И. Избранные труды. М.: Статут, 1997. С. 246.

противоречащих интересам общества, правам и свободам других граждан (ст. 10)[1].

Учитывая сказанное выше, мы соглашаемся с мнением А. В. Бесштанько о том, что конституционное право частной собственности можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, конституционное право частной собственности – это подсистема конституционного права, группа правовых норм, регулирующих общественные отношения по поводу осуществления лицом меры возможного поведения по отношению к принадлежащим ему полезным и ограниченным объектам. Во-вторых, конституционное право частной собственности есть основное экономическое право, элемент подсистемы экономических прав человека и гражданина, выражающее совокупность правомочий по владению, пользованию и распоряжению теми или иными объектами[2]. В последнем случае конституционное право частной собственности представляет собой правомочие гражданина (физического лица) по владению, пользованию и распоряжению имуществом.

Таким образом, следует заключить, что Конституция РФ закрепила принцип признания и защиты равным образом частной собственности и иных ее форм, конституционализировала частную собственность в относительном соответствии с международными стандартами и опытом конституционного развития демократических зарубежных стран, преодолевая наследие административно-командной, плановой экономики, без установления приоритета частной и каких-либо иных форм собственности.

В Основном законе РФ, несмотря на неоднократно внесенные в него поправки, до сих пор, как верно отмечает И. Н. Плотникова, «отсутствуют прямо сформулированные нормы как о неприкосновенности частной собственности, так и ее социальной функции, отнесении объектов к исключительной собственности государства, что не способствует дальнейшему оптимальному и последовательному отраслевому регулированию и развитию отношений в сфере частной собственности в условиях перехода от административно-командной экономике к рыночной»[3].

Изложенное позволяет сделать вывод, что в действующем законодательстве РФ процесс осуществления принципа признания и равной защиты частной и иных форм собственности еще далек от завершения, хотя в некоторых случаях это восполняется правоприменительной, судебной практикой. Поэтому конституционное признание, закрепление и равенство всех форм собственности выражают и свободу человека, и демократическую природу гражданского общества[4].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституционное право России: Учебник, Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2001. 548 С.

2. Авакьян С. А. Глобализация, общие конституционные ценности и национальное регулирование // Социальные интересы. 2001. № 4. С. 44–47.

3. Алексеев С. С. Проблемы теории права. Курс лекций в двух томах. Т. 1. Свердловск, 1972. 396 с.

4. Снежко О. А. Конституционные основы государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999.

5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М: АЗЪ, 1995. 928 с.

6. Конституционное право России: учебник / отв. ред. А. Н. Кокотов, М. С. Саликов. – 2-е изд., перераб. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. 496 с.

7. Бородач М. В. Конституционный принцип признания и защиты равным образом всех форм собственности как базисная ценность конституционной экономики // Ежегодник Конституционной Экономики / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский. М.: ЛУМ, 2019. С. 154–182.

8. Плотникова И. Н. Конституционный принцип признания и равной защиты частной и иных форм собственности в Российской Федерации//Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 4 (147). 2022. С. 55–63. DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-55-63.

1 Закон РФ от 9 декабря 1992 г. № 4061-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) Российской Федерации – России» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2, ст. 55.

2 Бесштанько А. В. Конституционно-правовые основы частной собственности в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. С. 28.

3 Плотникова И. Н. Конституционный принцип признания и равной защиты частной и иных форм собственности в Российской Федерации//Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 4 (147). 2022. С. 62.

4 Конституционное право России: Учебник, Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2001. С. 108.

9. Бородач М. В. Публичная собственность: опыт конституционно-правового осмысления / под науч. ред. В. И. Крусса. М.: Норма, 2019. 576 с.

10. Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики (развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М.: Юристъ, 2004. 286 с.

11. Раздъяконова Е. В. Принцип равной защиты всех форм собственности и публично-частное партнёрство// Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 244–250.

12. Крусс В. И. Концепция конституционного правопользования (право на предпринимательскую деятельность): Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2004.

13. Мазаев В. Д. Конституционная модель российской экономической системы: образ и реальное наполнение // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 52–59.

14. Саурин А. А. Право частной собственности: конституционные характеристики // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 290–296.

15. Кирпичев А. Е. Реализация конституционного принципа признания и равной защиты форм собственности в правовом регулировании предпринимательской деятельности и судебной практике // Российский судья. 2013. № 11. С. 7–9.

16. Гражданское право: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права: учеб / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2006. 496 с.

17. Гражданское право: учебник / под ред.: А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. Т. 1. 765 с.

18. Богданова Н. А. Современный каталог основных прав человека: международный и национальный пути наполнения // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2010. № 1. С. 41–57.

19. Гаджиев Г. А. Конституционные основы современного права собственности // Журнал российского права. 2006. № 12. С. 30–41.

20. Винницкий А. В. Публичная собственность. М.: Статут, 2013. 732 с.

21. Тихомиров Ю. А. Публичное право. М., 1995. 496 с.

22. Кряжков А. В. Публичный интерес: понятие, виды и защита // Государство и право. 1999. № 10. С. 91–99.

23. Суханов Е. А. Проблемы правового регулирования отношений публичной собственности и новый гражданский кодекс: Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сб. памяти С. А. Хохлова/ Отв. А. Л. Маковский; Исследовательский центр частного права. М., 1998. 480 с.

24. Кулагин М. И. Избранные труды. М.: Статут, 1997. 329 с.

25. Бесштанько А. В. Конституционно-правовые основы частной собственности в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Белых Сергей Владимирович
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: belykhs@yandex.ru.

AUTHOR'S DETAILS

Sergey V. Belykh
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterinburg). E-mail: belykhs@yandex.ru.

УДК 342

К вопросу о самостоятельности органов местного самоуправления в Российской Федерации

Елькина А. В., Кушнарев А. С.[1]

Аннотация. Местное самоуправление определяется как форма народовластия, институт гражданского общества, институт публичной власти, элемент политической системы, который гарантирует защиту местных интересов наряду с государственными и напрямую связан с решением вопросов местного значения. Одной из основ конституционного строя Конституция называет самостоятельность местного самоуправления, так статья 12, 132 Конституции РФ гарантируют, что органы местного самоуправления в пределах своих полномочий самостоятельны и не входят в систему органов государственной власти, а также формируются населением и обладают обширными полномочиями. В данной работе рассматривается сущность местного самоуправления с точки зрения доктринальных источников науки конституционного и муниципального права. Приводится определение понятия «самостоятельность» местного самоуправления, исследуются его характерные признаки. Далее в работе проводится сравнительный анализ существующего положения органов местного самоуправления с сущностными признаками «самостоятельности» местного самоуправления. В конце работы сформулировано авторское мнение, основанное на проведенном в работе исследовании.

Ключевые слова: органы местного самоуправления; самостоятельность местного самоуправления; публичная власть; финансовая самостоятельность

On the question of the independence of local Self-government bodies in the Russian Federation

Alexandra V. Elkina, Alexandr S. Kushnarev[2]

Abstract. Local government is defined as a form of democracy, an institution of civil society, an institution of public power, and an element of the political system that guarantees the protection of local interests along with the state and is directly related to the solution of local issues. The Constitution calls the independence of local self-government one of the foundations of the constitutional system, so articles 12, 132 of the Constitution of the Russian Federation guarantee that local authorities within their powers are independent and not included in the system of state authorities, and are also formed by the population and have extensive powers. In this work, the essence of local self-government is considered from the point of view of doctrinal sources of science of constitutional and municipal law. The definition of the concept of "independence" of local self-government is given, its characteristic features are investigated. Further, the work conducts a comparative analysis of the existing position of local self-government bodies with essential signs of the "independence" of local self-government. At the end of the work, the author's opinion was formulated based on the study conducted in the work.

Keywords: local government; autonomy of local government; public authority; financial autonomy

Прошло более тридцати лет с момента обретения местным самоуправлением самостоятельности, следовательно, представляется весьма актуальным исследование сложившихся взаимоотношений между органами государственной власти и органами местного самоуправления, определение сформировавшихся тенденций и проблем их развития.

Обсуждаемым событием стало введение в соответствии с Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» в 2020 г. в Конституцию Российской Федерации категории «публичная власть», которая объединила: «государственную

1 Для цитирования: Елькина А. В., Кушнарев А. С. К вопросу о самостоятельности органов местного самоуправления в Российской Федерации // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 1. С. 17–21.

2 For reference: Alexandra V. Yelkina, Alexandr S. Kushnarev. On the question of the independence of local Self-government bodies in the Russian Federation // Business, management and law. 2023. No. 1. Pp. 17–21.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

власть» и «местное самоуправление». Сейчас в Конституции закреплена сущность местной власти, основанная на синтезе европейской (континентальной) и англосаксонской концепций[1].

Остановимся на вопросе самостоятельности органов местного самоуправления. Профессор А. Н. Кокотов считает, что самостоятельность местного самоуправления, как основополагающего принципа реализации местного самоуправления при взаимодействии с государственной властью, выражается в организационной «неподчиненности» муниципальных образований государству, а также определяется правом населения и органов местного самоуправления принимать решения по собственному усмотрению в пределах своей компетенции[2]. Говоря о пределах компетенции, важно уточнить, что в соответствии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2015 г. № 30-П самостоятельность органов местного самоуправления не абсолютна, но исключает замену органов местного самоуправления органами государственной власти при решении вопросов непосредственного обеспечения населения. Подобное организационное взаимодействие дает основание ученым сделать вывод о «фактическом отсутствии самостоятельности органов местного самоуправления»[3].

Действующее законодательство действительно предусматривает возможность населения формировать органы местного самоуправления, однако самостоятельность ограничена

Тем не менее, помимо острых дискуссий о сущности данного принципа местного самоуправления, в научной среде также принимаются попытки дать определение данной дефиниции. Разделяем точку зрения профессора А. Т. Карасева[4], который под самостоятельностью (независимостью) понимает «реальную возможность населения самостоятельно формировать органы местного самоуправления, осуществлять нормотворческую деятельность по решению вопросов местного значения, а также возможность обладать достаточными материальными и финансовыми ресурсами, необходимыми для осуществления полномочий по решению вопросов местного значения». В связи с чем предлагается провести сравнительный анализ положения органов местного самоуправления, основываясь на сущностных признаках, сформулированных в данном определении.

Первым критерием выступает конституционная возможность населения формировать органы власти на местном уровне. Стоит сказать, что данное положение находит закрепление в Европейской хартии местного самоуправления ETS N 122 (Страсбург, 15 октября 1985 г.), в частности, п. 1 ст. 6 закрепляет возможность местных органов самостоятельно определять внутреннюю структуру, а п. 1 ст. 7 закрепляет обязательность обеспечения статуса местных выборных лиц свободного осуществления их мандата. Нормы Федерального закона № 131-ФЗ в соответствии с Хартией по общему правилу (статья 34) запрещают органам государственной власти участвовать в формировании органов местного самоуправления. Однако, содержат ряд исключений, так, до 2016 г. законодатель предусматривал участие органов государственной власти лишь в случаях, установленных ч. 5 и ч. 11 ст. 37 и ст. 74.1, но позднее норма была дополнена также случаями, предусмотренными ч. 2.1 ст. 36 и ст. 74. Подобная тенденция свидетельствует о постепенном увеличении влияния органов государственной власти на формирование органов местного самоуправления, при этом все чаще обсуждается вопрос отказа от выборности глав муниципальных образований. Более того, часть 5 ст. 37 ФЗ № 131 наделяет губернаторов правом назначать ½ членов конкурсной комиссии по выборам главы муниципального образования. Данное положение подрывает конституционную гарантию отграничения органов местного самоуправления от системы органов государственной власти[5]. В связи с чем предлагается законодательно исключить участие высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в работе конкурсных комиссий, что будет отвечать принципу независимости органов местного самоуправления.

1 Баранчиков В. А. Муниципальное право: Учебник для вузов. М.: Юнити-Дана, 2000. С. 8.
2 Муниципальное право России: учебник для академического бакалавриата / под ред. А. Н. Кокотова. М., 2019. С. 21.
3 Дитятковский М. Ю. О конституционной самостоятельности местного самоуправления // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 2 (31). С. 49–64.
4 Карасев А. Т. Самостоятельность местного самоуправления как ключевой принцип осуществления государственной и местной власти / А. Т. Карасев, К. И. Коваленко // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 73–76.
5 Овчинников В. А. Органы местного самоуправления: проблемы формирования / В. А. Овчинников, И. А. Космина // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2009. № 3(35). С. 46–54.

Итак, действующее законодательство действительно предусматривает возможность населения формировать органы местного самоуправления, однако самостоятельность ограничена.

Далее предлагается рассмотреть «реальность» осуществления населением нормотворческой деятельности. Следует обратиться к законодательному регламентированию нормотворческого процесса, так инициирование принятия муниципального правового акта регулируется статьей 46 ФЗ № 131, в которой определен перечень субъектов, наделенных правом предлагать проекты муниципальных актов, к ним относятся: депутаты представительного органа местного самоуправления, органы территориального общественного самоуправления, инициативные группы граждан, глава муниципального образования и иные лица, установленные уставом муниципального образования.

Следовательно, федеральный законодатель не наделяет органы государственной власти полномочиями по инициированию принятия муниципальных правовых актов, что лишает их возможности принимать участие в нормотворческом процессе.

Российское законодательство в части регулирования органами государственной власти экспертиз нормативно-правовых актов местного самоуправления соответствует принципу самостоятельности органов местного самоуправления[1], так как целью контроля выступает ни что иное как обеспечение законности при принятии нормативно-правовых актов местной власти. Более того, действующее законодательство не предусматривает возможности органов государственной власти отменять или приостанавливать муниципальные правовые акты, исключением являются лишь акты, в части регулирующей осуществление органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий. В свою очередь данная норма соответствует ч. 2 ст. 8 Европейской хартии местного самоуправления, устанавливающей правомерность и целесообразность административного контроля при выполнении органами местного самоуправления делегированных полномочий.

Таким образом, следует признать, что население обладает «реальной» возможностью осуществлять нормотворческую деятельность, так как органы государственной власти не могут принимать участие в нормотворческом муниципальном процессе, а также отменять или приостанавливать муниципальные правовые акты, что полностью соответствует рассматриваемому нами принципу «самостоятельности» органов местного самоуправления.

Заключительным основанием сравнения выступает «реальная» возможность населения и органов местного самоуправления обладать достаточными материальными и финансовыми ресурсами, необходимыми для осуществления полномочий в рамках предмета ведения. Данное положение, как и рассматриваемые выше, находит свое закрепление в Европейской хартии местного самоуправления, в частности, ч. 1 ст. 9 где отражено право органов местного самоуправления получать достаточные собственные финансовые средства (принцип соразмерности), которые по смыслу п. 2 той же статьи должны быть соразмерны предоставленным им полномочиям, что прямо соотносится с рассматриваемым нами критерием. В соответствии с ч. 1 ст. 52 ФЗ № 131 каждое муниципальное образование имеет собственный бюджет, к доходной части которого относятся собственные доходы, за счет которых финансируется решение вопросов местного значения, и субвенции, предоставляемые органам местного самоуправления для осуществления отдельных государственных полномочий[2]. В свою очередь к собственным доходам местного бюджета относятся доходы от местных налогов и сборов, которые органы местного самоуправления согласно ч. 1 ст. 132 Конституции РФ имеют право самостоятельно устанавливать. Статья 15 Налогового кодекса РФ к местным налогам относит: земельный налог, налог на имущество физических лиц и торговый сбор, которые не обеспечивают надлежащее выполнение полномочий на местном уровне. Свыше 80% земли в Российской Федерации относится к федеральной собственности, что значительно сокращает возможности муниципальных образований на получение стабильного дохода[3]. Более того, муниципальные образования лишены имущества, необходимого им для ведения предпринимательской деятельности, муниципальная собственность, находящаяся в ведении муниципалитета, не позволяет им получать достаточный доход для полноценного осуществления закрепленных за ними

1 Михеева Т. Н., Степанова А. Ю. Конституционный судебный контроль за муниципальными правовыми актами // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2019. № 2. С. 18.

2 Муниципальное право России: Учебное пособие // Мильшин Ю. Н., Чаннов С. Е. / 2008.

3 Марчева Л. М. Проблемы финансирования местного самоуправления в России и Великобритании // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-finansirovaniya-mestnogo-samoupravleniya-v-rossii-i-velikobritanii (дата обращения: 21.12.2022).

полномочий. По информации о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов в 2020 году[1] в совокупности поступления местных налогов составляют 7,1%, при этом как важно отмечается в отчете мониторинга – важным фактором роста собственных доходов муниципальных образований является увеличение объема дотаций на 13,7% (30,2 млрд рублей). Таким образом, муниципалитеты не могут самостоятельно обеспечить себя финансовыми ресурсами, следствием чего является увеличение дотаций со стороны государства. В докладе Общественной палаты РФ «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации» муниципалитеты в 98% признаны дотационными[2].

Полномочия муниципалитетов недостаточно обеспечены с точки зрения финансовой составляющей, что не позволяет им полноценно и эффективно осуществлять возложенные на них функции

Как видно, полномочия муниципалитетов недостаточно обеспечены с точки зрения финансовой составляющей, что не позволяет им полноценно и эффективно осуществлять возложенные на них функции. Более того, сложившаяся тенденция увеличения дотаций со стороны государственной власти, влекущее пропорциональное уменьшение финансовых средств местного самоуправления, поступающей за счет местных сборов и налогов, приводит к умалению закрепленного положения ч. 3 ст. 9 в Европейской хартии местного самоуправления. Интересным представляется факт, что в зарубежных государствах основным местным налогом, значительно пополняющим местную казну, выступает налог на недвижимость, однако в Российской Федерации данный вид налога частично относится к региональным налогам, что существенно снижает соответствующие поступления в местный бюджет[3]. Население не обладает «реальной» возможностью иметь достаточные финансовые ресурсы.

Подводя итоги проведенному исследованию, необходимо отметить следующее. При ответе на вопрос о самостоятельности местного самоуправления во взаимоотношениях с органами государственной власти необходимо учитывать, что в советский отрезок нашей истории местные органы являлись органами государственной власти, выполняя на местах в пределах своих полномочий значительный объем государственной работы, что и по сей день сказывается в деятельности муниципалитетов. Далее, если рассматривать самостоятельность муниципалитетов с ретроспективной точки зрения, то видится негативная тенденция постепенного ограничения самостоятельности местной власти. Так, если в Федеральном законе № 154-ФЗ структура органов местного самоуправления определялась населением самостоятельно, то уже в № 131-ФЗ структура четко определена и предусматривает наличие в каждом муниципалитете обязательных элементов, а в тексте Основного закона «Органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления», все это свидетельствует об ужесточении требований к формированию органов местного самоуправления. Следующим критерием выступает финансовая самостоятельность местного самоуправления: если в 1998 г. поступления от местных налогов и сборов составляли 15–20% доходов местных бюджетов, то уже к 2003 эта доля снизилась до 2–5%, подобное уменьшение собственных доходов муниципалитетов мы можем наблюдать и сегодня, что не позволяет местным органам самостоятельно иметь достаточные ресурсы для осуществления собственных полномочий.

В совокупности складывается тенденция умаления принципа самостоятельности местной власти, что не позволяет авторам настоящего исследования дать положительный ответ на поднятый в текущем исследовании вопрос.

1 Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2020 год: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results/?id_57=133645-informatsiya_o_rezultatakh_provedeniya_monitoringa_ispolneniya_mestnykh_byudzhetov_i_mezhbyudzhetnykh_otnoshenii_v_sube (дата обращения: 21.12.2022).

2 Мельникова Р. И. Социальные практики поддержки местного самоуправления органами государственной власти: региональный аспект // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-praktiki-podderzhki-mestnogo-samoupravleniya-organami-gosudarstvennoy-vlasti-regionalnyy-aspekt (дата обращения: 21.12.2022).

3 Система муниципального управления: Учебник для вузов // 3-е издание, переработанное и дополненное // под ред. В. Б. Зотова / «Кнорус», 2021.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранчиков В. А. Муниципальное право: Учебник для вузов. М.: Юнити-Дана, 2000. С. 448.

2. Дитятковский М. Ю. О конституционной самостоятельности местного самоуправления // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 2 (31). С. 49–64.

3. Карасев А. Т. Самостоятельность местного самоуправления как ключевой принцип осуществления государственной и местной власти / А. Т. Карасев, К. И. Коваленко // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 73–76.

4. Марчева Л. М. Проблемы финансирования местного самоуправления в России и Великобритании // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-finansirovaniya-mestnogo-samoupravleniya-v-rossii-i-velikobritanii (дата обращения: 21.12.2022).

5. Мельникова Р. И. Социальные практики поддержки местного самоуправления органами государственной власти: региональный аспект // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-praktiki-podderzhki-mestnogo-samoupravleniya-organami-gosudarstvennoy-vlasti-regionalnyy-aspekt (дата обращения: 21.12.2022).

6. Михеева Т. Н., Степанова А. Ю. Конституционный судебный контроль за муниципальными правовыми актами // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2019. № 2. С. 18.

7. Муниципальное право России: учебник для академического бакалавриата / под ред. А. Н. Кокотова. М., 2019. С. 21.

8. Муниципальное право России: Учебное пособие // Мильшин Ю. Н., Чаннов С. Е. / 2008. С. 404.

9. Овчинников В. А. Органы местного самоуправления: проблемы формирования / В. А. Овчинников, И. А. Космина // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2009. № 3(35). С. 46–54.

10. Система муниципального управления: Учебник для вузов // 3-е издание, переработанное и дополненное // под ред. В. Б. Зотова / «Кнорус», 2021. С. 680.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Елькина Александра Вячеславовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: eav001@usla.ru.

Кушнарев Александр Сергеевич
студент Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: kushnarev-02@list.ru.

AUTHOR'S DETAILS

Elkina Alexandra Vyacheslavovna
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterinburg). E-mail: eav001@usla.ru.

Kushnarev Alexander Sergeevich
Student of the Ural State, Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterinburg). E-mail: kushnarev-02@list.ru.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

УДК 336.221

Воздействие налоговой системы на становление экономического могущества современной России

Пиликин Г. Г.[1]

Аннотация. Содержание статьи направлено на рассмотрение взаимодействия финансовой (налоговой) системы и экономики, имея ввиду неуклонное повышение эффективности социально-экономического развития России на основе совершенствования действующего законодательства.

Важная роль перевода на путь эффективного роста экономического и иного могущества страны принадлежит правовому обеспечению совершенной и современной финансовой системы. Совершенствование правового регулирования финансовых отношений должно было осуществлено с учетом достижений юридической науки, отечественных и зарубежных практик, имея ввиду деятельность финансовых органов, налоговых органов, предпринимательских структур, включая малый и средний бизнес, а также судебную и судебно-арбитражную практику. Фундаментальной основой совершенствования правового обеспечения финансовой (включая налоговую) системы России послужит систематизация финансового законодательства, которая является важным этапом научного познания правовой и иной реальности.

Строительство финансового законодательства России должно быть осуществлено на основе пандектной системы, путем подразделения норм финансового права на Общую и Особенную части, что обеспечит их конвергенцию с нормами и институтами других отраслей российского права и надлежащий уровень правоприменения. При этом само по себе создание эффективной финансовой системы и ее правового обеспечения должно проходить в эволюционном порядке.

Ключевые слова: воздействие, налоговая система, институт толкования, систематизация финансового законодательства

The impact of the tax system on the formation of the economic power of modern Russia

Georgy G. Pilikin[2]

Abstract. The paper is aimed at considering the interaction of the financial (tax) system and the economy, bearing in mind the steady increase of Russia's socio-economic development based on the improvement of the current legislation.

An important role in the transition to the path of effective growth of economic and other powers of the state belongs to the legal support of a perfect and modern financial system. The improvement of the legal regulation of financial relations should be carried out taking into account the achievements of legal science, domestic and foreign practices, with a view to the activities of financial and tax authorities, business structures, including small and medium-sized businesses, as well as judicial and arbitration practice. The basis for improving the legal support of the financial (including tax) system of Russia will be the systematization of financial legislation, which is an important stage in acquiring scientific knowledge of legal and other realities.

The financial legislation of Russia should be constructed on the basis of a pandect system, by subdividing the norms of financial law into General and Special parts, which will ensure their convergence with the norms and institutions of other branches of Russian law and the proper level of law enforcement. At the same time, the creation of an effective financial system and its legal support should have an evolutionary character.

Keywords: impact, tax system, institution of interpretation, systematization of financial legislation

Начало третьего десятилетия третьего тысячелетия от Рождества Христова в международной экономической и иной жизни ознаменовано пышным расцветом «кулачного права», одним из инструментов которого является неправомерное бесцеремонно-циничное объявление санкций и навязывание практически всем странам

1 Для цитирования: Пиликин Г. Г. Воздействие налоговой системы на становление экономического могущества современной России // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 1. С. 22–26.

2 For reference: Georgy G. Pilikin. The impact of the tax system on the formation of the economic power of modern Russia // Business, management and law. 2023. No. 1. Pp. 22–26.

поведенческой модели, угодной интересам США, выступающим мировым жандармом.

Поэтому становится все более очевидным, что капитализм с его свободой рынка, конкуренцией и другими факторами, стимулирующими развитие экономики, существенно отличен от современного капитализма, концентрирующего астрономические финансовые и иные ресурсы в руках немногочисленных групп лиц, и является давно прошедшим этапом, лишь данью истории и своеобразным анахронизмом.

Отсюда следует, что в современный период перед Россией, являющейся новым государством и новым субъектом международного права возникли фундаментальные задачи преобразования страны путем использования эффективных способов становления экономического и иного могущества.

Одним из способов решения указанных проблем выступает правовое обеспечение создания эффективной финансовой (включая и налоговую) системы России с учетом позитивных отечественных, международных практик и современных требований, обусловленных, в частности, цифровизацией и применением искусственного интеллекта.

Отметим, что действующая налоговая система, созданная в оперативном режиме после распада Советского Союза, в определенной мере справилась с переходом страны из одной системы экономических координат в другую (из социалистической в капиталистическую). Однако ее современное состояние, охватывая и правовое регулирование, не содержит необходимых условий и оснований для дальнейшего безусловно успешного и постоянного растущего финансово-экономического, производственно-технического и иного развития России.

Считаем, что процесс объявления и создания эффективной финансовой (включая налоговую) системы не предполагает и не должен предполагать никаких потрясений и тем более революционных действий по известной формуле: «...мы старый мир разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим...». Мы это проходили. До сих пор не можем прийти в себя.

Представляется необходимым осуществить правовые преобразования в упомянутой сфере постепенно, последовательно, в разумные сроки, с привлечением ученых и специалистов, владеющих специальными знаниями и практиками, обеспечив им материально-техническое и финансовое сопровождение для достижения планируемых результатов. Именно соблюдение предлагаемого подхода имеет все основания полагать, что проведенная работа вполне оправдает ожидаемые результаты.

Само по себе налоговое право, являясь составной частью (подотраслью) финансового права, должно было быть единым, определенным и понятным по содержанию. Его строительство, вносимые изменения и дополнения должны осуществляться с учетом того обстоятельства, что финансовое (включая налоговое) право подчинено своему типу регулирования, являющемуся публично-правовым. Природа финансовых (и налоговых) правоотношений предполагает установленную определенность в реализации прав и обязанностей их участников. Отсюда следует, что осуществление лицом властно-имущественных полномочий должно происходить на основе корреспондирующих прав и обязанностей другого участника в предусмотренные сро-

Невозможно и диспозитивное регулирование финансовых отношений. Нормы финансового права порождают публичные правоотношения в сфере финансов

ки и порядке. Иное будет означать злоупотребление должностным лицом полномочиями путем создания невозможности реализации субъективного права заинтересованным лицом либо путем неправомерного неисполнения или уклонения от исполнения предписаний финансово-правовой (налоговой) нормы.

По нашему мнению, невозможно и диспозитивное регулирование финансовых отношений. Нормы финансового права порождают публичные правоотношения в сфере финансов. Они не дозволяют субъектам этих отношений устанавливать «правила по своему усмотрению» и выполнять наряду с государством функции регулятора, как это происходит в гражданском праве.

Важнейшей проблемой современного правового регулирования отношений, связанных со сферой финансов, требующей особого внимания и рассмотрения является использование института толкования (интерпретации). Согласно теории права толкование (интерпретация) это сложный процесс, связанный с деятельностью по установлению содержания нормативных предписаний и содержания правового акта для их практической реализации[1].

1 Алексеев С. С. Общая теория права // учеб. 2-е изд., М.: ТК Велби, изд-во «Проспект», 2008, с. 502–524.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

По римскому праву толкование осуществлялось с учетом того, что:

1) если закон запрещал цель, то тем самым запрещал и средства;

2) кому закон предоставлял известное право, тому принадлежало и притязание на средства для осуществления этого права;

3) если закон устанавливал правило до известных пределов, то за этими пределами действовало противоположное правило;

4) in majore minus (в большом малое)[1].

В рассматриваемом правовом пространстве по сути толкование осуществляется Министерством финансов, Федеральной налоговой службой, Министерством экономического развития, Федеральным казначейством, Федеральной таможенной службой и рядом иных ведомств. Вместе с тем делегированные им полномочия, связанные с интерпретационной деятельностью, реализуемые в издаваемых ими правовых актах нередко используются для формирования предписаний, содержание которых контрастируют с положениями теории права и установлениями, созданными римским правом.

Приведенные равно как и другие принципиальные установки, относящиеся к природе финансового права как особой форме регулирования экономических отношений, должны были быть учтены законодателем при формировании финансового законодательства.

Правоприменение налогового законодательства показывает, что главное действующее лицо налоговых правоотношений – налогоплательщик – постоянно находится под дамокловым мечом воздействия за упущения и тем более нарушения, поскольку презюмируется в качестве потенциального нарушителя. Стало правилом, когда налоговый орган по результатам проверки нацелен на объявление налогоплательщика «злодеем». В свою очередь, он прилагает невероятные усилия по формированию доказательств, свидетельствующих о том, что в действительности является законопослушным налогоплательщиком, имея ввиду его обращения в суд. Отсюда неразумные затраты времени, финансовых средств, профессиональных и иных усилий.

Известна практика, когда после проведения проверки налоговым органом не устанавливаются нарушения налогоплательщиком – организацией предписаний налогового законодательства, потому что их не было, но проверяющие тем не менее просят проверяемого «пойти на встречу» и признать некие прегрешения, в реальности отсутствующие. И проверяемые соглашаются с подобными просьбами, чтобы «не портить отношения».

Отметим, что осуществляемая централизация и цифровизация деятельности налоговых органов не является панацеей от всех проблем и может вызывать нежелательные последствия. Так, если налоговый орган по итогам обследования, столкнулся с закрытыми «на замок» дверями интересуемой их фирмы, то оформляется акт о том, что организация (обычно это малый бизнес) фактически не работает. Этот акт является основанием для внесения изменений в ЕГРЮЛ. Об этих действиях налогового органа организация узнает после опубликования изменений в ЕГРЮЛ. Для восстановления справедливости начинаются «хождения по мукам», поскольку необходимо попасть на прием в налоговый орган, предоставить ему оригиналы и копии многих документов, убедить его в реальности и правомерности существования юридического лица, которому грозит ликвидация в упрощенном порядке. Затем находиться в ожидании длительный период времени (до 3-х и более месяцев), поскольку централизация означает, что окончательное решение принимает «Москва», т.е. ФНС. Все это происходит под флагом борьбы с фирмами-однодневками, которые еще 25 лет тому назад тогдашнее министерство по налогам и сбором обещало ликвидировать в течение непродолжительного времени, если ему передадут от Минюста полномочия по государственной регистрации юридических лиц. Передали. Лучше не стало. Теперь от негативных последствий односторонних действий страдают и законопослушные юридические лица.

Полагаем, что само по себе наделение властными полномочиями не влечет безусловного положительного результата. Для его достижения требуется, в частности добросовестное, профессиональное осуществление обязанностей. Однако профессионалов в системе ФНС на местах становится все меньше из-за недостатков, связанных с организацией работы, неэффективной системы стимулирования труда сотрудников, текучести кадров и др.

Положительным фактором явилось принятие в конце XX в. Налогового кодекса РФ. Вместе с тем его применение постоянно требовало внесения изменений и дополнений. По истечении четверти века в Кодекс внесено более тысячи изменений и дополнений. Они существенно повлияли на содержание, а также структурированность юридического акта. Указанное влияние вряд ли можно признать только позитивным. Рассмотрение содержания многих норм Налогового кодекса

1 Барон Ю. Система римского гражданского права. СПб.: ЮридЦентрПресс, 2005. С. 63.

РФ, с точки зрения правоприменения, оставляет впечатление, что государству поступают налоговые доходы не благодаря, а вопреки ряду предписаний НК РФ.

Вместе с тем изложенное не означает, что ситуация в правовом регулировании финансовых (и налоговых) отношений является критической.

Однако необходимо понимать, что: а) сама по себе цифровизация экономики и бизнеса не обеспечит безусловного положительного эффекта в правотворчестве и правоприменении[1]; б) «заплаточно-точечный» метод совершенствования законодательства не сориентирован на перспективу и ему не под силу решение задач системного режима характера.

Отсюда вытекает необходимость переломить паллиативную практику. Важным элементом в реализуемой системе мер будет иметь повышение эффективности финансового права, обеспечение которой достигается воздействием многих факторов и инструментов. Принципиальная значимость, по нашему мнению, принадлежит:

а) признанию финансово-правовой нормы субъектами финансового права или их большинством;

б) соблюдению предписаний финансового законодательства властями федерального, регионального, местного уровней и прежде всего финансовыми властями;

в) реальной возможности, точнее – уверенности получения ожидаемого финансово-правового результата в разумный срок каждым законопослушным субъектом финансового права.

Известно, что термин «воздействие» допустимо быть классифицировать в качестве: а) положительного; б) отрицательного; в) нейтрального. В зависимости от оснований классификацию указанного термина можно продолжить. Очевидно, что у законодателя и правоприменителей имеется совпадающее стремление, сводящееся к тому, чтобы воздействие финансовой (включая налоговую) системы носило положительный (позитивный) характер. И в действующей финансово-правовой реалии есть очевидные позитивные решения определенных задач. Так, введение 13%-ной ставки НДФЛ (ранее – подоходного налога) привело к получению положительного результата (многие личные доходы были выведены «из тени», увеличились поступления в доходную часть бюджета). Появляющиеся время от времени призывы о необходимости увеличения ставки НДФЛ приведут в лучшем случае к получению лишь временного эффекта. Дело в том, что само по себе увеличение любых ставок любых налогов (обязательных платежей) в среднесрочной и, тем более, в дальнесрочной перспективе обычно показывает противоположное негативное воздействие на экономику в отличие от обещаемых позитивных результатов.

Подтверждением указанному является современная практика зарубежных налоговых систем, равно как и исторические примеры

Подтверждением указанному является современная практика зарубежных налоговых систем, равно как и исторические примеры.

Подключение иных подходов, в частности, таких как национальный проект «малое и среднее предпринимательство и индивидуальная предпринимательская деятельность» обладает положительным воздействием, поскольку сопровождается финансовым обеспечением. Однако в отличие от норм права распространяется не на всех и не каждого из субъектов, формально подпадающих под действие этого национального проекта, в силу определенного объема финансовых ресурсов.

С учетом изложенного полагаем целесообразным:

1) в ближайшие сроки разработать и утвердить актом Правительства РФ план мероприятий, предусматривающий осуществление систематизации действующего гигантского финансово-правового массива.

Генеральным исполнителем и координатором этой сложнейшей научно-практической работы мог бы стать созданный Исследовательский центр финансового права при Президенте России;

2) считать неприемлемой практику мультилатерности (разнонаправленности) подходов деятельности законодателя, иных правотворческих органов и юридической науки в процессе формирования современного финансового законодательства России;

3) подготовить с привлечением ученых и специалистов, обладающих специальными знаниями и принять на основе предварительного обсуждения юридической общественностью федеральный закон «О финансовом законодательстве Российской Федерации».

1 См.: Белых В. С. Цифровая экономика и развитие предпринимательского законодательства// Бизнес, менеджмент и право. 2021. № 1. С. 9–12.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев С. С. Общая теория права // учеб. 2-е изд. М.: Велби; Прогресс, 2008.
2. Барон Ю. Система римского гражданского права. СПб.: Юрид Центр Пресс, 2005.
3. Белых В. С. Цифровая экономика и развитие предпринимательского законодательства// Бизнес, менеджмент и право, 2021. № 1. С. 9–12.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пиликин Георгий Геннадиевич
доктор юридических наук, профессор, государственный советник юстиции 3 класса, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, кафедра предпринимательского права (Россия, Екатеринбург).

AUTHOR'S DETAILS

Georgy G. Pilikin
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Adviser of Justice of the 3rd class, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Department of Business Law (Russia, Yekaterinburg).

УДК 347.471.5

Межотраслевые связи норм предпринимательского права, регулирующих отношения в сфере сельского хозяйства

Герасимов О. А.[1]

Аннотация: в статье рассмотрены межотраслевые связи норм предпринимательского права, регулирующих отношения в сфере сельского хозяйства, в аспекте исследования вопросов об эффективности законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность в сельском хозяйстве. Делается вывод о том, что имеет место некоторое дублирование законодательного материала в отношении правового статуса кооперативов. Очевидно, что разделение кооперативов возникло в праве не вследствие отличий между кооперативами, а по причине законодательного деления юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации. Кооперативная форма хозяйствования предполагает особое межотраслевое взаимодействие корпоративного права с трудовым правом. При этом в потребительских кооперативах происходит еще большее осложнение отношений корпоративным правом. Ведущим направлением повышения эффективности правового регулирования прежде всего должно стать обеспечение соответствия между целями правового регулирования, изложенными в правовых актах, и целями, разрабатываемыми экономической наукой. В своей основе соответствующие цели предполагают обеспечение постоянного экономического роста и конкурентоспособности производимой сельскохозяйственной продукции на мировых рынках.

Ключевые слова: реальный сектор экономики, предпринимательская деятельность в сельском хозяйстве, потребительская кооперация, эффективность правового регулирования, правовые средства

Intersectoral relations of the norms of business law regulating relations in the field of agriculture

Oleg A. Gerasimov[2]

Abstract: the article considers inter-branch relations of business law norms, regulating relations in the sphere of agriculture in the aspect of examining the issues about the efficiency of the legislation regulating entrepreneurial activity in agriculture. The leading direction of improving the effectiveness of legal regulation must be, first of all, ensuring of correspondence between the objectives of legal regulation, which are fixed in legal acts, and the objectives that are worked out by economic science. In their basis, the relevant objectives imply the provision of constant economic growth and competitiveness of agricultural production in the world markets.

Keywords: real sector of the economy, entrepreneurial activity in agriculture, consumer cooperation, effectiveness of legal regulation, legal means

Межотраслевые связи норм предпринимательского права, регулирующих имущественные отношения в сельском хозяйстве, имеют свои особенности. Это взаимодействие обусловлено и особенностями места корпоративного права в системе права. С одной стороны, корпоративное право представляет собой подотрасль гражданского, с другой – в корпоративных отношениях присутствует элемент власти и подчинения, который не является квалифицирующим признаком гражданского права. В сельском хозяйстве корпоративное право представлено в виде системы кооперации. По мнению Е. А. Галиновской, одно из направлений воздействия государства в области сельского хозяйства – развитие кооперации и интеграции[3].

1 Для цитирования: Герасимов О. А. Межотраслевые связи норм предпринимательского права, регулирующих отношения в сфере сельского хозяйства // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 1. С. 27–31.

2 For reference: Oleg A. Gerasimov. Intersectoral relations of the norms of business law regulating relations in the field of agriculture // Business, management and law. 2023. No. 1. Pp. 27–31.

3 Галиновская Е. А. Основные правовые проблемы государственного регулирования агропромышленного комплекса России // Журн. рос. права. 2006. № 4. С. 62.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

Следует отметить, что в доктрине последнего десятилетия проблемы правового регулирования отношений в сфере кооперации не нашли разрешения. Лишь в одном исследовании, посвященном праву собственности кооперативов, вводится классификация собственности на типы – обобществленную и индивидуальную[1]. Такое деление не имеет ничего общего с более низкой классификацией – на формы собственности.

Типы собственности являются экономико-социальной категорией, означающей принадлежность объекта собственности коллективу или частному лицу

Типы собственности являются экономико-социальной категорией, означающей принадлежность объекта собственности коллективу или частному лицу. В связи с этим у кооперативов, в том числе сельскохозяйственных, признается коллективная обобществленная собственность, принадлежащая пайщикам. Необходимо уточнить, какое отношение эти выводы имеют к нашему исследованию. Прежде всего не следует забывать о том, что категория типологии собственности гражданскому законодательству не известна. Она введена в научный оборот доктриной. Наряду с этим отечественному законодательству не знакома и развитая система публичной собственности, которая, как указывалось ранее, имеет существенные отличия от права частной собственности с учетом принадлежности публичной компетенции публичному собственнику. Значение предложенной М. М. Капурой классификации заключается в том, что экономическая категория обобществленной собственности объединяет в себе цивилистическое понятие собственности и публично-правовое понятие коллектива и его интересов. Такой коллектив не имеет прямого тождества с юридическим лицом частного права и по своему существу ближе к юридическим лицам публичного права.

Тип собственности как экономическая категория образует в праве межотраслевое понятие, демонстрируя тем самым пример взаимодействия гражданско-правовых норм права собственности и норм, закрепляющих некий общественный статус коллектива кооператива. Очевидной становится особенность кооперативов и кооперативной формы хозяйствования, связанная с исторически сложившимся статусом потребительских кооперативов. Статус кооперативов изначально сложился в советский период. Они представляли собой юридические лица, подобные государственным предприятиям, основанные на общественных средствах производства и коллективном труде[2].

В настоящее время общественные средства производства, о чем говорилось в нашем исследовании выше, трансформировались в праве в особый тип собственности, что по-прежнему сближает современные сельскохозяйственные кооперативы с ранее существовавшими колхозами. Коллективный труд в потребительских кооперативах также не исчез и составляет материальную основу любого потребительского кооператива.

Интерес вызывает тот факт, что в сфере аграрной экономики еще до революции кооперативы служили основной формой общественного производства. По сведениям Я. Коцониса, в 1914 г. существовало более 17 000 кооперативов и объединяли они от одной четверти до одной трети всех крестьянских хозяйств. Цель кооперативов состояла в снижении внутриклассовых противоречий и возможности самоорганизации крестьян в условиях нового свободного земледельческого быта. Между тем класс дворян при организации кооперативного промысла оказался неспособным решать проблемы, возникающие перед кооперативами. В частности, низкий уровень грамотности крестьян приводил к невозможности ведения надлежащего документооборота внутри кооператива. Нехватка денежных средств у крестьян делала любой кооператив убыточным. По этой причине вскоре определено, что за кооперативами должен быть установлен надзор со стороны некрестьянских сословий[3].

В современных условиях развитого правопорядка в правовом регулировании организации кооперативного дела во многих чертах наблюдается сходство. Система управления кооперативов подобна системе саморегулирования и держится на объединении более мелких юридических лиц в более крупные. Основы таких объединений заложены в Законе РФ от 19 июня 1992 г. № 3085-1 «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации»[4]. Объединение потребительских обществ осуществляется в организационно-правовой форме ассоциаций

1 Капура М. М. Право собственности кооперативов: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2005. С. 6.
2 Основы советского права: учеб. пособие / под общ. ред. Иоффе О. С. Минск, 1970. С. 200.
3 Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России. 1861–1914 / пер. с англ. В. Макарова. М., 2006. С. 10.
4 Рос. газ. 1992. 19 июня. Далее – Закон РФ от 19 июня 1992 г. № 3085-1.

(союзов), основы регулирования правового статуса которых заложены в подразделе 4 § 6 главы 4 ГК РФ. Ассоциация или союз основаны на членстве, а значит, внутри таких юридических лиц – типичные корпоративные правоотношения.

Статья 31 Закона РФ от 19 июня 1992 г. № 3085-1 устанавливает иерархию союзов и кооперативов, которая возглавляется Центральным союзом. Центральный союз является координирующим и контрольным органом, выполняющим распорядительные функции в отношении своих членов[1]. С позиции законодательства система потребительской кооперации – это гражданско-правовое явление, базирующееся на отношениях, регулируемых гражданским законодательством. Система кооперации по факту и в системе права выступает как централизованная система, выстроенная по вертикали, сверху вниз. Состояние законодательства как таковое, при котором существует фундаментальная подмена понятий централизации и децентрализации, их смешение, свидетельствует о неэффективности правового регулирования.

Основой для определения отраслевой принадлежности возникающих в рамках потребительской кооперации отношений является ст. 3, которая разграничивает хозяйственную деятельность публичных образований и кооперативных обществ. Между тем в статье дано указание на соглашения, заключаемые потребительскими обществами и их союзами с органами государственной власти или местного самоуправления. Заключение подобных соглашений сегодня активно осуществляется Центросоюзом[2].

Природа этих соглашений в науке выступает предметом дискуссии. Существуют воззрения о том, что такие договоры являются административными[3]. С. В. Тычинин признает их гражданско-правовыми договорами[4]. Следует отметить, что такого рода договоры в наименьшей степени отвечают критериям административных договоров, представленных в гражданском законодательстве (договор присоединения и договоры, заключение которых обязательно для сторон). Причина видится в том, что формирование условий таких соглашений не происходит исключительно по волеизъявлению одной стороны, как, например, при договорах присоединения. Они также не являются обязательными для заключения ни для одной из сторон.

Между тем нельзя не учитывать субъектный состав сторон соглашения и содержание условий, выступающих содержанием таких соглашений. Субъектами последних, с одной стороны, выступают органы публичной власти, с другой –соответствующее потребительское общество или союз потребительских обществ. Соглашение представляет собой договор о намерениях, т.е. в нем определяются направления публично-правовой деятельности органов публичной власти и направления деятельности субъектов кооперации.

Итак, этот договор по сути имеет смешанную природу, а значит, чем выше уровень организации потребительского общества (союза, ассоциации союзов, Центросоюза), тем выше «административный уровень» принимаемых в нем актов. К примеру, соглашения, заключаемые Центросоюзом с высшими органами государственной власти на федеральном уровне и на уровне субъектов федерации, приобретают характер нормативных административных договоров[5].

Потребительскую кооперацию, исходя из положений Закона РФ от 19 июня 1992 г. № 3085-1, можно рассматривать как гражданско-правовое явление. Вместе с тем С. В. Тычинин справедливо полагает, что потребительская кооперация является средством концентрации производства без концентрации собственности, за счет чего представляет собой третью разновидность экономики, не относящейся ни к рыночной, ни к централизованной. Юридически данная особенность заложена в добровольном участии в кооперативах[6], в силу чего кооперативная форма находится на стыке централизованной и рыночной экономики. Член кооператива связан трудовыми отношениями с кооперативом, наблюдаются и корпоративные связи, но в то же время член кооператива имеет право на имущество кооператива в определенных пределах. Согласно ч. 2 ст. 24 Закона РФ от 19 июня 1992 г. № 3085-1, размер кооперативных выплат, определяемый общим собранием потребительского общества, не должен превышать 20% от доходов потребительского общества. Данное ограничение

1 Структура Центросоюза и кооперации: органы управления и контроля // Центросоюз РФ: офиц. сайт http://www.rus.coop/ru/structure# (дата обращения: 15.06.2019).

2 Новости Центросоюза и кооперации // URL: http://rus.coop/ru/articles (дата обращения: 15.06.2019).

3 Запорожец А. М., Богданов Е. В., Юрков Б. Н. и др. Комментарий к Закону РФ «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации». Проект. Белгород, 1997. С. 14.

4 Тычинин С. В. Потребительская кооперация с позиций гражданского права // Юрист. 2003. № 8. С. 6.

5 Иванов В. В. К вопросу о теории нормативного договора // Журн. рос. права. 2000. № 7. С. 85; Лаптев В. А. Нормативный договор в сфере предпринимательства // Гражданское право. 2016. № 3. С. 32; Широков А. В. Административный договор как форма регулирования государственно-частных партнерств // Административное и муниципальное право. 2008. № 10. С. 71–72.

6 Тычинин С. В. Гражданско-правовое регулирование потребительской кооперации в России: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 7, 15.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

существует, поскольку потребительский кооператив не признается коммерческой организацией, а его члены не должны ставить основной своей целью деятельности извлечение прибыли.

На наш взгляд, кооперативная форма хозяйствования меньше всего согласуется с делением юридических лиц на коммерческие и некоммерческие. Доказывая справедливость этого посыла, обратимся к сущности производственного и потребительского кооперативов. Определение производственного кооператива представлено в п. 1 ст. 106.1 ГК РФ, а определение потребительского кооператива – в п. 1 ст. 123.2 ГК РФ и ст. 1 Закона РФ от 19 июня 1992 г. № 3085-1. Из содержания определений следует, что отличия состоят лишь в формулировании целей деятельности кооперативов. Цель деятельности в производственном кооперативе – производственная и иная хозяйственная деятельность, а в потребительском кооперативе (обществе) – удовлетворение материальных и иных потребностей членов кооператива.

Производственная деятельность не всегда является предпринимательской, что означает возможность осуществления ее и потребительским кооперативом

Производственная деятельность не всегда является предпринимательской, что означает возможность осуществления ее и потребительским кооперативом. При этом удовлетворение потребностей членов потребительского кооператива происходит при помощи различных видов деятельности потребительского кооператива. Разделение кооперативов на потребительские и производственные, по сути, базируется на низком уровне юридической техники определения сущности потребительского кооператива. Из определения цели потребительского кооператива не следует понимание самого вида деятельности, поскольку цель в данном случае – удовлетворение потребностей членов кооператива.

В производственном кооперативе цель его деятельности сформулирована через указание на вид деятельности – производственная или иная хозяйственная. В итоге различная формулировка целей не способствует выявлению противоречия или существенных различий между определениями производственных и потребительских кооперативов. Фактически это означает, что оба юридических лица могут заниматься одними и теми же видами экономической деятельности.

В результате следует признать, что имеет место некоторое дублирование законодательного материала в отношении правового статуса кооперативов. Очевидно, что разделение кооперативов возникло в праве не вследствие отличий между кооперативами, а по причине законодательного деления юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации.

В связи с этим особый интерес представляют положения Федерального закона от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации»[1], Этот Закон не содержит различных определений производственных и потребительских сельскохозяйственных кооперативов. Вместо этого дано единое определение сельскохозяйственного кооператива, которое, помимо закрепления в указанном законе организационной составляющей, как и ранее рассмотренные определения, содержит формулировку целевой составляющей. Сельскохозяйственный кооператив создается для осуществления производственной и иной хозяйственной деятельности, а также для удовлетворения материальных и иных потребностей членов кооператива. Из определения следует, что оно фактически объединяет в себе то, что предусмотрено родовыми определениями производственного и потребительского кооперативов. Данное обстоятельство еще раз подтверждает мысль о том, что существенная разница между видами кооперативов отсутствует.

Объединение в рамках одного понятия определений кооперативов не единственное обобщение, проведенное в Законе от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ. В нем объединяются и виды деятельности кооперативов, в частности, в сферу сельского хозяйства он включает деятельность рыболовецких артелей. Такая законодательная интеграция обоснована экономическим однообразием объединяемых в пределах одного закона сфер деятельности. С юридических позиций – это пример законодательной экономии. Следует отметить, что дореволюционное законодательство России стояло на противоположных позициях, регулировало статус и деятельность кооперативов в зависимости от сфер деятельности[2].

Интеграция и укрупнение кооперативных хозяйств, развитие горизонтальных и вертикальных связей – это способ повышения эффективности кооперации

1 Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 50. Ст. 4870. Далее – Закон от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ.

2 Воронина Н. П. Кооперативные съезды и их роль в развитии законодательства о сельскохозяйственной кооперации в России // История государства и права. 2014. № 14. С. 14–15.

в целом, но при этом возникает негативный эффект в виде роста цен и себестоимости производства. Именно в таком случае должно обеспечиваться государственное регулирование, вмешательство в рыночное ценообразование, направленное на нивелирование диспаритета цен[1].

Между тем, с нашей точки зрения, ведущим направлением повышения эффективности правового регулирования прежде всего должно стать обеспечение соответствия между целями правового регулирования, изложенными в правовых актах, и целями, разрабатываемыми экономической наукой. В своей основе соответствующие цели предполагают обеспечение постоянного экономического роста и конкурентоспособности производимой сельскохозяйственной продукции на мировых рынках.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Галиновская Е. А. Основные правовые проблемы государственного регулирования агропромышленного комплекса России // Журн. рос. права. 2006. № 4. С. 62–70.

2. Запорожец А. М., Богданов Е. В., Юрков Б. Н. и др. Комментарий к Закону РФ «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации». Проект, Белгород, 1997. С. 14.

3. Иванов В. В. К вопросу о теории нормативного договора // Журн. рос. права. 2000. № 7. С. 85–97.

4. Капура М. М. Право собственности кооперативов: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2005. 304 с.

5. Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России. 1861–1914 / пер. с англ. В. Макарова. М., 2006. 320 с.

6. Лаптев В. А. Нормативный договор в сфере предпринимательства // Гражданское право. 2016. № 3. С. 32–35.

7. Основы советского права: учеб. пособие / под общ. ред. Иоффе О. С. Минск, 1970. 535 с.

8. Тычинин С. В. Потребительская кооперация с позиций гражданского права // Юрист. 2003. № 8. С. 6–10.

9. Широков А. В. Административный договор как форма регулирования государственно-частных партнерств // Административное и муниципальное право. 2008. № 10. С. 71–76.

10. Шутова Н. И. Экономический механизм развития сельскохозяйственной кооперации в агропромышленном комплексе (на материалах Республики Адыгея): дис. ... канд. экон. наук. Майкоп, 2005. 174 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Герасимов Олег Анатольевич
доктор юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: gerasimov.law@gmail.com.

AUTHOR'S DETAILS

Oleg A. Gerasimov
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Business Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterinburg). E-mail: gerasimov.law@gmail.com.

1 Шутова Н. И. Экономический механизм развития сельскохозяйственной кооперации в агропромышленном комплексе (на материалах Республики Адыгея): дис. ... канд. экон. наук. Майкоп, 2005. С. 7–8.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

УДК 346.1

Тенденции развития моделей механизма правового регулирования предпринимательской деятельности

Рубцова Н. В.[1]

Аннотация. Анализируются особенности механизма правового регулирования предпринимательской деятельности в современных экономических условиях. С учетом динамической составляющей механизма правового регулирования, который демонстрирует особенности права в действии, предложено использовать термин «модель механизма правового регулирования». Доказано, что современный механизм наряду с традиционными моделями нормативного и автономного регулирования включает смешанную модель механизма правового регулирования, в которой учитываются как публичные, так и частные интересы. Появление смешанной модели обусловлено новым витком социально-экономического развития, учитывающим социальную ценность предпринимательства, а также особую роль государства, обеспечивающего свободу предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: механизма правового регулирования, модель механизма, предпринимательская деятельность, саморегулирование, сорегулирование

Trends in the development of models of the mechanism of legal regulation of entrepreneurial activity

Natalya V. Rubtsova[2]

Abstract. The features of the mechanism of legal regulation of entrepreneurial activity in modern economic conditions are analyzed. Taking into account the dynamic component of the mechanism of legal regulation, which shows the features of law in action, it is proposed to use the term “model of the mechanism of legal regulation”. It is proved that the modern mechanism, along with the traditional models of normative and autonomous regulation, also includes a mixed model of the mechanism of legal regulation, which takes into account both public and private interests. The emergence of a mixed model is due to a new round of socio-economic development, taking into account the social value of entrepreneurship, as well as the special role of the state, ensuring the freedom of entrepreneurial activity.

Keywords: mechanism of legal regulation, mechanism model, entrepreneurial activity, self-regulation, co-regulation

Как известно, предпринимательская деятельность является непременным атрибутом рыночной экономики. Кроме того, предпринимательство можно считать индикатором уровня развития экономики. На современном этапе развития, переживающем, «рубежное для нашей страны время, в период кардинальных, необратимых перемен во всём мире, важнейших исторических событий, которые определяют будущее нашей страны и нашего народа»[3], эффективное правовое регулирование предпринимательской деятельности является важным условием обеспечения устойчивого экономического развития[4].

1 Для цитирования: Рубцова Н. В. Тенденции развития моделей механизма правового регулирования предпринимательской деятельности // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 1. С. 32–36.

2 For reference: Natalya V. Rubtsova. Trends in the development of models of the mechanism of legal regulation of entrepreneurial activity // Business, management and law. 2023. No. 1. Pp. 32–36.

3 Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.02.2023 «Послание Президента Федеральному Собранию» // СПС «КонсультантПлюс. Профверсия».

4 См.: Герасимов О. А. Эффективность правового регулирования предпринимательской деятельности в реальном секторе экономики России (на примере отдельных отраслей): Монография. М.: Проспект, 2022. 344 с.

В рамках правового регулирования предпринимательской деятельности механизм правового регулирования, обладающий динамическим характером, является той базовой категорией, которая объединяет все элементы механизма правового регулирования предпринимательской деятельности и позволяет сформировать единую целостную картину такого регулирования.

В современных экономических условиях механизм правового регулирования неоднороден, и, в первую очередь, определяется особой социальной значимостью предпринимательства. Традиционное деление механизма правового регулирования предпринимательской деятельности[1] на типы с учетом централизации / децентрализации правового регулирования[2], на наш взгляд, не отражает вышеуказанные особенности.

Для описания механизма правового регулирования предпринимательской деятельности более корректным представляется использование термина «модель», поскольку исследование моделей правового регулирования дает возможность систематизировать особенности правового регулирования предпринимательской деятельности и рассмотреть эффективность такого регулирования.

Как известно, термин «модель» как образец, схема какого-то явления широко используется представителями, прежде всего, точных наук. Особое значение модели получили в развитии познания с появлением кибернетики. «Модель» в науке традиционно связывается не только с анализом реальных типов, но и «с конструированием аналогов (моделей), в которых воспроизводятся принципы организации и функционирования этой системы»[3]. Являясь абстракцией[4], модель представляет собой объект – заместитель объекта оригинала, инструмент для познания, который исследователь ставит между собой и объектом и с помощью которого изучает некоторые свойства оригинала[5].

Использование приемов моделирования для анализа механизма правового регулирования предпринимательской деятельности позволяет достичь следующих целей: 1) типизировать модели механизма правового регулирования; 2) предложить варианты совершенствования механизма правового регулирования; 3) оценить эффективность такого регулирования. Кроме того, использование термина «модель» основывается на исследовании динамики правового регулирования.

По форме А. Ф. Черданцев выделяет модели идеальные (мысленные, воображаемые) и материальные (реальные, вещественные)[6]. В. С. Плетников также дополняет перечень формой должной модели, указывая на способность последней «одновременно быть как идеальной моделью по отношению к реальной, так и реальной моделью по отношению к идеальной. Зависит это, например, от проработанности (исследованности) того либо иного объекта государственно-правовой жизни»[7]. На наш взгляд, все названные формы характеризуют в единстве модели механизма правового регулирования. Соответственно модели, описывающие особенности правового регулирования предпринимательской деятельности, являются реальными, но при этом характеризуются прогностическими возможностями, тем самым учитывают свойства идеальных и должных моделей.

Основное отличие модели от типа заключается в том, что модель способна описывать не только текущее состояние и эффективность механизма правового регулирования, но и учитывать перспективу развития

Основное отличие модели от типа заключается в том, что модель способна описывать не только текущее состояние и эффективность механизма правового регулирования, но и учитывать перспективу развития. По отношению к механизму правового регулирования предпринимательской деятельности описание реальных моделей, представленных в настоящем исследовании, невозможно без анализа тех особенностей, которые подчеркивают перспективы их развития.

Исходя из особенностей механизма правового регулирования предпринимательской деятельности,

1 Белых В. С., Рубцова Н. В. Концептуальные особенности механизма правового регулирования предпринимательской деятельности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 3 (23). С. 9– 10.

2 См., например, Казанцев М. Ф. Договорное регулирование. Цивилистическая концепция. С. 104–105.

3 Цит. по Салыгин Е. Н. Моделирование в праве: проблемы и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 3. С. 13.

4 См. Немчинов В. С. Экономико-математические методы и модели. М.: Мысль, 1965. С. 32.

5 Бурда А. Г., Бурда Г. П. Экономико-математические методы и модели: Учеб. пособие (курс лекций). Краснодар: Кубан. гос. аграр. ун-т, 2015. С. 53.

6 Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 240. Такую же классификацию форм моделей предлагает Е. Н. Салыгин. (См. Салыгин Е. Н. Указ. соч. С. 14.)

7 Плетников В. С. Модель государства в современной отечественной юриспруденции: методология и практика применения: Дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021. С. 33.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

каждая модель характеризуется следующими признаками. Во-первых, модель механизма является формой отражения тех правовых средств, которые характеризуют особенности правового регулирования предпринимательской деятельности. Как указывал А. Ф. Черданцев, модель, «отражая исследуемый объект, является его упрощенным, огрубленным образом»[1]. Выделяемые модели механизма правового регулирования характеризуют особенности сочетания отдельных правовых средств, которые позволяют определить специфику их функционирования с учетом целей правового регулирования.

Во-вторых, построение реальных (материальных) моделей механизма правового регулирования позволяет оценить эффективность и прогнозировать их будущее развитие. При этом эффективность, основанная на результативности регулирующего воздействия, должна учитывать «психологический механизм» воздействия права на общественные отношения, который «позволяет определить «посредствующее звено», связывающее правовое регулирование с тем социальным эффектом, на достижение которого оно направлено»[2]. Поэтому модели правового регулирования учитывают также предписания и дозволения, которые будучи побудительными мотивами к активному поведению, позволяют наиболее эффективно регулировать предпринимательские отношения.

Наконец, в-третьих, анализируемые модели механизма обладают свойством когерентности. Когерентность[3] (от лат. *coherens* – находящийся в связи) характеризует взаимосогласованность и взаимообусловленность между отдельными моделями механизма правового регулирования. Такая взаимосвязь основывается на функциональных свойствах правовых средств, которые описывают модели механизма. Так, при саморегулировании предпринимательской деятельности взаимодействуют нормативно-правовые акты и автономные правовые акты, которые по отдельности являясь движущими элементами государственного и автономного регулирования, образуют в совокупности специфику особой, смешанной, модели механизма правового регулирования. В юридической науке свойство когерентности нередко описывается через признак «сорегулирования предпринимательской деятельности»[4].

Основания классификации моделей с учетом многообразия их назначения должны учитывать многофакторность, а именно: 1) цели правового регулирования; 2) начальный, программирующий элемент такого регулирования. При этом программирующим элементом могут выступать не только нормативные, но и автономные правовые акты[5]. В результате можно выделить нормативную, автономную и смешанную модели механизма правового регулирования предпринимательской деятельности. Помимо вышеуказанных критериев, каждая из названных моделей характеризуется также определенной последовательностью элементов механизма правового регулирования. Перечислим основные особенности каждого из этих типов.

Первая модель – нормативная – основана на упорядочении предпринимательских отношений путем установления определенных обязательных требований и мер контроля со стороны публичных органов за осуществлением предпринимательской деятельности для достижения публичных целей. Соответственно движущим элементом данной модели механизма будет норма права, которая выражена в нормативно-правовых актах. В данном случае реализуется классическая схема, в которой этапы четко соответствуют традиционной последовательности отдельных элементов: «норма права – правоотношение – акт реализации».

В определенных случаях указанная последовательность может нарушаться, когда договор характеризует начало нормативного регулирования предпринимательской деятельности.

Вторая модель механизма правового регулирования предпринимательской деятельности – автономная, основной целью которой является упорядочение предпринимательских отношений для достижения частных интересов путем установления содержания обязательств самими хозяйствующими субъектами, осуществление взаимодействия хозяйствующих субъектов, а движущим элементом выступает автономный правовой акт. Модель автономного регулирования строится по другой схеме: «автономный акт – норма права – правоотношение – акт реализации». Чаще всего автономным

1 Черданцев А. Ф. Толкование права и договора: Учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 240.
2 Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Изд-во Юрид. лит., 1966. С. 62.
3 См. Свирин Ю. А. Когерентность системы права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 6. С. 50–55.
4 См., например, Егорова М. А. Сорегулирование как способ нормотворчества в сфере предпринимательских отношений // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом: Сборник научно-практических статей Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С. Д. Могилевского; М. А. Егоровой. М.: Юрист, 2014. С. 173.
5 Так, И. А. Минникес называет такие акты индивидуальными моделями поведения. (Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование и правотворческая деятельность // Известия БГУ. 2012. № 2. С. 151.)

правовым актом в рамках второй модели выступает договор.

В свою очередь, частноправовой договор, будучи программирующим элементом автономной модели правового регулирования, не может существовать отдельно от юридических норм: они представляют собой «нормативную основу механизма правового регулирования»[1]. Именно договор выступает в данной модели в качестве «титульного правового регулятора»[2].

Учитывая особенности договорного регулирования, которое основано на согласовании воль его участников, роль нормы права в регулировании договорных отношений различается в зависимости от ее характера. Если норма императивна, то согласно п. 1 ст. 422 ГК РФ договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами, действующим в момент его заключения. В свою очередь, диспозитивный характер норм дает возможность участникам договорного правоотношения в соответствии с принципом свободы договора согласно п. 4 ст. 421 ГК РФ самостоятельно определить условия договора. Сами по себе императивные нормы не должны составлять основу договорного регулирования предпринимательской деятельности, их существование предопределяется необходимостью защиты публичных интересов, что четко изложено в п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»: «если исходя из целей законодательного регулирования это необходимо для защиты особо значимых охраняемых законом интересов (интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов и т.д.), недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон либо императивность нормы вытекает из существа законодательного регулирования данного вида договора»[3].

Как было показано выше, нормативная и автономная модели механизма правового регулирования преследуют прямо противоположные цели – реализацию соответственно публичных или частных интересов, а сочетание таких интересов возможно осуществить в рамках третьего типа – смешанного, который соединяет цели первых двух моделей)механизма правового регулирования: упорядочение предпринимательских отношений для достижения как частных, так и публичных интересов путем установления обязательных требований органами публичной власти и определения содержания обязательств самими участниками отношений. Соответственно движущим элементом этой модели регулирования будут норма права и автономные правовые средства, которые лишь в совокупности активизируют названную схему правового регулирования. Яркими примерами данной модели являются саморегулирование предпринимательских отношений, а также институт государственно-частного партнерства. Эти примеры демонстрируют сочетание публичных и частных интересов в процессе правового регулирования предпринимательской деятельности. Соответственно схема смешанного типа выглядит следующим образом: «норма права, акт автономного регулирования – правоотношение – акт реализации». Появление смешанной модели обусловлено новым витком социально-экономического развития, учитывающим социальную ценность предпринимательства, а также особую роль государства, обеспечивающего свободу предпринимательской деятельности. Именно смешанная модель демонстрирует одну из современных тенденций правового регулирования предпринимательства.

Модель, будучи гносеологической категорией, предстает инструментом познания механизма правового регулирования

Таким образом, модель, будучи гносеологической категорией, предстает инструментом познания механизма правового регулирования. Исследование моделей правового регулирования дает возможность систематизировать особенности механизма правового регулирования предпринимательской деятельности и рассмотреть эффективность такого регулирования. Модели механизма обладают свойством когерентности, характеризующим их взаимосогласованность и взаимообусловленность. Выделены три основные модели в зависимости от целей правового регулирования и начального, программирующего, элемента. К таким моделям механизма правового регулирования предпринимательской деятельности относятся нормативная, автономная и смешанная.

1 См. Алексеев С. С. Указ. соч. С. 106.

2 Казанцев М. Ф. Договор и закон – краеугольные камни Гражданского кодекса // Гражданский кодекс Российской Федерации: 25 лет действия: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург: Изд-во УрГЮУ, 2019. С. 149.

3 СПС «КонсультантПлюс».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Изд-во Юрид. лит., 1966. 188 с.
2. Белых В. С., Рубцова Н. В. Концептуальные особенности механизма правового регулирования предпринимательской деятельности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 3 (23). С. 9–13.
3. Бурда А. Г., Бурда Г. П. Экономико-математические методы и модели: Учеб. пособие (курс лекций). Краснодар: Кубан. гос. аграр. ун-т, 2015. 178 с.
4. Егорова М. А. Сорегулирование как способ нормотворчества в сфере предпринимательских отношений // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом: Сборник научно-практических статей Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С. Д. Могилевского; М. А. Егоровой. М.: Юрист, 2014. С. 173–178.
5. Казанцев М. Ф. Договор и закон – краеугольные камни Гражданского кодекса // Гражданский кодекс Российской Федерации: 25 лет действия: Материалы Всероссийской научно-практической кон6ференции. Екатеринбург: Изд-во УрГЮУ, 2019. С. 145–158.
6. Казанцев М. Ф. Договорное регулирование. Цивилистическая концепция: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 394 с.
7. Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование и правотворческая деятельность // Известия БГУ. 2012. № 2. С. 150–153.
8. Немчинов В. С. Экономико-математические методы и модели. М.: Мысль, 1965. 478 с.
9. Салыгин Е. Н. Моделирование в праве: проблемы и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 3. С. 12–35.
10. Свирин Ю. А. Когерентность системы права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 6. С. 50–55.
11. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора: Учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 381 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рубцова Наталья Васильевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления (Россия, Новосибирск). E-mail: rubtsova@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1621-8499.

AUTHOR'S DETAILS

Natalya V. Rubtsova
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Business Law of the Novosibirsk State University of Economics and Management (Russia, Novosibirsk). E-mail: rubtsova@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1621-8499.

УДК 346.9

Правовая природа трансформации требования участника долевого строительства в деле о несостоятельности (банкротстве) застройщика

Славич М. А.[1]

Аннотация. В настоящей статье исследуется правовая природа трансформации требования участника долевого строительства в деле о несостоятельности (банкротстве) застройщика. Отмечается, что Термин «трансформация» получил широкое применение в судебной практике. Вместе с тем легальное определение данного понятия отсутствует. Несмотря на то, что использование в правоприменительной практике категории «трансформация» началось сравнительно недавно, подход судов к содержанию и правовой природе данного явления за прошедший период претерпел существенные изменения. Равным образом изменилась и их правовая позиция относительно допустимости трансформации требования участника долевого строительства в деле о несостоятельности (банкротстве) застройщика из имущественного в денежное и наоборот (трансформации денежного требования участника строительства в требование о передаче жилых помещений). По результатам анализа судебной практики выявляются признаки такого правового явления как трансформация требования участника долевого строительства в деле о несостоятельности (банкротстве) застройщика. Формулируются определения трансформации требования кредитора в деле о несостоятельности (банкротстве) (как общего понятия) и трансформации требования участника долевого строительства в деле о несостоятельности (банкротстве) застройщика. Проводится сравнительно-правовой анализ между трансформацией требования участника строительства в деле о несостоятельности (банкротстве) застройщика и изменением способа и порядка исполнения судебного акта.

Ключевые слова: банкротство, застройщик, участник долевого строительства, трансформация требования

The legal nature of the transformation of the claim of a participant in shared-equity construction in the case of insolvency (bankruptcy) of the developer

Maria A. Slavich[2]

Abstract. The term “transformation” is widely used in judicial practice. However, there is no legal definition of this concept. Despite the fact that the use of the category “transformation” in law enforcement practice began relatively recently, the approach of the courts to the content and legal nature of this phenomenon has undergone significant changes over the past period. Similarly, their legal position has also changed regarding the admissibility of transforming the requirement of a participant in shared construction in an insolvency (bankruptcy) case of the organization-developer from property to monetary and vice versa (transformation of a monetary requirement of a construction participant into a requirement for the transfer of residential premises). Based on the results of analysis of judicial practice, sighs of such a legal phenomenon as the transformation of requirement of a participant in shared construction in the case of insolvency (bankruptcy) of the organization-developer are revealed. Definition of the transformation of the creditor’s requirement in the case of insolvency (bankruptcy) (as a general concept) and the transformation of the requirement of the participant in shared construction in the case of insolvency (bankruptcy) of the organization-developer are formulated. A comparative legal analysis is carried out between the transformation of the claim of a construction participant in the insolvency (bankruptcy) case of the organization-developer and the change in the method and procedure for the execution of a judicial act.

Keywords: bankruptcy, organization-developer, participant in shared construction, transformation of the claim

1 Для цитирования: Славич М. А. Правовая природа трансформации требования участника долевого строительства в деле о несостоятельности (банкротстве) застройщика // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 1. С. 37–42.

2 For reference: Maria A. Slavich. The legal nature of the transformation of the claim of a participant in shared-equity construction in the case of insolvency (bankruptcy) of the developer // Business, management and law. 2023. No. 1. Pp. 37–42.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

Одним из основных субъектов дела о банкротстве застройщика (помимо самого должника) является участник строительства, который занимает особое место в ряду кредиторов должника – застройщика. Вопрос о статусе участника строительства в деле о банкротстве застройщика является дискуссионным[1]. С учетом того, что для целей применения Закона о банкротстве[2] следует руководствоваться содержанием данных в нем определений, мы разделяем мнение, согласно которому участники строительства относятся к особой категории кредиторов в деле о банкротстве застройщика[3]. Поэтому в рамках настоящей статьи предлагаем рассмотреть получившее достаточно широкое признание в правоприменительной практике право участника строительства на трансформацию ранее заявленного им требования.

Отметим, что выбор формы требования, с которым участник строительства может быть включен в реестр (денежное либо о передаче жилого помещения), в течение длительного времени имел не только правовое, но и сугубо практическое значение. Ошибочный (применительно к возможному сценарию развития процедуры банкротства конкретного застройщика) выбор формы учета притязаний к застройщику мог иметь для участника строительства крайне негативные последствия.

Изменениями, которые были внесены в Закон о банкротстве в 2018 г., ведение реестра требований о передаче жилых помещений было упразднено, и все требования участников строительства теперь подлежат учету в реестре требований участников строительства, который является составной частью реестра требований кредиторов

Так, с момента вступления в силу § 7 Закона о банкротстве до изменений 2018 года требования участников строительства о передаче жилых помещений включались в реестр требований о передаче жилых помещений, а денежные требования учитывались в реестре требований кредиторов должника. Вплоть до 2013 года (хотя встречаются и более поздние судебные акты) суды, как правило, отказывали участникам строительства в удовлетворении заявлений об изменении их ранее включенных в реестр требований кредиторов денежных требований на требования о передаче жилых помещений и наоборот (о переводе требований о передаче жилых помещений в денежные)[4]. Такие отказы были мотивированы тем, что возможность изменения требования прямо законом не предусмотрена, что заявитель, включив свои требования в один из реестров должника, уже реализовал свою возможность потребовать от застройщика восстановления нарушенных прав[5].

Однако в двух последовательно принятых постановлениях 2013 года (№ 15510/12[6] и 13239/12[7]) Президиум ВАС РФ сформулировал правовую позицию, согласно которой включение требований участников строительства как в реестр требований кредиторов, так и в реестр требований о передаче жилых помещений преследует один и тот же материально-правовой интерес – получение соразмерного и пропорционального удовлетворения требований. В связи с этим право выбора формы учета требования кредитора в деле о банкротстве застройщика принадлежит участнику строительства. Поэтому требование подлежит включению в один из реестров по волеизъявлению участника вне зависимости от того, какое требование (денежное или о передаче жилого помещения) у него имеется с формальной точки зрения на момент обращения в арбитражный суд.

Обозначенный правовой подход во многом стал основой изменения правоприменительной практики по рассматриваемому вопросу. Удовлетворяя соответствующие заявления участников строительства, суды отмечали наличие у них права на выбор формы учета их требования к застройщику и возможность ее изменения, а также на достижение посредством

1 Дорохина Е. Г. Правовой статус участников строительства при банкротстве застройщиков // Закон. 2013. № 7. С. 120; Шишмарева Т. П. Правовое регулирование несостоятельности застройщика // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10. С. 63.
2 Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Далее – Закон о банкротстве.
3 Несостоятельность (банкротство): учеб. курс: в 2 т. / под ред. С. А. Карелиной. М., 2019. Т. 2. С. 252.
4 Ковалева Ю. Н. О трансформации требований участников долевого строительства в делах о банкротстве застройщика // Очерки новейшей камералистики. 2021. № 1. С. 50.
5 Постановления ФАС Западно-Сибирского округа от 16.12.2013 по делу № А67-4252/2010, Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.12.2014 по делу № А59-5933/2009.
6 Постановление Президиума ВАС РФ от 12.03.2013 № 15510/12.
7 Постановление Президиума ВАС РФ от 23.04.2013 № 13239/12.

удовлетворения такого заявления целей применения § 7 гл. IX Закона о банкротстве[1].

Изменениями, которые были внесены в Закон о банкротстве в 2018 г., ведение реестра требований о передаче жилых помещений было упразднено, и все требования участников строительства теперь подлежат учету в реестре требований участников строительства, который является составной частью реестра требований кредиторов. Однако это не освобождает участников строительства от выбора формы учета их требований и соответственно не исключает возможности ее изменения.

Особо отметим, что совсем недавно СК ЭС Верховного Суда РФ не только в очередной раз подтвердила право участника долевого строительства на обращение с заявлением об изменении формы учета его требований в реестре кредиторов должника, но и фактически указала, что участник не ограничен во времени в реализации права на трансформацию своего требования.

Так, на рассмотрение судебной коллегии было передано дело, в котором суды трех инстанций отказали участнику строительства в трансформации его требования из денежного в требование о передаче жилого помещения, поскольку на момент обращения с таким заявлением было принято и вступило в законную силу определение, которым права и обязанности застройщика были переданы Приобретателю. Отменяя судебные акты и направляя дело на новое рассмотрение, СК ЭС ВС РФ указала, что ссылка на состоявшуюся передачу прав застройщика несостоятельна, поскольку данное обстоятельство не препятствует последующей корректировке инвестиционного плана нового застройщика[2].

Изменение формы учета требования участника строительства в судебной практике и научной литературе именуется по-разному: преобразование, трансформация, перевод. И хотя ни один из указанных терминов не является чисто правовым, они получили достаточно широкое распространение на практике, причем не только в делах о несостоятельности (банкротстве) застройщиков.

В юридической доктрине использование данных понятий достаточно широко распространено, но в правоприменительную практику термин «трансформация» был введен только Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.03.2016 по делу № 305-ЭС15-15707 (хотя ранее встречался в судебных актах ВАС РФ[3]).

В названном судебном акте Верховный Суд РФ использовал данное понятие применительно к требованиям кредиторов по неденежным обязательствам имущественного характера, указав, что в процедуре конкурсного производства такие требования подлежат трансформации в денежные.

С учетом особенности дел о несостоятельности (банкротстве) застройщика требования участника строительства могут трансформироваться как из имущественных в денежные, так и в обратном направлении – денежные требования участников строительства переводятся в требования о передаче жилых помещений.

По мнению В. В. Витрянского, трансформация любого нарушенного гражданско-правового обязательства должна и может осуществляться исключительно по воле кредитора[4]. И. М. Шевченко при анализе термина «трансформация» также указывает, что его появление объясняет возможность предъявления кредитором (т.е. по его воле) в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) преобразованных требований в их денежном эквиваленте без предварительной реализации досудебных или судебных процедур, как того требует нормальное течение гражданского оборота[5]. Вместе с тем в делах о банкротстве в принципе, а также в делах о несостоятельности (банкротстве) застройщика в частности (в случаях, когда речь не идет о требованиях участников долевого строительства) трансформация неденежного требования кредитора в денежное возможна и помимо воли самого кредитора на такое преобразование[6].

О возможности перевода неденежных требований к должнику в денежные вне зависимости от воли сторон обязательства говорят и исследователи[7].

Таким образом, на стадии рассмотрения требования кредитора трансформация данного требования может

1 Постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11.08.2016 по делу № А21-1828/2009, Десятого арбитражного апелляционного суда от 03.02.2014 по делу № А41-7785/09.

2 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 16.02.2023 № 308-ЭС18-17191(5).

3 См., например: постановление Президиума ВАС РФ от 06.06.2000 № 5995/99.

4 Витрянский В. В. Новое законодательство о несостоятельности (банкротстве) // Хоз-во и право. 1998. № 3. С. 39.

5 Шевченко И. М. О некоторых вопросах соотношения искового производства и производства по установлению требований в делах о банкротстве // Арбитражные споры. 2019. № 4. С. 131–146.

6 Пункт 34 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (далее – Постановления Пленума № 35), Определение Арбитражного суда Челябинской области от 05.06.2017 по делу № А76-10623/2016.

7 Ращевский Е. С. Денежное обязательство в процедуре внешнего управления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 30–31.

осуществляться как по воле кредитора, так и помимо его воли. Когда же с заявлением об изменении формы учета (трансформации) уже внесенного в соответствующий реестр требования обращается участник строительства, эта трансформация осуществляется по его воле. Изложенное позволяет заключить, что наличие воли кредитора (как более общего понятия, а не именно участника долевого строительства) на преобразование своего требования не является обязательным признаком его трансформации.

В ранее названных постановлениях Президиум ВАС РФ также фактически признал, что независимо от формы учета требований участников строительства использование обеих форм является одним и тем же способом защиты прав этих лиц.

Одним из основных признаков способа защиты гражданских прав, который выделяет большинство ведущих цивилистов, является направленность соответствующей меры на восстановление нарушенного права (устранение нарушения)[1]. Разделяя в качестве аксиомы утверждение, что денежное требование участника строительства и требование о передаче ему жилого помещения преследуют один и тот же его материально-правовой интерес – получение соразмерного и пропорционального удовлетворения требований, мы не можем, однако, согласиться с тем, что даже по смыслу § 7 гл. IX Закона о банкротстве требование о передаче жилого помещения (фактически присуждение к исполнению обязанности в натуре) является тождественным требованию о взыскании уплаченного по договору (получение денежного возмещения).

Таким образом, обращаясь с заявлением об изменении формы учета своих требований, участник строительства фактически изменяет ранее избранный способ защиты своих прав. Поэтому, рассматривая трансформацию требований в качестве универсального понятия (не применительно исключительно к делам о несостоятельности (банкротстве) застройщиков), считаем правильным разграничивать процесс трансформации требования и процесс выбора соответствующим кредитором способа защиты своих прав.

Так, до момента введения в отношении должника процедуры конкурсного производства выбор способа защиты гражданских прав в науке именуется преобразовательным правомочием[2] и, по нашему мнению, не охватывается категорий трансформации.

Имея в своем распоряжении определенный набор способов защиты своих прав, кредитор сам, до обращения в суд, переводит это требование в денежное. Вместе с тем для трансформации требований необходимо их признание в соответствующем выражении (денежном или неденежном) арбитражным судом.

При применении правовой позиции, сформулированной в уже упомянутых постановлениях Президиума ВАС РФ 2013 года, арбитражный суд учитывает требования в реестре требований кредиторов в соответствующей форме, руководствуясь исключительно волей участника строительства вне зависимости от того, какое требование в действительности у него уже имеется (при наличии денежного требования в связи с расторжением участником строительства договора участия в долевом строительстве его требование может быть включено в реестр требований о передаче жилых помещений, т.е. учтено в неденежной форме, и наоборот). То есть арбитражный суд не меняет существа фактически имеющегося у участника строительства требования, он только устанавливает форму его учета.

Равным образом дела обстоят с неденежными требованиями кредиторов. В этой связи мы разделяем позицию В. А. Химичева, который отмечает, что не следует рассматривать любое преобразование неденежного требования в денежное в качестве основания возникновения денежного обязательства[3]. Применяя руководящие разъяснения Пленума ВАС РФ, данные в п. 34 Постановления Пленума № 35, арбитражный суд также не меняет существа неденежного требования кредитора, он только производит его денежную оценку, результаты которой указывает в реестре, т.е. учитывает неденежное требование кредитора в денежной форме.

В связи с изложенным полагаем, что при выяснении сути категории трансформации нужно говорить об изменении в результате такого преобразования формы учета требования соответствующего лица (кредитора, участника строительства).

Проведенный анализ позволил нам сформулировать следующее определение: трансформация требования кредитора в деле о несостоятельности (банкротстве) – это санкционированное арбитражным судом изменение формы учета требования в реестре требований кредиторов должника, осуществляемое по воле либо помимо воли управомоченного лица.

1 Российское гражданское право: учеб.: в 2 т. / под ред. Е. А. Суханова. М., 2015. Т. 2. С. 143; Гражданское право: учеб.: в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. М., 2008. Т. 1. С. 545.

2 Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Учен. зап. ВЮЗИ. М., 1940. С. 72.

3 Химичев В. А. Защита прав кредиторов при банкротстве. М., 2005. С. 108–109.

Рассматривая трансформацию в конкурсном праве, в том числе с учетом данного определения, нельзя не заметить ее сходство с институтом изменения способа и порядка исполнения судебного акта, имеющимся в процессуальном законодательстве.

В соответствии с ч. 1 ст. 324 АПК РФ при наличии обстоятельств, затрудняющих исполнение судебного акта, арбитражный суд, выдавший исполнительный лист, по заявлению взыскателя, должника или судебного пристава-исполнителя вправе отсрочить или рассрочить исполнение судебного акта, изменить способ и порядок его исполнения. Аналогичные по своей сути нормы содержатся в ст. 203 ГПК РФ, п. 1 ст. 37 Федерального закона «Об исполнительном производстве».

В науке для определения данного института используется схожий с рассмотренным понятийный аппарат. Так, под изменением способа и порядка исполнения судебного акта понимается изменение содержания исполнительных действий, иными словами, их трансформация или замена[1].

Рассмотрим выявленные признаки трансформации требований в делах о несостоятельности (банкротстве) применительно к изменению порядка и способа исполнения судебного акта.

Изменение порядка и способа исполнения судебного акта может осуществляться как по воле управомоченного лица (по заявлению взыскателя), так и помимо его воли (по заявлению должника или судебного пристава-исполнителя), но только на основании судебного акта.

Изменение способа исполнения решения суда не создает новое обязательство. Например, при замене присужденного исполнения в натуре – обязательства по передаче товара на выплату стоимости такого товара новое обязательство (денежное) не возникает, изменяется только вид исполнения[2].

Для изменения способа и порядка исполнения судебного акта необходимо, чтобы имело место уже вынесенное решение, исполнение которого в первоначальном виде затруднительно. Если же арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве должника, трансформирует неденежное требование кредитора в денежный эквивалент, судебного акта, по которому присуждалось исполнение в пользу кредитора, может не существовать. Иначе обстоит дело в случае трансформации требований участников строительства.

Обращаясь с заявлением об изменении формы учета своего требования в реестре требований кредиторов должника, участник строительства фактически просит изменить способ и порядок исполнения ранее принятого арбитражным судом судебного акта – определения о включении его требования в реестр требований кредиторов. Выше мы уже отмечали, что, по сути, в результате трансформации происходит изменение ранее избранного способа защиты права. Думается, подобный подход справедлив и при определении сущности изменения способа и порядка исполнения судебного акта. Это также следует из судебной практики[3] и отмечается в научной литературе[4].

При выяснении сути категории трансформации нужно говорить об изменении в результате такого преобразования формы учета требования соответствующего лица (кредитора, участника строительства)

Изложенное позволяет сделать вывод, что трансформация требования участника строительства в деле о несостоятельности (банкротстве) застройщика является частным случаем изменения способа и порядка исполнения судебного акта.

Следовательно, трансформация требования участника долевого строительства в деле о несостоятельности (банкротстве) застройщика – это санкционированное арбитражным судом по воле участника долевого строительства изменение формы учета его требования в реестре требований кредиторов должника, представляющее собой частный случай изменения способа и порядка исполнения определения о включении такого требования в реестр требований кредиторов должника.

1 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Разделы III–VII: постатейный науч.-практ. комментарий / под общ. ред. В. А. Гуреева; науч. ред. В. В. Гущин. М., 2013. Вып. III–IV; Гражданское процессуальное законодательство: Комментарий / под ред. М. К. Юкова. М., 1991. С. 331.

2 Постановления Президиума ВАС РФ от 06.06.2000 № 5995/99, от 22.05.2001 № 7209/00.

3 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15.04.2015 по делу № А03-20581/2012, постановление Президиума ВАС РФ от 25.12.2012 № 10562/12.

4 Абушенко Д. Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: моногр. Тверь, 2013. СПС «КонсультантПлюс».

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абушенко Д. Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: моногр. Тверь: Издатель Кондратьев А. Н., 2013. 319 с.
2. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Учен. зап. ВЮЗИ. М., 1940. 175 с.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Разделы III–VII: постатейный научно-практический комментарий / под общ. ред. В. А. Гуреева; науч. ред. В. В. Гущин. М.: Библиотечка «Российской газеты», 2013. Вып. III–IV. 576 с.
4. Витрянский В. В. Новое законодательство о несостоятельности (банкротстве) // Хоз-во и право. 1998. № 3.
5. Гражданское процессуальное законодательство: комментарий / под ред. М. К. Юкова. М.: Юрид. лит., 1991. 720 с.
6. Дорохина Е. Г. Правовой статус участников строительства при банкротстве застройщиков // Закон. 2013. № 7.
7. Ковалева Ю. Н. О трансформации требований участников долевого строительства в делах о банкротстве застройщика // Очерки новейшей камералистики. 2021. № 1.
8. Несостоятельность (банкротство): учеб. курс: в 2 т. / под ред. С. А. Карелиной. Т. 1. М.: Статут, 2019. Т. 2. 848 с.
9. Ращевский Е. С. Денежное обязательство в процедуре внешнего управления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. – 185 с.
10. Российское гражданское право: учеб.: в 2 т. / под ред. Е. А. Суханова. М.: Статут, 2015. Т. 2. – 1208 с.
11. Гражданское право: учеб: в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. М.: Велби, 2008. Т. 1. – 1006 с.
12. Химичев В. А. Защита прав кредиторов при банкротстве. М.: Волтерс Клувер, 2005. – 184 с.
13. Шевченко И. М. О некоторых вопросах соотношения искового производства и производства по установлению требований в делах о банкротстве // Арбитражные споры. 2019. № 4.
14. Шишмарева Т. П. Правовое регулирование несостоятельности застройщика // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Славич Мария Анатольевна
Старший юрист Адвокатского бюро «Качкин и Партнеры» (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: mslavich@yandex.ru.

AUTHOR'S DETAILS

Maria A. Slavich
Senior Associate of the Law Firm «Kachkin and Partners» (Russia, St. Petersburg). E-mail: mslavich@yandex.ru.

УДК 346.9

Злоупотребление правами потребителя в сфере жилищного строительства

Григорьева О. А.[1]

Аннотация. В данной статье анализируется российское законодательство о защите прав потребителей, современная практика его применения судами общей юрисдикции. На основе реальных судебных дел приводятся примеры несовершенства законодательного регулирования правоотношений, в которых стороной выступает гражданин – приобретатель жилья. Сравниваются нормы права о гарантиях прав участников долевого строительства согласно Закону о долевом участии и прав покупателей готового жилья, которое возводится без привлечения средств граждан на счета эскроу по Закону о защите прав потребителей. Через призму категории «злоупотребление правом» дается определение понятия «потребительский экстремизм (терроризм)». Оценивается степень негативного влияния потребительского экстремизма (терроризма) на активность предпринимателей в сфере строительства – застройщиков. Проблема законодательного регулирования и правоприменения в жилищной сфере сравнивается со схожей ситуацией на рынке автострахования. Исследуется положительная динамика изменений правового регулирования и судебной практики по применению закона о страховании ответственности автовладельцев. На основе изучения норм права и судебной практики по делам о защите прав потребителей – покупателей жилой недвижимости, специальной литературы, деловой практики автор формулирует некоторые выводы и рекомендации, направленные на совершенствование законодательства о защите прав потребителей и практики его применения.

Ключевые слова: потребитель, права потребителя, злоупотребление правом потребителя, потребительский экстремизм, потребительский терроризм, долевое строительство, жилищное строительство

Abuse of consumer rights in housing construction

Olga A. Grigoryeva[2]

Abstract. This article analyzes the Russian legislation on the protection of consumer rights, and the modern practice of its application by the courts of general jurisdiction. On the basis of real court cases the author gives examples of imperfection of legislative regulation of legal relations in which the party is a citizen – homebuyer. Comparison of the rule of law on guarantees of the rights of participants of share participation construction under the Law on Equity Participation and the rights of buyers of ready-made housing, which is erected without attracting the funds of citizens to escrow accounts under the Law on Protection of Consumer Rights. Through the prism of the category of "abuse of rights" the definition of the concept of "consumer extremism (terrorism)" is given. The article assesses the degree of negative impact of consumer extremism (terrorism) on the activity of businessmen in the field of construction – real estate developers. The problem of legislative regulation and law enforcement in housing sphere is compared with similar situation in car insurance market. The positive dynamics of changes of legal regulation and judicial practice in application of law on motorists' liability insurance is investigated. On the basis of the study of legal norms and judicial practice in cases of protection of consumer rights – buyers of residential real estate, special literature, business practice, the author formulates some conclusions and recommendations aimed at improving the legislation on consumer protection and practice of its application.

Keywords: consumer, consumer rights, abuse of consumer rights, consumer extremism, consumer terrorism, shared construction, housing construction

Согласно преамбуле Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 05.12.2022) «О защите прав потребителей»[3] (далее – Закон о защите прав потребителей) потребителем является гражданин, имеющий намерение заказать

1 Для цитирования: Григорьева О. А. Злоупотребление правами потребителя в сфере жилищного строительства//Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 1. С. 43–47.

2 For reference: Olga A. Grigorieva. Abuse of consumer rights in the field of housing construction // Business, management and law. 2023. No. 1. Pp. 43–47.

3 В данном виде документ опубликован не был. Редакция документа от 09.01.1996 опубликована в изданиях «Собрание законодательства РФ», 15.01.1996, № 3, ст. 140.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, а исполнителем является организация независимо от ее организационно-правовой формы или индивидуальный предприниматель, выполняющие работы или оказывающие услуги потребителям по возмездному договору.

Закон о защите прав потребителей предусматривает достаточные гарантии интересов граждан, вступающих в договорные отношения с предпринимателем. В нем закреплены сжатые сроки на рассмотрение претензии покупателя (десять дней), высокая ставка неустойки за нарушение сроков (1% в день), штраф 50% за уклонение от удовлетворения претензии, обязанность компенсировать потребителю убытки сверх начисленной неустойки.

Реальность такова, что имеют место случаи, когда граждане-потребители используют свои права не для восстановления нарушенных интересов, а для наживы за счет продавцов-предпринимателей

Например, в п. 11 «Обзора судебной практики по делам о защите прав потребителей» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.10.2022)[1] отмечено, что при удовлетворении судом требований потребителя, установленных Законом о защите прав потребителей, суд взыскивает с изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) штраф за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 9 ноября 2021 г. № 46-КГ21-31-К6.

Как разъяснено в п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» убытки, причиненные потребителю в связи с нарушением изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) его прав, подлежат возмещению в полном объеме, кроме случаев, когда законом установлен ограниченный размер ответственности. При этом следует иметь в виду, что убытки возмещаются сверх неустойки (пени), установленной законом или договором, а также что уплата неустойки и возмещение убытков не освобождают лицо, нарушившее право потребителя, от выполнения в натуре возложенных на него обязательств перед потребителем (пп. 2, 3 ст. 13 Закона о защите прав потребителей).

На фоне законодательных гарантий в последнее время стал актуальным вопрос злоупотребления гражданами своими правами в отношениях с продавцами (изготовителями). Это явление получило в науке и судебной практике название «потребительский экстремизм» или «потребительский терроризм». Проблема представляется интересной как с теоретической, так и с практической точек зрения. С одной стороны, государство в лице законодателя должно в достаточной мере защитить интересы и права гражданина, когда он вступает в договорные отношения с предпринимателями, то есть экономически более сильным субъектом. Для этих целей создана система специальных норм, закрепляющих статус такого гражданина- потребителя, его права и их гарантии.

С другой стороны, закономерен вопрос о пределах осуществления потребителем его прав с учетом ультрапотребительской направленности закона. Реальность такова, что имеют место случаи, когда граждане-потребители используют свои права не для восстановления нарушенных интересов, а для наживы за счет продавцов-предпринимателей.

Как справедливо отмечается в литературе, в рамках потребительских отношений реализуется как минимум два объективных интереса: а) предпринимательский интерес, обеспечиваемый эквивалентно-возмездным характером указанных отношений и целевой направленностью предпринимательской деятельности; б) потребительский интерес, обусловленный направленностью на удовлетворение потребностей индивида. Эти интересы разнонаправлены, что объясняет наличие потенциальной конфликтности между участниками рассматриваемых правоотношений[2].

Статьей 10 ГК РФ предусмотрено, что не допускаются осуществление гражданских прав исключительно

1 Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 12. Декабрь.

2 Анисимов В. А. Особенности гражданско-правовой квалификации недобросовестного поведения участников потребительских отношений как злоупотребления правом // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. N 5 (118). С. 110.

с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (п. 1).

В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что положения ГК РФ, законов и иных актов, содержащих нормы гражданского права (ст. 3 ГК РФ), подлежат истолкованию в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства, закрепленными в статье 1 ГК РФ.

Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. По общему правилу пункта 5 статьи 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное.

Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались (статья 56 ГПК РФ), (статья 65 АПК РФ).

Если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (п. 2 ст. 10 ГК РФ)[1], например, признает условие, которому недобросовестно воспрепятствовала или содействовала эта сторона соответственно наступившим или ненаступившим (п. 3 ст. 157 ГК РФ); указывает, что заявление такой стороны о недействительности сделки не имеет правового значения (п. 5 ст. 166 ГК РФ).

Игнорирование данного правила может привести к отмене судебного акта[2].

Легального определения понятия «потребительский экстремизм (терроризм)» в настоящее время нет. Но тем не менее, в судебной практике можно встретить упоминание данного явления. Например, в Разделе 7 Справки по результатам обобщения судебной практики рассмотрения судами Пермского края дел по спорам в сфере ответственности застройщиков жилья после передачи жилых помещений собственникам за 2018–2019 годы, три месяца 2020 г. (утв. президиумом Пермского краевого суда 04.12.2020) отмечается следующее.

Действующее законодательство не содержит такого понятия, как «потребительский экстремизм», с точки зрения закона подобные действия квалифицируются как злоупотребление правом.

Например, как отмечено в Справке по результатам обобщения судебной практики рассмотрения судами Пермского края дел по спорам в сфере ответственности застройщиков жилья после передачи жилых помещений собственникам за 2018–2019 годы, 3 месяца 2020 года суд, с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления, отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом[3].

В юридической науке, в законодательстве, на практике не сложилось единого определение понятия «злоупотребление правом».

Согласимся с мнением, что злоупотребление гражданским правом представляет собой осуществление управомоченным лицом принадлежащего ему субъективного права в противоречии с заложенным в нем интересом[4]. Хотя при злоупотреблении правом нет формального нарушения акта законодательства, однако оно является противоправным деянием, так как в связи с этим нарушаются чьи-то права и свободы[5]. Злоупотребление правом это такая реализация норм права, которая находится в противоречии с их назначением, что наносит вред иным субъектам общественных отношений[6].

1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 30 июня.

2 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 9 февраля 2021 г. № 45-КГ20-29-К7; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 января 2020 г. № 88-440/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

3 Утв. президиумом Пермского краевого суда 04.12.2020) // СПС «Консультант Плюс».

4 Радченко С. Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9.

5 Офман Е. М. Злоупотребление правом субъектами трудовых отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 9.

6 Малиновский А. А. Злоупотребление правом. М., 2008. С. 27.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

С учетом позиций судебных инстанций, под злоупотреблением правом участником гражданских правоотношений следует понимать осуществление управомоченным лицом принадлежащего ему субъективного права, но в противоречии с его целевым назначением, недозволенным образом или незаконными средствами, нарушающее права и законные интересы других лиц, причиняющее им вред или создающее для этого условия[1].

Нужно констатировать, что на практике доминирует позиция слабости потребителя как стороны договора, нуждающегося в особой защите государства

Отметим, что при рассмотрении дел о защите прав потребителей суды крайне редко делают выводы о наличии в поведении потребителя признаков злоупотребления правом.

Как отмечает В. А. Анисимов, злоупотребление правом участником потребительских отношений является средством достижения желаемого экономического результата для нарушителя, а причинение убытков своему контрагенту – лишь неизбежное следствие подобного нарушения, поскольку в гражданско-правовых обязательствах злоупотребления направлены в большей степени на получение необоснованных преимуществ для управомоченного субъекта, чем на причинение вреда другому лицу[2].

На сегодняшний день одной из самых привлекательных для недобросовестных потребителей сфер является жилищное строительство, где граждане – участники долевого строительства, а также иные лица, которым права дольщиков были уступлены, получили возможность взыскивать в свою пользу сверхвысокие санкции в результате нарушения застройщиком срока передачи объекта долевого строительства после ввода многоквартирного дома в эксплуатацию. Но нередко такие ситуации возникают вследствие злоупотребления гражданами своими правами, которые намеренно затягивают приемку квартиры по надуманным причинам, преследуя меркантильные цели[3].

В п. 25 Обзора практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 4 декабря 2013 г.,[4] говорится, что суд отказывает во взыскании неустойки за нарушение предусмотренного договором срока передачи участнику долевого строительства объекта долевого строительства, установив факт злоупотребления правом со стороны такого участника, который уклоняется или отказывается от принятия объекта долевого строительства в указанный срок (за исключением случая, когда участник долевого строительства предъявил застройщику требование о составлении акта о несоответствии объекта долевого строительства требованиям к его качеству). С учетом данных разъяснений суды отказывают истцам в защите их прав при установлении фактов злоупотребления правами[5].

В первую очередь речь о злоупотреблении правом может идти в том случае, если участник долевого строительства старается не просто защитить свои нарушенные права, а сознательно стремится к тому (и прилагает для этого усилия), чтобы застройщик не смог в должной мере оказать ему услугу (выполнить работу) в соответствии с условиями заключенного договора. То есть участник долевого строительства специально создает условия для того, чтобы его права, предусмотренные законом, и условия заключенного договора были нарушены. Только в этом случае подобное поведение можно расценивать как злоупотреблением правом, что законом запрещено[6].

1 Усольцев Е. Ю. Интерес как основание квалификации злоупотребления потребителем правом // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 131–139.

2 Анисимов В. А. Методологические проблемы исследования злоупотребления субъективными гражданскими правами участниками потребительских отношений // Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 2. 2017 / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцев, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. С. 328–329.

3 Кирсанов А. Р. Правовые основы «потребительского экстремизма» на рынке долевого строительства // Имущественные отношения в РФ. 2020. № 8 (227). С. 61.

4 В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании «Бюллетень Верховного Суда РФ». 2014. № 3. Март.

5 Определение Верховного Суда РФ от 14.04.2020 № 305-ЭС20-5020 по делу № А40-53221/2019. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17.02.2021 № 88-1360/2021. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.01.2021 по делу № 88-1852/2021. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.12.2022 по делу № 88-18340/2022.

6 Усольцев Е. Ю. Интерес как основание квалификации злоупотребления потребителем правом // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 131–139.

Нужно констатировать, что на практике доминирует позиция слабости потребителя как стороны договора, нуждающегося в особой защите государства. И зачастую такой подход сохраняется даже в тех случаях, когда действия потребителя в большей степени направлены на получение материальной выгоды, чем на реализацию заложенного в субъективном праве интереса[1]. Очевидно, что такая ситуация угрожает правовой определенности и стабильности в сфере розничного рынка, нарушает баланс интересов его участников. Для ее преодоления требуется глубокое научное переосмысление правового положения участников потребительских отношений с последующими изменениями в законодательстве и правоприменении.

Ещё более плачевная ситуация когда противоположной потребителю стороной выступает застройщик многоквартирного дома, который ведет строительство за счет собственных средств, не привлекая средства дольщиков через счета эскроу. Такие проекты финансируют сами девелоперы, их соинвесторы или паевые фонды, а конечным потребителям продается готовое жилье по договорам купли-продажи.

В таком случае закон ещё более строг к противоположной потребителю стороне – застройщику (изготовителю, продавцу недвижимости), так как отношения сторон полностью попадают в сферу применения Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»[2].

Продолжение статьи в следующем номере журнала

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анисимов В. А. Методологические проблемы исследования злоупотребления субъективными гражданскими правами участниками потребительских отношений // Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 2. 2017 / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцев, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. С. 328–329.

2. Анисимов В. А. Особенности гражданско-правовой квалификации недобросовестного поведения участников потребительских отношений как злоупотребления правом // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5 (118). С. 110.

3. Белов В. А. Виды требований потребителей: теоретико-практический анализ // Закон. 2021. № 9. С. 33–41.

4. Усольцев Е. Ю. Интерес как основание квалификации злоупотребления потребителем правом // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 131–139.

5. Кирсанов А. Р. Правовые основы «потребительского экстремизма» на рынке долевого строительства // Имущественные отношения в РФ. 2020. № 8 (227). С. 61.

6. Малиновский А. А. Злоупотребление правом. М., 2008. С. 27.

7. Офман Е. М. Злоупотребление правом субъектами трудовых отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 9.

8. Радченко С. Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9.

9. Усольцев Е. Ю. Интерес как основание квалификации злоупотребления потребителем правом // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 131–139.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Григорьева Ольга Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: grig.o1@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7140-2291.

AUTHOR'S DETAILS

Olga A. Grigoryeva
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Business Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia). E-mail: grig.o1@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7140-2291.

1 Белов В. А. Виды требований потребителей: теоретико-практический анализ // Закон. 2021. № 9. С. 33–41.

2 В данном виде документ опубликован не был. Редакция документа от 09.01.1996 опубликована в изданиях «Собрание законодательства РФ». 15.01.1996. № 3. Ст. 140.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

УДК 349.4

Правовой режим сельскохозяйственных угодий: проблемы и перспективы правового регулирования

Вагина О. В.[1]

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового режима земельных участков, которые относятся к категории земель сельскохозяйственного назначения с видом разрешенного использования – сельскохозяйственные угодья. На основании анализа действующего законодательства, научной литературы и судебной практики выявляются пробелы правового регулирования, связанные с этими объектами, которые подлежат особой охране как компоненты окружающей среды, обладающие уникальным свойством – плодородия, при этом на них не распространяется действие градостроительных регламентов, что приводит к невозможности изменения их статуса не прибегая к трудоемкой процедуре, которая способна повлечь финансовые и временные затраты, перевода из одной категории в другую (например, невозможно правовой режим пашни, которая по факту не является таковой изменить на режим «пастбище» для использования в целях выпаса домашних животных), что лишено какого-либо логического смысла, так как изменение режима с пашни на пастбище или обратный процесс не предполагает вывод земельного участка из сферы сельскохозяйственного использования. К тому же, как показывает практика, земельные участки с правовым режимом «сельскохозяйственные угодья» не всегда требуются потенциальным арендаторам в качестве ресурса, обладающего плодородием, им важна инвестиционная привлекательность данных объектов, возможность получения определенных экономических льгот, который предоставляет правовой ражим земель сельскохозяйственного назначения.

Ключевые слова: правовой режим земельных участков, земли сельскохозяйственного назначения, эффективное использование земельных участков, сельскохозяйственные угодья

Legal regime of agricultural lands: problems and prospects of legal regulation

Olga V. Vagina[2]

Abstract. The article discusses the features of the legal regime of land plots that belong to the category of agricultural land with the type of permitted use – agricultural land. Based on the analysis of current legislation, scientific literature and judicial practice, gaps in legal regulation related to these objects are identified, which are subject to special protection as components of the environment with a unique property – fertility, while they are not subject to urban planning regulations, which makes it impossible to change their status without resorting to a time-consuming procedure that it can entail financial and time costs, transfer from one category to another (for example, it is impossible to change the legal regime of arable land, which in fact is not such, to the "pasture" mode for use for grazing pets), which is devoid of any logical meaning, since changing the regime from arable land to pasture

Keywords: legal regime of land plots, agricultural land, efficient use of land plots, agricultural land

По общему правилу правовой режим земельных участков зависит от их отнесения к той или иной категории и от вида разрешенного использования[3].

Рассматривая правовой режим сельскохозяйственных угодий обратимся к ст. 79 Земельного кодекса РФ (далее – ЗК РФ), в которой установлено, что

1 Для цитирования: Вагина О. В. Правовой режим сельскохозяйственных угодий: проблемы и перспективы правового регулирования // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 1. С. 48–51.

2 For reference: Vagina O. V. Legal regime of agricultural lands: problems and prospects of legal regulation // Business, management and law. 2023. No. 1. Pp. 48–51.

3 Подробнее, что понимается под «правовым режимом земельных участков», см. Иконицкая И. А. Земельное право Российской Федерации: учебник. М.: Юрист, 2002. С. 181., Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации / под ред. С. А. Боголюбова, Е. Л. Мининой. М., 2002. С. 104, Крассов О. И. Понятие и содержание правового режима земель // Экологическое право. 2003. № 1. С. 22.

сельскохозяйственные угодья – пашни, сенокосы, пастбища, залежи, земли, занятые многолетними насаждениями (садами, виноградниками и другими), – в составе земель сельскохозяйственного назначения имеют приоритет в использовании и подлежат особой охране. Таким образом, под термином «сельскохозяйственные угодья» понимается вид разрешенного использования земельного участка, который принадлежит к категории «земли сельскохозяйственного назначения».

Согласно Градостроительному кодексу РФ (далее – ГрК РФ) регулирование отношений по установлению видов разрешенного использования земельного участка осуществляется через градостроительные регламенты, однако в соответствии с п.п. 4, 6 ст. 36 ГрК РФ для определенных земель не предусмотрено установление градостроительных регламентов, к числу этих земель отнесены и сельскохозяйственные угодья.

На первую проблему, связанную с этим моментом, обратил внимание С. А. Липски «для таких земель и земельных участков ни в земельном, ни в градостроительном законодательстве не закреплено, как устанавливать ВРИ ЗУ, которые в современной России стали вторым по важности способом определения правового режима земель и земельных участков. А если ВРИ ЗУ надо изменить? Например, в сельскохозяйственном производстве выращивание зерновых культур (код по Классификатору ВРИ ЗУ – 1.2)[1], исходя из экономической целесообразности, потребуется заменить на овощеводство (1.3)? Или на выращивание тонизирующих, лекарственных, цветочных культур (1.4)? Аналогичным образом различными являются ВРИ ЗУ для скотоводства (1.8) и свиноводства (1.11), и здесь тоже может потребоваться изменение. В результате возник правовой пробел»[2].

Действительно, в настоящий момент отсутствует возможность изменения режима сельскохозяйственных угодий без перевода их в состав земель других категорий, но и такой перевод возможен лишь в исключительных случаях, которые закреплены в ст. 7 Федерального закона «О переводе земель и земельных участков из одной категории в другую». Примеры из судебной практики – «исходя из смысла Определения Верховного Суда РФ земельный участок сельскохозяйственного назначения может быть использован для иных целей лишь после перевода данного участка в другую категорию. До этого момента его правовой режим использования ограничен его целевым назначением»[3]; «суд установил, что принадлежащий заявителю на праве собственности земельный участок относится к землям сельскохозяйственных угодий, для которых виды разрешенного использования не устанавливаются и изменение разрешенного использования невозможно без изменения категории земель, а перевод земель, занятых сельскохозяйственными угодьями, в другую категорию в свою очередь допускается только в исключительных случаях, которых в данном деле не имеется»[4].

Как видится уполномоченному органу (Министерству сельского хозяйства) необходимо произвести инвентаризацию указанных земельных участков и подготовить актуальные перечни особо ценных объектов, которые следует вовлекать в оборот, и неэффективных с позиции возможности исключения их из состава угодий, так как они утратили свои природные свойства как средство производства и предоставлять их для иных целей (обновить материалы землеустройства)

Следовательно, сельскохозяйственные угодья можно рассматривать в качестве «священной коровы», которые на практике получили указанный правовой режим в далекие советские времена, при этом многие земельные участки, числящиеся по документам в государственном фонде данных землеустройства как сельскохозяйственные угодья, фактически таковыми не являются. Справедливо отмечает Г. И. Землякова «и надо

1 В статье на, которую делается ссылка, автор обращается к Приказу Минэкономразвития России от 01.09.2014 г. № 540 «Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков», в настоящее время он утратил силу и действует Приказ Росреестра от 10.11.2020 г. № П/0412 «Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков», однако, общий вывод своей актуальности не потерял.

2 Липски С. А. Тенденции в изменении подходов законодателя к установлению и обеспечению правового режима земельных участков // Правовые вопросы недвижимости. 2019. № 2. С. 21.

3 Определение Верховного Суда РФ от 15.04.2019 № 309-ЭС19-3234 по делу № А60-12157/2018.

4 Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.03.2018 № Ф07-1823/2018 по делу № А52-1883/2017.

сказать, на практике существует немало неиспользуемых еще с 1990-х годов земельных участков сельскохозяйственного назначения, в отношении которых ни разу за все время их существования не были проведены контрольно-надзорные мероприятия»[1].

Как видится уполномоченному органу (Министерству сельского хозяйства) необходимо произвести инвентаризацию указанных земельных участков и подготовить актуальные перечни особо ценных объектов, которые следует вовлекать в оборот, и неэффективных с позиции возможности исключения их из состава угодий, так как они утратили свои природные свойства как средство производства и предоставлять их для иных целей (обновить материалы землеустройства). Положительным моментом является то, что Минсельхоз России наделили полномочием по ведению реестра земель сельскохозяйственного назначения.

В законодательстве существует пробел – отсутствует нормативно-правовой акт, который устанавливал бы процедуру снятия статуса «сельскохозяйственное угодье» с земельного участка как вида разрешенного использования без изменения категории земель сельскохозяйственного назначения, что позволяло бы их вовлекать в оборот и осуществлять строительство объектов недвижимости

Следующая проблема связана с тем, что отсутствует возможность изменения вида разрешенного использования в рамках угодий без изменения категории земель сельскохозяйственного назначения (например, запрещено распахивать пастбища). Об этом свидетельствует и релевантная судебная практика. В частности, Верховный Суд РФ установил: «Таким образом, для земель сельскохозяйственных угодий в составе земель сельскохозяйственного назначения градостроительное зонирование не осуществляется и виды разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства не устанавливаются и не могут быть изменены»[2]. Еще один пример «суд признал, что постановление о переводе земельных участков из пастбищ в пашни не соответствует законодательству, поскольку деление земель на пашни, сенокосы, пастбища направлено на регулирование соотношения объема животноводства, растениеводства в РФ и ее субъектах, поэтому участки пастбищ должны использоваться для выпаса и кормления скота»[3].

Таким образом, на данном этапе существует пробел в законодательстве – отсутствует нормативно-правовой акт, который устанавливал бы процедуру снятия статуса «сельскохозяйственное угодье» с земельного участка как вида разрешенного использования без изменения категории земель сельскохозяйственного назначения, что позволяло бы их вовлекать в оборот и осуществлять строительство объектов недвижимости. Назрела необходимость принятия указанного акта на федеральном. Мы не исключаем, что указанный нормативно-правовой акт может быть принят и на уровне субъекта Российской Федерации, так как земельное законодательство согласно ст. 72 Конституции РФ находится в совместном ведении РФ и ее субъектов и отношения, которые он будет регулировать не будут являться имущественными по своей правовой природе, которые в свою очередь могут быть урегулированы исключительно на федеральном уровне. Так же на наш взгляд, вполне возможно осуществить расширение правового режима угодий путем предоставления участникам земельных отношений права строительства на них, что позволит повышать инвестиционную привлекательность указанных объектов.

Еще одной проблемой, связанной с правовым режимом земельного участка, относящегося к сельскохозяйственным угодьям, является «запараллеливание» информации о нем в двух регистрационных системах – в Государственном лесном реестре и Едином государственном реестре недвижимости. С одной стороны, положительный эффект произошел в связи с принятием Федерального закона» от 29.07.2017 № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях устранения противоречий в сведениях государственных реестров и установления принадлежности земельного участка

1 Землякова Г. Л. Правовое регулирование подтверждения факта неиспользования земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения при его изъятии // Аграрное и земельное право. 2020. № 5(185). С. 7.

2 Данная позиция была отражена в Ответе на Вопрос 5 раздела «Разъяснения по вопросам, возникающим в судебной практике» Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2013 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.06.2014).

3 Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 09.08.2018 № Ф08-6025/2018 по делу № А53-31882/2017.

к определенной категории земель»[1], так как указанным актом закрепили приоритет информации, содержащейся в ЕГРН пред ГЛР. В настоящее время исключение информации из ГЛР, что участок относится к землям лесного фонда возведено в формат государственной услуги. Согласимся с точкой зрения И. Н. Харинова, который обосновал, что «федеральный закон № 280-ФЗ (о «лесной амнистии») является мощным инструментом вовлечения (сохранения) сельхоз земель в оборот в условиях наличия противоречивых сведений о земельных участках по сведениям Единого государственного реестра недвижимости и государственного лесного реестра»[2].

С другой стороны, анализ судебной практики не позволяет однозначно утверждать, что исключение информации из ГЛР происходит в ста процентах. Заслуживают внимание следующие выводы судебных инстанций: «приобретатель земельного участка не должен знать, что земельный участок является лесным, и у такого приобретателя не должно быть противоправной цели»[3]; «право частной собственности может быть признано отсутствующим, к лицу может быть предъявлено требование о возмещении вреда, причиненного лесным насаждениям в случае вырубок»[4].

Подводя итог, можно сделать вывод, что на данном этапе в российском законодательстве, регулирующем отношения объектом которых выступают сельскохозяйственные угодья, существует пробельность, которая не позволяет эффективно использовать земельные участки, что несомненно снижает и экономический эффект, который возможно получить, если устранить недостатки правового регулирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Иконицкая И. А. Земельное право Российской Федерации: учебник. М.: Юрист, 2002. 286 с.
2. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации / под ред. С. А. Боголюбова, Е. Л. Мининой. М., 2002. 587 с.
3. Крассов О. И. Понятие и содержание правового режима земель // Экологическое право. 2003. № 1. С. 20–25.
4. Липски С. А. Тенденции в изменении подходов законодателя к установлению и обеспечению правового режима земельных участков // Правовые вопросы недвижимости. 2019. № 2. С. 19–23.
5. Землякова, Г. Л. Правовое регулирование подтверждения факта неиспользования земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения при его изъятии// Аграрное и земельное право. 2020. № 5(185). С. 4–8.
6. Харинов И. Н. Спорные вопросы (не)применения Закона о лесной амнистии// Закон. 2021. № 11. С. 53–64.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Вагина Ольга Валерьевна
доцент кафедры земельного, градостроительного и экологического права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: bmpmag@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2734-2863.

AUTHOR'S DETAILS

Olga V. Vagina
Associate Professor of the Department of Land, Urban Planning and Environmental Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterinburg). E-mail: bmpmag@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2734-2863.

1 За указанным актом закрепилось название – «Закон о лесной амнистии».
2 Подробнее см. Харинов И. Н. Спорные вопросы (не)применения Закона о лесной амнистии// Закон. 2021. № 11. С. 53–64.
3 Постановление Арбитражного Суда Уральского округа от 13.07.2020 по делу № А60-37835/2017.
4 Постановление Семнадцатого Апелляционного Арбитражного Суда от 07.04.2021 по делу № А60-49644/2019.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

УДК 349.6

Экологические фонды как экономический инструмент обеспечения реализации требований экологической безопасности

Гаевская Е. Ю.[1]

Аннотация. В статье рассматриваются основные современные финансовые механизмы обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации. Отдельное внимание автором статьи уделяется проблемам формирования в России института экологических фондов как альтернативного источника экологического финансирования. Автором рассматриваются изменения экологического законодательства, вступающие в юридическую силу с 1 сентября 2023 года, относительно «зеленого» окрашивания денежных средств, поступивших в бюджет от экологических платежей, и закрепления принципа их строго целевого назначения. Рассматривая роль экологических фондов в обеспечении исполнения требований экологической безопасности, автором статьи отмечается его двоякая роль в системе общественных экологических отношений: с одной стороны это финансовый инструмент, в другой стороны это субъект – полноправный участник экологических отношений. Отдельное внимание в научной статье уделяется разновидностям экологических фондов: ликвидационным (резервным), компенсационным. Анализируя изменения экологического законодательства в рассматриваемой сфере, автор приходит к выводу о необходимости введения института административной ответственности как обеспечительной меры соблюдения субъектами реального сектора экономики обязанности образования резервных фондов. Резюмируя сказанное, автором отмечаются финансовые инструменты, направленных на обеспечение требований экологической безопасности, минимизирующие финансовую нагрузку на бюджетную систему.

Ключевые слова: экологическая безопасность, экологический фонд, ликвидационный фонд, компенсационный фонд, «зеленое» финансирование

Environmental funds as an economic tool for ensuring the implementation of environmental safety requirements

Ekaterina Yu. Gayevskaya[2]

Abstract. The article deals with the main modern financial mechanisms of environmental security in the Russian Federation. The author pays special attention to the problems of formation in Russia of the institute of environmental funds as an alternative source of environmental financing. The author considers changes of the ecological legislation, coming into legal force since September, 1, 2023, concerning “green” coloring of the money means received in the budget from ecological payments, and fixation of a principle of their strictly target designation. Considering the role of environmental funds in ensuring compliance with environmental legislation, the author of the article notes its dual role in the system of public environmental relations: on the one hand, it is a financial instrument, on the other hand, it is a subject – a full-fledged participant of environmental relations. Separate attention in the scientific article is paid to the varieties of environmental funds: liquidation (reserve), compensation. Analyzing the changes in environmental legislation in the sphere in question, the author comes to the conclusion about the necessity of introducing the institute of administrative responsibility as an enforcement measure for the subjects of the real sector of economy to comply with the obligation of formation of reserve funds. Summarizing the above, the author notes the financial instruments aimed at ensuring the requirements of environmental safety, minimizing the financial burden on the budgetary system.

Keywords: environmental security, environmental fund, liquidation fund, compensation fund, “green” financing

1 Для цитирования: Гаевская Е. Ю. Экологические фонды как экономический инструмент обеспечения реализации требований экологической безопасности // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 1. С. 52–57.
2 For reference: Ekaterina Yu. Gayevskaya. Ecological funds as an economic tool for ensuring the implementation of environmental safety requirements // Business, management and law. 2023. No. 1. Pp. 52–57.

В проводимых научных исследованиях вопросам экологического финансирования уделяется достаточное внимание[1]. В целях развития стимулирования и государственной поддержки деятельности в сфере обеспечения экологической безопасности в России в 2021 году произошло реформирование правовых основ создания и развития инструментов экологического финансирования природоохранной сферы. В качестве основных финансовых инструментов можно обозначить механизмы «зеленого» и ESG-финансирования и установление принципа строго целевого использования поступающих в бюджет некоторых экологических платежей. Примером «зеленого» финансирования может послужить город Москва, позиционируемый первым субъектом Российской Федерации, осуществившим выпуск «зеленых» облигаций на общую сумму 70 млрд рублей, в результате чего International Capital Markets Association они были включены в реестр облигаций устойчивого развития[2]. В дальнейшем прибыль, полученная от реализации зеленых облигаций, была направлена на решение экологических вопросов регионального уровня данного субъекта РФ.

В целях реализации инструментов экологического финансирования и привлечения внебюджетных средств в реализацию «зеленых» проектов Правительством РФ принимается ряд подзаконных актов: Распоряжение от 14 июля 2021 г. № 1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации» и Постановление от 21 сентября 2021 г. № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации».

Несмотря на правовое обновление, вопросы обеспечения рационального природопользования, в рамках реализации концепции устойчивого развития, обуславливают «поиск новой парадигмы»[3] в условиях обостряющейся экологической обстановки. И здесь следует особо отметить проблему формирования и внедрения института экологических фондов, как экономического инструмента обеспечения реализации требований экологической безопасности. Экологические фонды являются действенным экономическим механизмом, гарантирующим выполнение рекультивационных мероприятий и возмещение вреда окружающей среде.

В обеспечение реализации требований экологической безопасности в Российской Федерации действует Стратегия экологической безопасности России на период до 2025 года[4] вместе с Планом мероприятий по ее реализации[5]. Однако, динамизм экологических отношений заставляет государство вносить периодические коррективы в планы мероприятий достижения современных требований экологической безопасности. Так, Распоряжением Правительства РФ от 29.12.2022 № 4365-р[6] из запланированных мероприятий по реализации Стратегии было изъято такое направление как создание и развитие в Российской Федерации системы экологических фондов, несмотря на его актуальность. Необходимо отметить, что исключение указанного института из планируемых мероприятий не следует воспринимать как отказ государства от его реформирования. Сложившая ситуация лишь позволяет констатировать что законодательное закрепление обозначенного правового института требует более тщательной и детальной проработки всего правового массива, на что потребуется более значительный временной период, чем было запланировано первоначально.

Правовые основы образования экологических фондов были заложены еще ст. 21 Закона РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды». Экологические фонды формировались за счет: платы за негативное воздействие на окружающую природную среду; сумм, полученных по искам о возмещении вреда и штрафов за экологические правонарушения; средств от реализации конфискованных орудий и предметов экологических правонарушений, поступлений от физических и юридических лиц (п. 2 ст. 21).

1 Мираминов А. А. Правовые и организационные аспекты финансирования мероприятий по охране окружающей среды и обеспечения экологической безопасности // Моя профессиональная карьера. 2022. Т. 2. № 42. С. 127–132; Карагичева С. А. Банковское кредитование как источник финансирования экологических инвестиций// Правовая позиция. 2021. № 3 (15). С. 18–21; Федорова С. В., Федоров К. И. Основные инструменты финансирования экологической политики // Экономический вектор. 2018. (14). С. 62–65.

2 Москва успешно разместила выпуск «зеленых» облигаций [Электронный ресурс]. URL: https://www.mos.ru/news/item/91414073/

3 Недешева Н. А. Региональные экологические фонды как инструмент государственного регулирования природоохранной деятельности: дис. ... канд. наук. 08.00.19, М., 1999. С. 3–4.

4 Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года»

5 Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2019 № 1124-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года».

6 Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4365-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 29.05.2019 № 1124-р и отмене распоряжения Правительства РФ от 18.12.2019 № 3080-р».

Нельзя не отметить и двойную роль, которую играли экологические фонды, с одной стороны это были субъекты (участники) экологических отношений, имеющие статус юридического лица, с другой стороны, это финансовый инструмент, составная экономического механизма обеспечения рациональности природопользования и охраны окружающей природной среды.

Отметим и двойную роль, которую играли экологические фонды, с одной стороны это были субъекты (участники) экологических отношений, имеющие статус юридического лица, с другой стороны, это финансовый инструмент, составная экономического механизма обеспечения рациональности природопользования и охраны окружающей природной среды

Позже[1] средства экологического внебюджетного фонда были консолидированы в федеральный бюджет и стали целевым бюджетным фондом уже не имеющим так называемый «зеленый» окрас. А в 2001 году и вовсе было принято решение о его ликвидации[2]. Соответственно, государственная система экологических фондов просуществовала менее 10 лет[3]. Однако, уже в 2010 году на очередном заседании президиума Государственного совета вновь поднимался вопрос о воссоздании экологических фондов, «положительно себя зарекомендовавших в качестве источников финансирования экологически значимых мероприятий»[4], по итогам которого Президентом РФ было дано поручение Правительству РФ о формировании предложений по вопросам создания экологических фондов как на федеральном, так и на региональном уровне, с обозначением контрольно-надзорных мероприятий за функционированием экологических фондов и строго целевым использованием их средств, однако, дальнейшего развития обозначенное поручение Президента России так не получило.

На современном этапе правовое сопровождение образования экологических фондов в России характеризуется законодательными изменениями, обусловленными выполнением пп. «к» п. 2 Перечня поручений Президента Российской Федерации по реализации Послания Федеральному Собранию Российской Федерации от 21 апреля 2021 № Пр-753, закрепившим необходимость обеспечения целевого использования экологических платежей, поступающих в бюджет.

Необходимость реформирования данной сферы обусловлена не только прямым указанием Президента России В. В. Путина о «зеленом» окрашивании так называемых экологических платежей, но и статистическими данными, наглядно отражающими достаточно печальную ситуацию растворения экологических платежей в консолидированных бюджетах субъектов Российской Федерации. В частности, за период с 2018 по 2020 года в консолидированные бюджеты субъектов РФ поступило более 38,9 млр.руб. от платы за негативное воздействие на окружающую среду. За данный период в субъектах РФ были реализованы природоохранные мероприятия на общую сумму 721 млн.руб, что составило менее 2% от поступившей в бюджет суммы[5].

Федеральным законом от 30.12.2021 № 446-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Так, ст. 16.6 ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ, закрепляет в качестве одной из основных целей использования платежей за негативное воздействие на окружающую среду, зачисленные в бюджетную систему России, обеспечение экологической безопасности. В п. 4 ст. 16.6 обозначенного закона законодатель установил строго целевой экологический характер данных платежей. Изменениями от 30 декабря 2021 года аналогичный принцип строго целевого экологического назначения был определен законодателем и для сумм от административных штрафов за административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования (ст. 75.1); для платежей по искам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде вследствие

1 В связи с принятием ФЗ от 31.12.1995 № 228-ФЗ «О федеральном бюджете на 1996 год».
2 Постановление Правительства РФ от 11.10.2001 № 721 «О ликвидации Федерального экологического фонда Российской Федерации».
3 Савкин В. И. роль экологических фондов в обеспечении компромисса между национальной экономикой и окружающей средой // национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. 9. № 39 (228). С. 4.
4 Навасардова Э. С. Экологические фонды как источники финансирования экологически значимых мероприятий // Гуманитарные и исторические исследования. 2013. № 1. С. 89.
5 Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 4764-8.

нарушений обязательных требований, в том числе и при добровольном возмещении вреда (ст. 78.2).

В итоге, экологическое окрашивание аккумулирующихся в бюджете денежных средств, по своей сути, представляет собой образование экологического фонда РФ, однако, отметим, что в законе данного определения он так и не получил.

Примечательным остается и то, что в действующем экологическом законодательстве правовое сопровождение образования и функционирования экологических фондов, как специальных субъектов – участников экологических правоотношений, не предусмотрено. Однако, законодательство и не содержит прямого запрета на их образование, закрепляя в п. 2 ст. 11 ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ право граждан на создание общественных объединений и иных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в области охраны окружающей среды и обеспечении экологической безопасности. Так, летом 2022 года в России был образован так называемый «первый национальный экологический фонд»: Компас (фонд поддержки и развития экологических инициатив). В качестве целевых установок Компаса позиционируется обеспечение устойчивого развития, возможного только при соблюдении баланса интересов – экономического роста, благосостояния общества и экологической безопасности. Позиционируемая миссия Компаса – это эффективное взаимодействие с различными участниками экологических отношений (государством, общественными организациями, экоактивистами, учеными и населением) в целях сосредоточения на двух самых важных для планеты вызовах: изменение климата и защита флоры и фауны.

В качестве основной задачи, обеспечения устойчивого развития и решения экологических проблем, вновь созданный экологический фонд обозначает формирование новой экологической культуры («экокультуры») и тренда на осознанное потребление. Достижение чего планируется путем: формирования центра компетенций экологического профиля; развития стратегически важных территорий и сохранения естественных экологических систем и природных комплексов страны; поддержки деятельности общественных экологических и волонтерских организаций; содействия в обеспечении сохранения биологического разнообразия нашей страны; развития национального экологического туризма; популяризации «зеленой» повестки и вовлечения в нее граждан; возрождения утраченных русских экологических традиций (восстановление популяции редких видов животных, рыб и птиц)[1].

Работа фонда планируется по трем основным направлениям: законотворчество; разработка инновационных, научно-технических, опытно-конструкторских проектов в природоохранной сфере по единым стандартам и экологическое образование, экологическое просвещение.

Примечательно отметить что, что в попечительский совет Компаса входят ведущие специалисты правоприменительной и научной экологической сферы: Председатель Комитета Государственной думы Российской Федерации по экологии, природным ресурсам и охране окружающей среды Д. Н. Кобылкин; Руководитель Федеральной службы по надзору в сфере природопользования С. Г. Родионова; Вице-президент РАН, доктор химических наук. С. Н. Калмыков; Академик РАН, доктор биологических наук А. В. Адрианов; депутат Государственной думы РФ Т. Т. Баженов.

В качестве основной задачи, обеспечения устойчивого развития и решения экологических проблем, вновь созданный экологический фонд обозначает формирование новой экологической культуры («экокультуры») и тренда на осознанное потребление

Очевидно, что вновь образованный экологический фонд является юридическим лицом – участником экологических отношений, деятельность которого направлена на поддержку и развитие экологических инициатив, а необходимость и значимость его создания не вызывает сомнения.

В качестве отдельной разновидности экологических фондов, как финансовых инструментов, можно обозначить ликвидационные (резервные) и компенсационные фонды.

Ликвидационные фонды предусмотрены законодателем для недропользователей достаточно давно[2]. Вопрос о создании ликвидационных фондов для иных

1 https://eco-compass.ru/o-fonde/ (дата обращения: 09.01.2023).

2 Статья 26 Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах»; Постановление Правительства РФ от 08.07.1999 № 741 «Об утверждении Положения о формировании и использовании ликвидационного фонда при реализации соглашения о разделе продукции».

субъектов реального сектора экономики был поднят в 2020 году в связи с введением режима чрезвычайной ситуации регионального характера в г. Усолье-Сибирском из-за угрозы химического загрязнения на территории предприятия-банкрота ООО «Усольехимпром». В целях исполнения пп. «е» п. 1 Перечня поручений по итогам совещания об экологической ситуации в Усолье-Сибирском[1] Минприроды РФ был подготовлен проект Федерального закона № 02/04/12-20/00111889. Следует отметить, что в процессе подготовки законопроекта рассматривались различные финансовые механизмы реализации требований экологической безопасности, среди которых закреплялось создание ликвидационных фондов и воссоздание внебюджетных экологических фондов. Однако, в законопроекте № 02/04/12-20/00111889, вынесенном на общественное обсуждение, нормы о воссоздании экологических фондов были не закреплены.

Положениями Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2021 № 446-ФЗ, в качестве обеспечительного инструмента, предусмотрена с 1 сентября 2023 необходимость гарантированного финансового обеспечения, путем создания резервного фонда, содержащего денежные средства в объеме, необходимом для реализации мероприятий при эксплуатации и выводе из эксплуатации.

Согласно ст. 56.3 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ резервный фонд, создаваемый субъектами реального сектора экономики, аккумулирует денежные средства необходимые для реализации ликвидационных мероприятий, предусмотренных планом, при этом денежные средства размещаются на счетах эскроу. Счет эскроу открывается банком для учета и блокирования денежных средств, полученных банком от владельца счета, в целях перечисления таких средств в федеральный бюджет в случае банкротства депонента и имеют строго экологический характер.

Федеральный бюджет может пополняться также за счет компенсационных платежей, уплачиваемых при неисполнении хозяйствующими субъектами обязательных требований, обозначенных в пп. 3 и 4 ст. 56.1 ФЗ «Об охране окружающей среды добровольно либо по решению суд. Компенсационные платежи также имеют строго целевой характер использования.

В целях дальнейшего совершенствования законодательства видится необходимым введение института административной ответственности за нарушение требований в области охраны окружающей среды при эксплуатации и выводе из эксплуатации (консервации или ликвидации) отдельных производственных объектов, в том числе и за уклонение от обязанности формирования резервных фондов.

Резюмируя сказанное, отметим, создание и развитие системы финансовых инструментов и фондов, направленных на обеспечение требований экологической безопасности, позволит снизить финансовую нагрузку на федеральный бюджет. Современное экологическое законодательство выделяет, в качестве экономических инструментов обеспечения реализации требований экологической безопасности, меры экономического стимулирования, имеющие как налоговый, так и неналоговый характер: предоставление инвестиционного налогового кредита, понижающие коэффициенты и учет осуществленных финансовых затрат за природоохранные мероприятия при расчете платы за негативное вредное воздействие на окружающую среду «зеленое» и ESG-кредитование; добровольное и обязательное экологическое страхование; компенсационный платеж; и создание экологических фондов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Карагичева С. А. Банковское кредитование как источник финансирования экологических инвестиций // Правовая позиция. 2021. № 3 (15). С. 18–21.

2. Москва успешно разместила выпуск «зеленых» облигаций [Электронный ресурс]. URL: https://www.mos.ru/news/item/91414073/ (дата обращения: 20.02.2023)

3. Мираминов А. А. Правовые и организационные аспекты финансирования мероприятий по охране окружающей среды и обеспечения экологической безопасности // Моя профессиональная карьера. 2022. Т. 2. № 42. С. 127–132.

4. Недешева Н. А. Региональные экологические фонды как инструмент государственного регулирования природоохранной деятельности. дис. ... канд. экон. наук. М., 1999. 209 с.

1 Утв. Президентом РФ 02.08.2020 № Пр-1210.

5. Навасардова Э. С. Экологические фонды как источники финансирования экологически значимых мероприятий // Гуманитарные и исторические исследования. 2013. № 1. С. 89–94.

6. Савкин В. И. Роль экологических фондов в обеспечении компромисса между национальной экономикой и окружающей средой // национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 39 (228). С. 2–7.

7. Экологический фонд «Компас» облигаций [Электронный ресурс]. URL: https://eco-compass.ru/o-fonde/ (дата обращения: 20.02.2023)

8. Федорова С. В., Федоров К. И. Основные инструменты финансирования экологической политики // Экономический вектор. 2018. (14). С. 62–65.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаевская Екатерина Юрьевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры Земельного, градостроительного и экологического права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: ekaterinagaevskay@yandex.ru, ORCID 000-0001-9723-1486, WOS Research ID A-7987-2019.

AUTHOR'S DETAILS

Ekaterina Yu. Gaevskaya
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Land, Urban Planning and Environmental Law of the Ural State law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterinburg). E-mail: ekaterinagaevskay@yandex.ru, ORCID 000-0001-9723-1486, WOS Research ID A-7987-2019.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

УДК 349.6:504.054(045)

О некоторых особенностях правового обеспечения экологической безопасности отдельных природоподобных (конвергентных) технологий в Российской Федерации и зарубежных странах

Белокрылова Е. А.[1]

Аннотация. В статье рассматриваются особенности трансформации приоритетных направлений развития науки и техники и критических технологий в Российской Федерации в систему НБИКС-технологий. Выделяется терминологическая сущность понятия «конвергенция наук и технологий» как взаимопроникновение наук и технологий путём интеграции их методов и подходов, позволяющее получить результаты, принципиально недостижимые в рамках каждой из конвергирующих наук и/или технологий в отдельности. Раскрывается обоснованность расширения перечня технологий НБИК, путём добавления в него социальных технологий (НБИК+С). Подчёркивается особенная важность комбинаций конвергированных технологий «нано-био», «нано-инфо», «нано-когно», которые могут потенциально привести к острым социально-экологическим и экономическим последствиям. Выделяется особенно важное значение нанотехнологий в системе НБИКС, которые позволяют осуществлять целенаправленные манипуляции на атомарном и молекулярном уровнях. Делается анализ действующего российского законодательства в области НБИКС-технологий, а также в области оценки рисков и обеспечения безопасности нанотехнологий и их продуктов. Рассматриваются вопросы международного и зарубежного законодательства в области обеспечения экологической безопасности при производстве и применении нанотехнологий и их продуктов. Выявляются риски, выражающиеся в возможных биологических эффектах при поступлении наноматериалов и их продуктов в окружающую среду и влекущие негативные последствия для здоровья человека. Делается анализ действующего российского законодательства в области обеспечения экологической безопасности при производстве и применении нанотехнологий и их продуктов. Выделяются основные проблемы и предлагаются пути совершенствования действующего законодательства в рассматриваемой сфере общественных отношений.

Ключевые слова: публично-правовые науки; экологическое право; правовове обеспечение экологической безопасности; НБИКС-технологии, природоподобные/конвергентные технологии; нано-, био-, информационные и когнитивные технологии

On some features of the legal support of environmental safety of certain nature-like (convergent) technologies in the Russian Federation and foreign countries

Ekaterina A. Belokrylova[2]

Abstract. This article discusses the features of the transformation of priority areas of development of science and technology and critical technologies in the Russian Federation into the system of NBICS technologies. The terminological essence of the concept of "convergence of sciences and technologies" is highlighted as the interpenetration of sciences and technologies by integrating their methods and approaches, which makes it possible to obtain results that are fundamentally unattainable within the framework of each of the convergent sciences and/or technologies separately. The validity of expanding the list of NBIC technologies by adding social technologies (NBIC+S) to it is revealed. The particular importance of combinations of converged technologies "nano-bio", "nano-info", "nano-cogno" is emphasized, which can potentially lead to acute socio-ecological and economic consequences. Particularly important is the importance of nanotechnologies in the NBICS system, which allow targeted manipulations at the atomic and molecular levels. An analysis is made of the current Russian legislation in the field of NBICS technologies, as well as in the field of risk assessment and security of nanotechnologies and their products. The issues of international and

1 Для цитирования: Белокрылова Е. А. О некоторых особенностях правового обеспечения экологической безопасности отдельных природоподобных (конвергентных) технологий в Российской Федерации и зарубежных странах // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 1. С. 58–62.

2 For reference: Belokrylova E. A. On some features of the legal provision of environmental safety of certain nature-like (convergent) technologies in the Russian Federation and foreign countries // Business, management and law. 2023. No. 1. Pp. 58–62.

foreign legislation in the field of ensuring environmental safety in the production and application of nanotechnologies and their products are considered. Risks are identified that are expressed in possible biological effects when nanomaterials and their products enter the environment and entail negative consequences for human health. An analysis is made of the current Russian legislation in the field of ensuring environmental safety in the production and application of nanotechnologies and their products. The main problems are singled out and ways of improving the current legislation in the considered sphere of public relations are proposed.

Keywords: public law sciences; environmental law; legal support of environmental safety; NBICS technologies, nature-like/convergent technologies; nano-, bio-, information and cognitive technologies

Становление законодательства, определяющего основные приоритетные направления развития науки и техники в Российской Федерации стало формироваться в середине 90-х годов XX века. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 21.07.1996 г. № 2727п-П8[1] под ними понимались области исследований и разработок, обеспечивающие значительный вклад в социальное, научно-техническое и промышленное развитие страны и в достижение за счет этого национальных социально-экономических целей.

После названного Постановления в течение более двадцати лет происходила законодательная эволюция рассматриваемых понятий – от приоритетных направлений развития науки и техники до перечня критических технологий, менялась их терминологическая сущность, стратегическая значимость, количество, корректировался их перечень с учётом достижений научно-технического прогресса, а также целей и задач внутренней и внешней государственной политики Российской Федерации в различных областях.

В настоящее время в Российской Федерации уточняется перечень указанных технологий в соответствии с общепринятой мировой практикой, где за основу берутся четыре основных фундаментальных направлений исследований: нано-, биотехнологии, информационные и когнитивные технологии – НБИК (NBIC – Nanotechnology, Biotechnology, Information technology and Cognitive science).

Термин «конвергенция НБИК» впервые был использован мировым сообществом во время семинара «Конвергентные технологии для повышения эффективности человеческой жизнедеятельности», который был организован Национальным научным фондом США в 2001 году. Семинар был посвящен нано- и биотехнологиям, которые, находясь в синергетическом сочетании, могут оказывать не имеющее ранее аналогов воздействие на человеческий организм и его когнитивные способности[2].

Основателем новой концепции научно-технического развития мирового сообщества стал доктор Уильям Симс Бейнбридж, обобщивший результаты своих исследований в монографии «Управление инновациями нано-, био-, инфо-, когно-: конвергентные технологии в обществе», которая послужила основой для дальнейших исследований в данной области[3].

В Российской Федерации уточняется перечень указанных технологий в соответствии с общепринятой мировой практикой, где за основу берутся четыре основных фундаментальных направлений исследований: нано-, биотехнологии, информационные и когнитивные технологии – НБИК

Мировое сообщество поддержало инициативу учёных и постепенно рядом государств стала подготавливаться законодательная основа для реализации новой научно-технологической парадигмы. Так, в США действует программа, разработанная Национальным научным фондом и Министерством торговли «Converging Technologies for Improving Human Perfomance» («Конвергентные технологии для повышения эффективности человеческой жизнедеятельности»)[4].

В Европейском Союзе аналогичная конвергентная программа известна под аббревиатурой KETs (Key

1 Приоритетные направления развития науки и техники. Критические технологии. Перечень утверждён решением Правительственной комиссией по научно-технической политике от 21.07.1996 г. // Российская газета. № 149 от 08.08.96 г. Полный текст: http://docs.cntd.ru/document/9034171 (дата обращения: 13 марта 2023 г.).

2 Berloznik R., Casert R., Deboelpaep R. etc. Technology Assessment on converging Technologies. Bruxelles, 2006. Полный текст: https://www.itas.kit.edu/downloads/etag_beua06a.pdf (дата обращения: 13 марта 2023 г.).

3 Bainbridge, W.S. (Eds.) Managing Nano-Bio-Info-Cogno Innovations: Converging technologies in society, Springer. 2006. Berlin. 384 p.

4 Полный текст документа: https://iphras.ru/uplfile/Vladimir_Burov/nbic_report.pdf (дата обращения: 13 марта 2023 г.).

enabling technologies (Ключевые вспомогательные технологии)[1], также рассматриваются потенциальные социально-экономические и экологические риски применения таких технологий для окружающей среды, общества и здоровья человека.

Следует также упомянуть Европейскую Программу, разработанную ETC Group, которая является консультирующим и наблюдательным органом при Продовольственной и сельскохозяйственной организации (FAO), Конференции по торговле и развитию (UNCTAD), Рамочной конвенции об изменении климата (UNFCCC) и Конвенции о биологическом разнообразии (CBD). Данная Программа – BANG (Bits, Atoms, Neurons and Genes/Converging Technology) – «Частицы, Атомы, Нейроны, Гены и их конвергенция»[2] направлена на увеличение внимания научного сообщества к социально-экологическим последствиями применения конвергентных технологий, включая нано- и биотехнологии, синтетическую биологию, вычисления ДНК и нейроинженерию. Именно членам рабочей группы ETC удалось ввести мораторий на многие рискованные проекты в области генной инженерии, опираясь на положения Конвенции о биологическом разнообразии и протоколы к ней.

Российскими учёными было предложено расширить перечень технологий НБИК, добавив в него социогуманитарные технологии (НБИК+С), поскольку именно эти науки, в центре изучения которых находится человек, способны гармонизировать научно-технологический процесс посредством соблюдения баланса между потребностями государства, бизнес-сообщества, исследователей-разработчиков и общества в целом. Поскольку названные технологии находятся в непрерывном взаимодействии и взаимовлиянии[3], результаты комбинаций конвергированных технологий таких, например, как «нано-био», «нано-инфо», «нано-когно» могут потенциально привести к социально-экологическим и экономическим последствиям, которые по значимости будущих преобразований, без сомнения, можно назвать революционными. Приведенные примеры с «нано-» не случайны, поскольку в концепции НБИКС-конвергенции особенно важное значение имеют нанотехнологии, которые дают уникальную возможность осуществлять целенаправленные манипуляции с объектом на атомарном и молекулярном уровнях[4].

В Российской Федерации поступательно складывается законодательство в области регулирования NBIKS-технологий. 14 июня 2022 г. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации опубликовало проект Указа Президента Российской Федерации «О Стратегии развития природоподобных (конвергентных) технологий» (далее – Стратегия)[5].

Стратегия определяет природоподобные технологии как технологии, которые могут воспроизводить системы и процессы живой природы в виде технических систем и технологических процессов, интегрированных в естественный природный ресурсооборот.

По мнению Г. Е. Кричевского, д.т.н., проф., эксперта ЮНЕСКО, заслуженного деятеля науки РФ, вице-президента Нанотехнологического общества России, следует отдать должное нанотехнологиям, поскольку в последние несколько десятилетий именно они послужили началом конвергенции науки, знаний и технологий и связали воедино био-, инфо- и когнитивные технологии[6].

Несмотря на заявленные преимущества, Стратегией, тем не менее, отмечаются определённые угрозы, связанные с возникновением и развитием природоподобных (конвергентных) наук и технологий.

Риски, сопровождающие создание и развитие природоподобных технологий, многократно увеличиваются в силу ряда специфических особенностей, а именно:

– двойственный характер технологий, размытые границы между гражданскими и военными применениями

1 Ramahandry T., Bonneau V., Bani E., Vlasov N. Key enabling technologies for Europe's technological sovereignty. Brussels © European Union, 2021. Полный текст: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/697184/EPRS_STU(2021)697184_EN.pdf (дата обращения: 13 марта 2023 г.).

2 Официальный сайт ETC Group: https://www.etcgroup.org/content/etc-group-brief-history (дата обращения: 13 марта 2023 г.).

3 Конвергенция (лат. convergere) - приближаться, сходиться; схождение, сближение.

4 Скребцова Е. В., Смалько П. Я., Чащин Н. А. Конвергентные NBIC-технологии: этические аспекты их использования в медицине и проблемы биобезопасности. Сахаровские чтения 2020 года: экологические проблемы XXI века = Sakharov Readings 2020: Environmental problems of the XXI century: материалы 20-й международной научной конференции, 21–22 мая 2020 г., г. Минск, Республика Беларусь: в 2 ч. / Междунар. гос. экол. ин-т им. А. Д. Сахарова Бел. гос. ун-та; редкол.: А. Н. Батян [и др.]; под ред. д-ра ф.-м. н., проф. С. А. Маскевича, к.т.н., доцента М. Г. Герменчук. – Минск: ИВЦ Минфина, 2020. – Ч. 1. – С. 95–98.

5 Полный текст документа: https://sovet-po-nauke.ru/sites/sovet-po-nauke.ru/files/data/converg_concept_project.pdf (дата обращения: 13 марта 2023 г.).

6 См. подробнее: Кричевский Г. НБИКС – технологии для Мира и Войны: Нано, био, инфо, когно, социо: NBICS- технологии для Мира и Войны. LAP LAMBERT Academic Publishing (February 16, 2017). 644 p.

и, как следствие, неэффективность существующих средств и технологий контроля;

– доступность и относительная дешевизна технологий, возможность создания средств поражения даже в кустарных условиях, отсутствие необходимости в сложнейших и чрезвычайно дорогостоящих системах доставки;

– невозможность предугадать все последствия выхода искусственных живых систем в окружающую среду.

Выделим следующие разновидности НБИКС-рисков:

1. Политические риски. Данная группа рисков связана с «непрозрачной» деятельностью отдельно взятых государств, вовлечённых в процесс разработки и применения НБИК-технологий, а также отсутствием внешних контрольно-надзорных механизмов, что может потенциально вызвать новый виток гонки вооружений, созданных при помощи конвергентных технологий (проблема обеспечения обороны и безопасности в общемировом масштабе).

2. Технологические риски. Поскольку НБИК-технологии представляют собой синергетически сложное взаимодействие нано- и биорисков, информационных/цифровых технологий а также рисков, порождаемых системными свойствами техносферы, последствия которых непредсказуемы, в настоящее время невозможно представить масштабы комплексного воздействия таких технологий для государства и общества (промышленные аварии, катастрофы и инциденты).

3. Экологические риски. Отсутствие завершённых комплексных исследований и, как следствие, недостаточность доказательственной базы оценки безопасности применения конвергентных технологий для окружающей среды и здоровья человека как на уровне отдельно взятых государств, так и мирового сообщества (проблема сохранения видового биологического разнообразия).

Потенциальные риски и угрозы нано- и биотехнологий в сочетании с информационно-коммуникационными и когнитивными технологиями связаны с новыми качествами и свойствами, которые проявляются в нанодиапазоне, а также с новыми свойствами генетически модифицированных организмов и активных гибридных нанобиоструктур. К сожалению, в Российской Федерации управление развитием НБИКС-технологий сегодня находится на начальной стадии, несмотря на широкие дискуссии о возможных негативных последствиях применения конвергентных технологий для здоровья человека, состояния окружающей среды и биобезопасности.

Отсутствие завершённых комплексных исследований и, как следствие, недостаточность доказательственной базы оценки безопасности применения конвергентных технологий для окружающей среды и здоровья человека как на уровне отдельно взятых государств, так и мирового сообщества (проблема сохранения видового биологического разнообразия)

Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что несмотря на сложившуюся острую внешнеполитическую ситуацию, Российской Федерации стоит изучить положительный законодательный опыт зарубежных государств, вовлечённых в процесс НБИК-индустрии, поскольку С 2004 года США, Великобритания, Китай, Корея, страны Европейского Союза, Швейцария, Австралия, Канада, а также ряд других стран стали последовательно создавать ряд международных консорциумов, в рамках которых стали подготавливаться предложения по организации системы управления НБИК-технологиями, контроля и надзора за объектами, выпускаемыми в окружающую среду при помощи конвергентных технолоогий, а также оценке возможной степени риска, причиненного окружающей среде, жизни, здоровью и имуществу названными продуктами и материалами. Это позволит нашему государству в кратчайшие сроки выработать систему правового регулирования, обеспечивающую необходимый уровень экологической, технологической и социально-экономической безопасности государства и общества при разработке и применения продуктов НБИКС-индустрии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Проект Указа Президента Российской Федерации «О Стратегии развития природоподобных (конвергентных) технологий» // Полный текст документа: https://sovet-po-nauke.ru/sites/sovet-po-nauke.ru/files/data/converg_concept_project.pdf (дата обращения: 19 января 2023 г.).

2. Кричевский Г. Е. НБИКС-технологии для Мира и Войны / Саарбрюккен, Германия: Ламберт. 2017. 634 с.
3. Ковальчук М. В. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. 2011. Т. 6. № 2.
4. Roco M. C., Bainbridge W. S. (Eds.) Managing Nano-Bio-Info-Cogno Innovations: Converging technologies in society. Berlin. Springer. 2006. 384 p. 6. Kuraj, Nertila. REACH and the Environmental Regulation of Nanotechnology: Preventing and Reducing the Environmental Impacts of Nanomaterials (Routledge Studies in Environment and Health).Published by Routledge; 1st edition (7 Aug. 2019).
5. Белокрылова Е. А. Правовое обеспечение экологической безопасности в отдельных отраслях промышленности. Ростов-на Дону: Феникс, 2014.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Белокрылова Екатерина Александровна
кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой экологического, природоресурсного и трудового права, Институт права, социального управления и безопасности, Удмуртский государственный университет (Россия, г. Ижевск). E-mail: belokrylova.ekaterina@gmail.com.

AUTHOR'S DETAILS

Ekaterina A. Belokrylova
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, the Head of the Environmental, Natural Resources and Labor Law Department, the Institute of Law, Social Management and Security, the Udmurt State University (Russia, Izhevsk). E-mail: belokrylova.ekaterina@gmail.com.

УДК 341.4

Международное уголовное право: толкование и применение в современных условиях

Лазутин Л. А.[1]

Аннотация. В научной статье автором рассматривается актуальная проблема привлечения к юридической ответственности физических лиц за международные преступления. Отмечается, что в современных условиях, в связи с грубейшими нарушениями международного гуманитарного права со стороны Вооруженных сил Украины во время проведения Специальной военной операции Российской Федерацией, в условиях резкого военного противостояния государств – членов НАТО (North Atlantic Treaty Organization) с Российской Федерацией, привлечение научного внимания к рассматриваемой сфере представляется особо необходимым. По мнению автора научной статьи современная система международного уголовного права, состоит в том, что она объединяет нормы, относящиеся не только к уголовному, но и к уголовно-процессуальному праву, а также к судопроизводству. В этой связи Международное уголовное право следует толковать как одно из компонентов в осуществлении правосудия, где требуется учесть положительный опыт как международных трибуналов, так и Международного Уголовного Суда. При этом необходимо осознать роль и место национальных судебных органов в Международном уголовном праве, и вопросы суверенитета государств в борьбе с преступностью.

Ключевые слова: международное уголовное право, национальная судебная система, правовая отрасль, правовой институт, борьба с преступностью, международные преступления, преступления международного характера, источники международного уголовного права

International criminal law: interpretation and application in modern conditions

Lev A. Lazutin[2]

Annotation. In the scientific article the author considers the actual problem of bringing individuals to legal responsibility for international crimes. It is noted that in modern conditions, in connection with gross violations of international humanitarian law by the Armed Forces of Ukraine during the Special Military Operation by the Russian Federation, in conditions of sharp military confrontation of the member states of NATO with the Russian Federation, attracting scientific attention to the considered sphere seems particularly necessary. In the opinion of the author of the scientific article the modern system of international criminal law consists in the fact that it unites the norms related not only to criminal law, but also to criminal procedural law, as well as to judicial proceedings. In this regard, International Criminal Law should be interpreted as a component in the administration of justice, where it is necessary to take into account the positive experience of both international tribunals and the International Criminal Court. In doing so, the role and place of national judiciaries in International Criminal Law, and issues of State sovereignty in the fight against crime, must be understood.

Keywords: international criminal law, internal court system, branch of law, fight against crimes, international crimes, conventional crimes, sources of international criminal law

Отказ Российской Федерации от ратификации Римского Статута Международного уголовного суда, поставило под сомнение само признание Российской Федерацией и рядом других государств[3] Международного уголовного права, как отрасли международного публичного права. Многолетняя дискуссия ведущих международников о признании или непризнании как отрасли международного права, международного уголовного права, вновь приобретает свою актуальность. Тем более этому способствует современная

1 Для цитирования: Лазутин Л. А.Международное уголовное право: толкование и применение в современных условиях // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 1. С. 63–69.

2 For reference: Lev A. Lazutin. International criminal law: interpretation and application in modern conditions // Business, management and law. 2023. No. 1. Pp. 63–69.

3 Статут ратифицировали 124 государства, не ратифицировали: США, Китай, Россия, Индия и др.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

международная обстановка, которая характеризуется резким военным противостоянием государств – членов НАТО с Российской Федерацией с началом специальной военной операции на Украине. В настоящее время все отчетливее звучат слова о необходимости наказания за международные преступления в соответствии с принципами и нормами международного права. Для международников становится очевидным, что речь идёт о международном уголовном праве и порядке его применения. В современном понимании международного уголовного права, вопросы относительно предмета правового регулирования, его структуры, сохраняют дискуссионный характер, и особенно в порядке реализации норм международного уголовного права на национальном уровне. У некоторых правоприменителей сложилось искаженное мнение о якобы «исчезновении» международного уголовного права в практике Российской Федерации. Как справедливо писал профессор Г. В. Игнатенко «нельзя не учитывать, то обстоятельство, что такой термин (международное уголовное право. – *Л. А.*) не является в отечественной науке общепризнанным. Некоторые учёные полагают, что о международном уголовном праве говорить преждевременно, поскольку оно не включает существенные компоненты квалификации состава преступлений и назначения наказаний, подлежащие внутригосударственному уголовно-правовому регулированию. В ряде работ международное уголовное право воспринимается лишь как комплексная отрасль юридической науки. Есть и такое мнение, что международное уголовное право не является частью ни международного права, ни национального уголовного права, а представляет собой самостоятельную отрасль права[1].

В отечественной науке международного права не нашла поддержки концепция особой ответственности государств, разработанная западными юристами

О необходимости выделения юридических норм относительно взаимопомощи государств «при осуществлении ими своей карательной власти в области международного общения», говорил еще Ф. Ф. Мартенс[2].

В международном праве послевоенного периода этот вопрос оставался также актуальным. Так, П. С. Ромашкин писал: «отношения между государствами, складывающиеся в процессе их координированной борьбы с международными преступлениями являются предметом регулирования международного уголовного права»[3]. Он же рассматривал науку международного уголовного права как «самостоятельную комплексную юридическую науку, которая изучает нормы, определяющие и регулирующие ответственность за международные преступления, а также условия оказания правовой помощи государств друг другу в борьбе с некоторыми преступлениями»[4]. Из приведенного высказывания четко вырисовываются два аспекта, лежащие в основе международного уголовного права. Первое – это широкое сотрудничество государств в борьбе с международной преступностью, и второе – ответственность за международные преступления, как принцип индивидуальной ответственности конкретных физических лиц, чья вина доказана за преступления против мира и безопасности человечества, за военные преступления.

Следует отметить, что в отечественной науке международного права не нашла поддержки концепция особой ответственности государств, разработанная западными юристами. Особенно активно разрабатывал эту проблему В. Пелла, составивший План международного уголовного кодекса (в качестве приложения к работе «Преступная война и преступления войны»)[5]. В ней он не безосновательно считал ответственность государств за международные преступления в сочетании с преступной политикой главы государства. В советской, а затем и российской доктрине, речь идет об ответственности конкретных физических лиц за международные преступления. Одним из первых это положение сформулировал М. Д. Шаргородский[6].

Мне представляется, что в современных условиях, когда правящие круги отдельных государств (пример США и их союзники по блоку НАТО) грубо попирая общепризнанные принципы и нормы международного права в своих интересах и навязывают с позиции силы некие «правила» выдавая их за нормы международного права, тем самым совершают в прямом и переносном

1 Международное право. Учебник / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. 6-е изд. перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М. М., 2013. С. 538.
2 Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизационных народов I.II. С. 388.
3 Ромашкин П. С. К вопросу о понятии и источниках международного уголовного права // Современное государство и право. 1948. № 3. С. 26.
4 Уголовное право: Истоки юридической науки. М.: Наука, 1974. С. 269–270.
5 Pella. V. La guerre – crime et les criminets de guerre. Geneve, 1946. p. 153–154.
6 Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы международного уголовного права // Сов. Государство и право. 1947. № 3. С. 24.

смысле международные преступления. В данном случае нельзя отрицать ответственность не только правящего класса, но и всего государства, молчаливо поддерживая такую внешнюю политику. Вопрос об ответственности государств в международном праве давно обозначен. Так, Комиссия международного права ООН, разрабатывая Проект статей об ответственности государств, подчеркнула, что вопрос об ответственности – один из тех, для которых кодификация может сыграть особо важную роль[1]. 12 декабря 2001 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла по докладу КМП резолюцию «Ответственность государств за международно-противоправные деяния», включив в качестве приложения к резолюции текст статей и предложив их вниманию государств. В Проекте сформулированы многие существующие в форме обычая нормы и принципы. На него ссылаются как на авторитетный документ, как источник международного уголовного права.

Современный диапазон преступных деяний, вызывающих «озабоченность всего международного сообщества» (формулировка Римского статута Международного уголовного суда), беспрецедентный размах международных преступлений, транснациональной организованной преступности, международного терроризма обусловливают потребности совершенствования международного уголовного права.

Объективно существующие потребности координации действий государств в предотвращении, пресечении и наказании такого рода преступлений и вместе с тем реальные возможности согласованного применения международных и национальных правовых средств обусловили международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью.

Сотрудничество осуществляется посредством использования двух взаимосвязанных механизмов, один из которых – договорной (конвенционный), т.е. он воплощается в заключаемых государствами договорах (конвенциях), а другой имеет организационно-правовой характер, т.е. проявляется в деятельности общих и специализированных организаций (органов, учреждений).

Мне представляется достаточно интересным подход к пониманию международного уголовного права профессора Г. В. Игнатенко. Он писал: «Существование комплекса международных договоров (конвенций), содержащих нормы о борьбе с преступлениями международного характера и об оказании правовой помощи по уголовным делам, порождает мнение, что совокупность содержащихся в этих договорах международно-правовых норм, имеющих однородный предмет регулирования, можно определить как находящуюся в стадии становления специфическую отрасль международного права – международное уголовное право»[2]. Данное высказывание характерно тем, что в основу понятия международного уголовного права положены нормы международных договоров. Хотя напрашивается вопрос, почему акцент сделан только на международных договорах, содержащих нормы о борьбе с преступлениями международного характера и об оказании правовой помощи по уголовным делам? Ведь хорошо известно, что определение предмета международного уголовного права, первоначально проистекало из стремления государств закрепить те нормы и принципы, определяющие борьбу за мир, закрепленные в уставах Нюрнбергского и Токийского трибуналов. Эти нормы должны были, применительно к новым послевоенным международным отношениям, выстроить систему международно-правового сотрудничества в уголовно-правовой сфере. Правда, в этой же работе Г. В. Игнатенко пишет: «Чаще всего концепцию международного уголовного права связывают с сотрудничеством государств в борьбе с обеими категориями противоправных деяний – международными уголовными преступлениями и преступлениями международного характера»[3]. В главе 18 учебника Международное право написанной им же, он говорит о сложившемся комплексе многосторонних международных конвенциях «нормы этих конвенций характеризуются в принципе единым (однородным) предметом регулирования, который составляют отношения между государствами, отношения с участием международных организаций и отношения государств (в определенных случаях и международных организаций, и межгосударственных органов) с индивидами в связи с предотвращением и пресечением преступной деятельности, которой присуща международная общественная опасность.

К совокупности норм такого рода применяется обобщающее обозначение – международное уголовное право»[4].

Не трудно заметить, что в приведенных высказываниях, доминируют положения о сотрудничестве государств, посредством реализации международных

1 Лукашук И. И. Право международной ответственности. М., 2004. С. 63.
2 Курс международного права. В семи томах. Т. 6. М.: Наука, 1992. С. 192.
3 Курс международного права. В семи томах. Т. 9. М.: Наука, 1992. С. 193.
4 Международное право: учебник / отв. ред. Г. И. Игнатенко и О. И. Тиунов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 538.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

договоров по борьбе с преступностью и оказания правовой помощи по уголовным делам, как части международного уголовного права.

Международное уголовное право является специфической отраслью и содержит не только международно-правовые материальные, но и процессуальные нормы. Следовательно, фактически следует ставить вопрос о признании (или непризнании) международного уголовного и уголовно-процессуального права, а с учетом состояния и перспектив исполнения приговоров иностранных судов и международного уголовно-исполнительного права, то есть в комплексе – международного уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права». Здесь, очевидно, следует учитывать и приговоры международных трибуналов и Международного уголовного суда. Иными словами, речь идет о комплексной отрасли, в структуру которой входит выше перечисленные подотрасли и некоторые международно-правовые институты, такие, как, например, правовая помощь по уголовным делам, институт экстрадиции и др.

Об этом же говорит Ю. А. Решетов, который также считает, что «международное уголовное право является комплексной отраслью, включающей материальные

Современная система международного уголовного права, состоит в том, что она объединяет нормы, относящиеся не только к уголовному, но и к уголовно-процессуальному праву, а также к судопроизводству

и процессуальные нормы. Эти нормы относятся либо к международному публичному праву, либо к международному частному праву (уголовному) и, наконец, к национальному уголовному праву»[1]. Значительно позже уже применительно к современному международному праву профессора И. И. Лукашук и А. В. Наумов дали определение международному уголовному праву как отрасли международного публичного права, принципы и нормы которой регулируют сотрудничество государств и международных организаций в борьбе с преступностью[2]. При этом они полагают, что как отрасль международного публичного права международное уголовное право обладает всеми характерными чертами этого права. Объектом регулирования являются межгосударственные отношения, то есть отношения с участием государств и международных организаций. Соответственно субъектами являются государства и международные организации. Основными источниками являются международный договор и международный обычай[3]. В определении, данном И. И. Лукашуком и А. В. Наумовым, акцент сделан на принципы и нормы, которые регулируют сотрудничество государств и международных организаций как производных субъектов в борьбе с преступностью. Но, понятие «сотрудничество государств» многоплановое. Государства осуществляют взаимодействие не только на межгосударственном уровне, но и на правительственном или даже на межведомственном. Нам представляется, что определение, сделанное И. И. Лукашуком и А. В. Наумовым, учитывает только межгосударственные взаимоотношения, а следовательно и межгосударственные международные договоры, что, в принципе, является не совсем правильным.

Безусловно, международное уголовное право отражает особенности как международного права, так и национального уголовного права. На этой основе сформировались общие принципы права, присущие как международному, так и внутригосударственному праву. В результате сотрудничества государств в борьбе с преступностью, международное право, естественно, заимствовало опыт государств и их национальное уголовное законодательство. Таким образом, происходит углубление взаимодействия международного и национального права. Но, учитывая то обстоятельство, что национальное уголовное законодательство всегда находится под особым контролем государства, это естественно сказалось на международном уголовном праве, а именно, оно содержит в основном материальные, а не процессуальные нормы. В частности международное уголовное право, определяет состав преступлений, оставляя реализацию норм государствам. Но, сегодняшняя реальность такова, что количество норм процессуального характера все больше и больше растет и применяется в порядке реализации договоров о правовой помощи и в деятельности международных уголовных трибуналах и международного уголовного суда (МУС).

Таким образом, современная система международного уголовного права, состоит в том, что она

1 Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М.: Международные отношения. 1983. С. 209.
2 Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право. Учебник. М., 1999. С. 9.
3 Там же.

объединяет нормы, относящиеся не только к уголовному, но и к уголовно-процессуальному праву, а также к судопроизводству.

Следует обратить внимание на подход Г. В. Игнатенко, утверждающего, что международное уголовное право является самостоятельной отраслью международного права, поскольку ее образует комплекс международно-правовых норм[1]. Я обращаю внимание именно на слово «комплекс». Хотя он также связывает понятие международного уголовного права с международным сотрудничеством.

Заключая международные договоры, государства, в процессе сотрудничества решают следующие задачи: 1) согласовывают квалификацию преступлений, представляющих международную общественную опасность; 2) договариваются о включении в национальное уголовное законодательство норм об ответственности за такого рода деяния и о соответствующей степени их тяжести наказаний; 3) устанавливают юрисдикцию над преступлениями и предполагаемыми преступниками подозреваемыми лицами; 4) взаимодействуют в процессе осуществления уголовного преследования, включая оказание правовой помощи.

Есть и иные точки зрения, относительно определения сущности международного уголовного права, его структуры и компонентов. П. Н. Бирюков считает, что «право международного сотрудничества в борьбе с преступностью (по его мнению, данное наименование наиболее полно отражает содержание отрасли) регулирует более широкий круг отношений. Указанную отрасль международного права образует две подотрасли – международное уголовное право и международное уголовно-процессуальное право, а также межотраслевые нормы и институты»[2]. Действительно, такое переплетение понятия международного уголовного права и сотрудничества государств в борьбе с преступностью было характерно до признания международного уголовного права как самостоятельной отрасли в международном публичном праве.

Как-бы подводя итоги научной дискуссии, Н. И. Костенко в своем определении международного уголовного права подчеркивает, что оно «представляет собой систему общепризнанных международно-правовых принципов и норм, регулирующих сотрудничество между субъектами международного права по предупреждению преступлений и привлечению виновных лиц за совершение международных преступлений и преступлений международного характера, оказанию судебной помощи, проведению расследования, уголовного преследования и судебного разбирательства, применению и использованию меры наказания, обжалованию и пересмотру судебных решений, предусмотренными общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами государств»[3]. Следует согласиться с тем, что оно содержит те направления сотрудничества, которые включают не только виды правовой помощи по уголовным делам, но и более широкий круг межгосударственного сотрудничества в борьбе с международными преступлениями.

Важным этапом в становлении международного уголовного права явились резолюции Совета Безопасности ООН № 827 от 25 мая 1993 г. и № 995 от 8 ноября 1994 г., которыми были утверждены Устав Международного трибунала по бывшей Югославии[4] и Устав Международного трибунала по Руанде[5].

Особенностью этих уставов является то, что они приняты посредством резолюций международного органа, который не обладает компетенцией на принятие такого рода решений. Однако согласие как постоянных, так и непостоянных членов Совета Безопасности предопределило юридическую силу и признание данных актов как источников международного права. Новейшим актом, ориентированным на осуществление юрисдикции в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества, является Статус Международного уголовного суда, принятый 17 июля 1998 г. и вступивший в силу 1 июля 2002 г.[6]

Общими чертами названных источников международного права является то, что они совмещают как материальные, так и процессуальные нормы и дают юридическую оценку преступным деяниям против мира, человечества и военных преступлений. В юрисдикцию Международного уголовного суда водит расследование и уголовное преследование, судебное разбирательство, применение мер наказания, международное сотрудничество, исполнение наказания в виде лишения свободы за указанные выше преступления.

1 Международное право. Учебник / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма ИНФРА-М. 2013. С. 538.
2 Бирюков П. Н. Нормы международного уголовно-процессуального права в правовой системе Российской Федерации. Воронеж, 2000. С. 10.
3 Костенко Н. И. Указ. соч. С. 50.
4 Международное уголовное право в документах. В двух томах. Т. 2. Казань: Изд. Казанский гос. университет, 2005. С. 159.
5 Там же. С. 171., мы не рассматриваем в данном случае международные трибуналы по Сьерра-Леоне и Ливийской Республики, так как они имеют несколько иную направленность.
6 Там же. С. 204.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

Как отмечает Н. И. Костенко: «основным механизмом борьбы с международными преступлениями и преступлениями международного характера является успешно функционирующая система совершенно новой отрасли международного права – международное уголовное право, в которую входят: международное уголовное право (материальная часть), международный уголовный процесс, система уголовно-исполнительных учреждений, правоохранительные органы и международная судебная система»[1].

Совокупность перечисленных им компонентов отмечалась до него и не является открытием.

Все эти нормы находятся в тесном единстве и, взаимодополняя друг друга, представляют комплексную отрасль международного права – международного уголовное право

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что оценки, как правило, основываются на положениях международных договоров, направленных на борьбу с международными преступлениями, нормы которых определяют единый предмет правового регулирования и кодифицируют международное уголовное право, как самостоятельную основную группу норм данной отрасли.

Вторую группу норм в системе международного уголовного права представляют нормы, характеризующие статус и действия индивида, как субъекта международного преступления.

Третья группа норм касается материальных и процессуальных норм, регламентирующих взаимную правовую помощь по уголовным делам.

Достаточно интересным является подход Р. М. Валеева относительно системы международного уголовного права как комплексной отрасли международного права.

Он в эту систему включает:

«нормы, определяющие составы международных преступлений и преступлений международного характера;

нормы, регулирующие вопросы расследования и наказания международных преступлений и преступлений международного характера;

нормы, регулирующие отношения государств по оказанию правовой помощи по уголовным делам, включая выдачу преступников;

нормы, регулирующие отношения государств по передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания государству, гражданами которого они являются;

нормы, регулирующие организацию и деятельность органов международной договорной юстиции»[2].

Аналогичного подхода придерживается А. Р. Каюмова. В целом, соглашаясь с предложенным перечнем норм, входящим в систему отрасли международного уголовного права, хотелось бы добавить и нормами межправительственных соглашений, направленные на борьбу с преступностью и взаимодействию правоохранительных органов и норм соглашений межведомственного характера. Ибо эти источники имеют важное значение, тем более, что они прямо охарактеризованы в ст. 3 ФЗ «О международных договорах» как международные договоры Российской Федерации.

Все эти нормы находятся в тесном единстве и, взаимодополняя друг друга, представляют комплексную отрасль международного права – международного уголовное право.

С началом специальной военной операции Российской Федерации на Украине по оказанию военной помощи Донецкой и Луганской Народным Республикам, а также по демилитаризации и денацификации Украины, роль международного уголовного права имеет непосредственное практическое значение. Ибо грубое нарушение международного гуманитарного права, военные преступления со стороны Вооруженных сил Украины, требуют международного регулирования по привлечению к ответственности конкретных лиц, чья вина доказана за совершение данных преступлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бирюков П. Н. Нормы международного уголовно-процессуального права в правовой системе Российской Федерации. Воронеж, 2000. 280 с.

1 Костенко Н. И. Международное уголовное право: современные теоретические проблемы. М.: Юрлитинформ, 2004. С. 50.

2 Валеев Р. М. Контроль в современном международном праве. Казань: Центр инновационных технологий, 2001. С. 263.

2. Валеев Р. М. Контроль в современном международном праве. Казань: Изд. «Центр инновационных технологий», 2001. 300 с.
3. Костенко Н. И. Международное уголовное право: современные теоретические проблемы. М.: Юрлитинформ, 2004. 448 с.
4. Курс международного права. В семи томах. Т. 6. М.: Наука, 1992. 311 с.
5. Лукашук И. И. Право международной ответственности. М., 2004. 404 с.
6. Международное право. Учебник / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. 6-е изд. перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М. М., 2013. 752 с.
7. Международное уголовное право в документах. В двух томах. Т. 2. Казань: Изд. Казанский гос. университет, 2005. 858 с.
8. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизационных народов I.II. – 208 с.
9. Pella. V. La guerre – crime et les criminets de guerre. Geneve,1946, p. 153–154.
10. Ромашкин П. С. К вопросу о понятии и источниках международного уголовного права // Современное государство и право. 1948. № 3. С. 261–30.
11. Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М.: Международные отношения. 1983. 223 с.
12. Уголовное право: Истоки юридической науки. М.: Наука, 1974. 308 с.
13. Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы международного уголовного права // Сов. государство и право. 1947. № 3. С. 24–32.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лазутин Лев Александрович
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, действительный член Академии военных наук РФ (Россия, Екатеринбург). E-mail: mp@usla.ru, ORCID 0000-0002-3479-6612.

AUTHOR'S DETAILS

Lev A. Lazutin
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International and European Law Department of the Ural State University named after V. F. Yakovlev. Full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation (Russia, Yekaterinburg). E-mail: mp@usla.ru, ORCID 0000-0002-3479-6612.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

УДК 341.4

Корпоративное право Англии: некоторые вопросы теории и практики

Белых В. С.[1]

Аннотация. В статье дан краткий анализ понятия «компания» с точки зрения английского законодательства. Основной акт Англии – это Закон о компаниях 2006 г. Кроме него статус компаний определяется также другими законами и актами делегированного законодательства. Обращается внимание на то, что английские компании бывают двух видов: публичные и частные. Компани может быть создана одним лицом (corporation sole), в частности в этом качестве действуют король (королева), архиепископ, епископ, публичный доверительный собственник, министр почты, либо двумя или более лицами для законной цели с ограниченной или неограниченной ответственностью. В статье рассматриваются уставные документы компаний (учредительный договор, устав (articles of association) и некоторые виды решений или соглашений участников компании. Далее, автор отвечает на ряде спорных вопросах, возникающих в практике применения английского корпоративного права.

Ключевые слова: корпоративное право Англии, источники корпоративного права, понятие и виды компаний, уставные документы, учредительный договор, устав компании, правоспособность компании, представительство, доверенность, агентский договор, регистрация компании

Corporate law in England: some issues of theory and practice

Vladimir S. Belykh[2]

Abstract. The article gives a brief analysis of the concept of “company” from the point of view of English legislation. The main act of England is the Companies Act 2006, in addition to which the status of companies is also determined by other laws and statutory instruments. Attention is drawn to the fact that English companies are of two types: public and private. A company may be established by a single person (corporation sole), in particular the King (Queen), archbishop, bishop, public trustee, minister of post, or two or more persons for a legitimate purpose with limited or unlimited liability. The article deals with the statutory documents of companies (memorandum of association, articles of association) and some types of decisions or agreements of the company’s participants. Further, the author answers a number of controversial issues arising in the practice of applying English corporate law.

Keywords: corporate law of England, sources of corporate law, the concept and types of companies, statutory documents, memorandum of association, company charter, legal capacity of the company, representation, power of attorney, agency agreement, company registration.

Экскурс в корпоративное право Англии начну с анализа базового понятия «компания». С этой целью надо обратиться к законодательству Англии. В Англии статус компаний определяется рядом законов (статутов). Среди них – это, прежде всего, Закон о компаниях 1985 г. (Companies Act 1985), Закон о компаниях 2006 г. (Companies Act 2006). Причем Закон о компаниях 1985 г. не отменен; его положения действуют[3]. Для сравнения: в США действуют почти в каждом штате законы о корпорациях.

Закон о компаниях 2006 г. не содержит легального определения понятия «компания». Согласно ст. 1 Закона термин «компания» означает компания, созданная и зарегистрированная по правилам настоящего акта,

1 Для цитирования: Белых В. С. Корпоративное право Англии: некоторые вопросы теории и практики // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 1. С. 70–74.

2 For reference: Vladimir S. Belykh. Corporate law in England: some issues of theory and practice // Business, management and law. 2023. No. 1. Pp. 70–74.

3 В соответствии с п. 1 ст. 2 Закона о компаниях 2006 г. положения Закона о компаниях 1985 г. (равно Закона о слиянии компаний 1985 г.) остаются в силе.

а также Закона о компаниях 1985 г. или Указа о компаниях (Северная Ирландия) 1986 г. или существующие компании для определенных целей. Наряду с основными Законами о компаниях 1985 г. и 2006 г. отношения регулируются Законом о партнерстве 1890 г. (Partnership Act), Законом о банкротстве 1986 г. (Insolvency Act), Законом о финансовых услугах и рынках 2000 г. (Financial Service and Markets Act), Законом о партнерстве с ограниченной ответственностью 2000 г. (Limited Liability Partnership Act)[1] и др. В данной сфере правового регулирования действуют также акты делегированного законодательства и Евросоюза.

Компания может быть создана двумя или более лицами для законной цели с ограниченной или неограниченной ответственностью (ст. 3 Закона о компаниях). В силу ст. 4–6 Закона юридические лица создаются в форме публичных и частных компаний, а также их деятельность может быть ограничена гарантией или акциями в капитале. Закон о компаниях распространяется на корпорации, состоящие из совокупности лиц (corporation aggregate). Еще одна корпоративная форма, впервые введенная в 2005 г., – «компания общественного интереса» (community interest company) (ст. 6). В качестве единоличной корпорации (corporation sole) действуют король (королева), архиепископ, епископ, публичный доверительный собственник, министр почты. Строго говоря, лишь корпорации первого вида (corporation aggregate) отвечают признакам юридического лица. Единоличные корпорации – это персонифицированные должности (например, английский король, епископ Кентерберийский, министр почт, публичный доверительный собственник, солиситор казначейства и др.)[2].

В Великобритании возможно также создание разного рода товариществ (general partnership, limited partnership, limited liability partnership), но они регулируются не Законом о компаниях, а нормами Законов о партнерстве.

Согласно Закону о компаниях 2006 г., как частная, так и публичная компания может быть создана одним или несколькими лицами (п. 1 ст. 7). Для сравнения: ранее для создания публичной компании требовалось не менее двух учредителей. Для этого они (учредители) подписывают учредительный договор (memorandum of association), функции которого существенно сужены по сравнению с предыдущей версией Закона о компаниях. В настоящее время достаточно лишь указать, что учредители желают создать компанию, став ее участниками (в случае создания компании с акционерным капиталом – получив, по крайней мере, по одной акции) (ст. 8 Закона о компаниях 2006).

Учредительный договор вместе заявкой на регистрацию подается в регистрирующий орган. Заявка должна включать сведения о капитале компании (если таковой имеется), ее первых акционерах и должностных лицах (директорах, секретаре), адресе зарегистрированного офиса. Также прилагается копия устава, если таковой имеется (ст. 9). Получив все необходимые документы, регистрирующий орган выпускает сертификат инкорпорации (ст. 15). В будущем предполагается возможность перехода на регистрацию компаний через Интернет, для чего регистрирующему органу предоставлены полномочия по определению способа доставки документов (ст. 1068)[3]. И не только.

Компания признается созданной в установленном порядке со дня регистрации уставных документов компании и выдачи ее учредителям сертификата об этом

Далее, устав (articles of association) и некоторые виды решений или соглашений участников компании (но не ее учредительный договор, играющий теперь лишь вспомогательную роль) составляют уставные документы (a com-pany's constitution) компании. Копии всех уставных документов предоставляются в регистрирующий орган (ст. 17, 29–30 Закона о компаниях). Компания признается созданной в установленном порядке со дня регистрации уставных документов компании и выдачи ее учредителям сертификата об этом[4].

Право Англии и США исходит из положения, что юридическое лицо как искусственный субъект права является недееспособным. При этом различают общую и специальную правоспособность. Английское право всегда признавала общую правоспособность за юридическим лицом, созданным на основании специального акта короля. Если юридическое лицо создано актом парламента (специальным или общим), то оно обладает

1 Core Statute on Company Law// by Covan Ervine. New York, 2008 (Content).
2 Полковников Г. В. Английское право о компаниях: закон и практика: учебное пособие. М., 2000. С. 30.
3 См. Будылин С. Л. Новое корпоративное законодательство Великобритании: Companies Act 2006// http://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/ Новое-корпоративное законодательство Великобритании-Companies-Act-2006.
4 См.: Белых В. С. Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование: монография. М.: Проспект, 2022. С. 149–155.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

специальной правоспособностью. Сделки, выходящие за рамки цели, являются недействительными ultra vires (сверх силы)[1]. Однако принцип ultra vires не соответствовал потребностям развитого коммерческого оборота Англии. Серьезный удар по нему был нанесен Законом о Евросоюзе 1972 г. Законом о компаниях 1985 г. принцип ultra vires был отменен в отношении компаний, состоящих из совокупности лиц. Но окончательный отказ от традиционной доктрины ultra vires (предполагающей ограничение правоспособности компании ее учредительными документами) получил легальное закрепление в Законе о компаниях 2006 г.

Теперь перейду к рассмотрению ряда спорных вопросов. Первые – каким образом юридическое лицо, зарегистрированное в Англии, может наделять полномочиями своего представителя? На основании чего представитель компании может действовать без доверенности? Как это должно быть оформлено?

Правоспособности компаний посвящена часть 4 Закона о компаниях 2006 г. В соответствии с п. 1 ст. 39 Закона действия, совершенные компанией, не должны ставиться под сомнения по причине отсутствия правоспособности в силу кого-либо положения уставных документов компании. Следовательно, утверждает профессор Трейтел, аргумент о том, что договор недействителен в силу неправоспособности компании, если это не указано в ее учредительных документах, не имеет юридического основания ни для компании, ни для лица, ведущего дела с компанией[2]. Более того, Совет директоров компании должен действовать в соответствии с учредительными документами компании и осуществлять полномочия в рамках этих целей. Но эта обязанность может быть нарушена. Например, если договор идет вразрез с учредительными документами компании, то лицо, ведущее дела с компанией, может подать исковое заявление с тем, чтобы добиться исполнения договора. В суде могут признать договор действительным, если будет доказано, что он был необходим, несмотря на решение Совета директоров. Лицо может получить дальнейшую защиту согласно ст. 40 Закона о компаниях, в которой говорится о том, что если лицо действует с доброй волей, то полномочие Совета директоров обязать компанию считается свободным от любых ограничений, существующих в учредительных документах. Лицо, имеющее дело с компанией, не обязано узнавать об ограничениях в учредительных документах по отношению к Совету директоров. Считается, что оно (лицо) действует с доброй волей, если не доказано обратное. Также не считается плохой волей только факт, что лицо могло знать об ограничениях в документах. Это положение позволяет допустить возможность того, что компания заключит договор, так как это позволит ей открыть новые деловые перспективы, хотя в ее документах содержатся технические неточности по отношению к принятию решения Советом директоров[3]. Одним словом, много зависит от судебного усмотрения и толкования норм Закона о компаниях, учредительных документов, решений и т.д.

В английской литературе Совет директоров, директора рассматриваются в качестве агентов (agents) компании. Более того, отмечается, что общие правила агентирования применяются и в корпоративной сфере[4]. Соответственно, наделение полномочиями возможно в письменной или устной форме (expressly, in writing or orally). Обычно Совет директоров делегирует свои полномочия какому-либо одному директору или нанятому сотруднику. Ограничение полномочий директоров возможно на основании учредительных документов компании. Поэтому следует несколько слов сказать об агентском договоре.

Под агентским договором (agency contract) понимается соглашение о совершении одним лицом (агентом) действий по поручению и за счет другого лица (принципала). При этом действия могут быть как юридического, так и фактического характера (порядка).

В английском праве агентский договор регулирует отношения всех видов поручительства, Право Англии не различает законного и договорного представительства. По сравнению с Континентальной Европой в Англии нет договора поручения и комиссии.

Выводы: 1. С точки зрения английского права, когда директор, а равно и лицо, не являющееся директором, совершает сделку от имени компании, он действует в качестве агента компании (согласно определению агента). Соответственно, на него возлагаются фидуциарные обязанности, предусмотренные правом об агентировании. 2. По общему правилу, доверенность (документ в специальной письменной форме (deed) директору для совершения сделок не нужна. 3. Утверждение о том, что «директор является представителем по закону», по-видимому, ошибочно, так как директор компании не всегда является ее агентом (т.е. не всегда

1 См.: Халфина Р. О. Договор в английском гражданском праве. М., 1959. С. 235.
2 Treitel G. H. The Law of Contract/ by Edwin Pell. Twelfth ed. London: Sweet & Maxweel, 2007. P. 592.
3 Treitel G. H. Op. cit. P. 593.
4 Ridley A., Shepherd C., Company Law, 2015. P. 74–75.

уполномочен совершать сделки от имени компании). 4. Полномочия на совершение сделок могут быть предоставлены и любому другому лицу (не директору). Полномочия могут быть предоставлены, в зависимости от ситуации, доверенностью (power of attorney), которая понимается как документ в специальной письменной форме (deed) (Powers of Attorney Act 1971); уполномочием в простой письменной форме (letter of authority); а также устно. 5. В целом любой договор, в том числе агентский, может быть оформлен как документ за печатью. Английское право устанавливает ряд случаев, когда договор за печатью применяется в обязательном порядке. К таким случаям относятся: акты передачи земли или недвижимого имущества либо передачи какого-либо вида вещных прав, относящихся к земле и недвижимому имуществу; акты передачи британских судов или паев судовладельческих обществ; акты передачи паев некоторых компаний, если это предусмотрено их уставами; некоторые договоры юридических лиц; все сделки, в которых одна сторона предоставляет другой какую-либо выгоду, не получая встречного удовлетворения[1]. Печать на договоре, протоколах не обязательна.

Следующий вопрос: подтверждает ли выписка регистратора Англии и Уэльса полномочия каждого из директоров, указанного в такой выписке, и право каждого директора действовать без доверенности от имени корпорации? Каким законом урегулирован объем отображаемой в выписке информации?

Назначение директоров осуществляется следующим образом: 1) на стадии создания компании первые директора Совета указываются в заявлении о регистрации, которое подписывается учредителями – подписантами меморандума компании (читай: учредительного договора); 2) последующие директора Совета директоров уже назначаются обычным решением (ordinary resolution); 3) в соответствии с требованиями устава Компании[2]. Поиск информации о компании в Великобритании может осуществлять через информационный ресурс – Company House[3].

На мой взгляд, этот ресурс менее информативен, чем российский ЕГРЮЛ, но информация о директорах содержится в этом реестре. Можно увидеть и понять, кто является директором (-ами) компании, но определить объем полномочий и ограничения через реестр компаний представляется невозможным. Объем полномочий директора или представителя возможно определить либо через устав компании, либо через корпоративное решение, либо через иной подтверждающий полномочия документ (например, агентское соглашение, договор на оказание услуг директором[4]).

Следующий вопрос: подтверждает ли выписка регистратора Англии и Уэльса полномочия каждого из директоров, указанного в такой выписке, и право каждого директора действовать без доверенности от имени корпорации?

Статьей 167 Закона о компаниях 2006 г. предусмотрена обязанность по уведомлению регистратора об изменениях в отношении директоров (назначение, прекращение полномочий, изменение сведений) в течение 14 дней с даты такого внесения изменения.

В целом, каждая компания должна иметь свой реестр директоров (ст. 162 Закона о компаниях 2006 г.), если директор – это физическое лицо (ст. 163), то о нем должна содержаться следующая информация:

1) ФИО, его имя известное в бизнес-среде;

2) адрес для корреспонденции;

3) государство или административно-территориальная единица, в которой директор

обычно проживает;

4) гражданство;

5) род деятельности, профессия;

6) дата рождения.

Согласно ст. 164 Закона о компаниях 2006 г. относительно сведений о директорах, которые должны быть зарегистрированы: корпоративных директорах и компаниях – указывается минимум информации: наименование, зарегистрированный офис, место нахождения.

Важным моментом в определении полномочий директоров и других агентов как представителей компании является положения ст. 40 Закона о компаниях 2006 г., в котором закрепляется, что в пользу лица, который является добросовестным контрагентом компании, право директоров уполномочивать других лиц налагать обязательства на собственную компанию должно

1 См.: Халфина Р. О. Указ. соч. С. 93.
2 Ridley A., Shepherd C., Company Law, 2015. P. 176.
3 https://find-and-update.company-information.service.gov.uk/
4 Статья 227 Закона о компаниях 2006 г.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

рассматриваться как свободное от каких-либо ограничений в соответствии с уставом компании. Следовательно, отдельный директор, секретарь компании, сотрудник или другой агент, уполномоченный директорами налагать обязательства на собственную компанию, будет реализовывать это право, даже если он превышает полномочия, предоставленные самому совету директоров или другим агентам компании в соответствии с уставом. Знание об отсутствии полномочий у лица, совершающего сделку от имени компании, не является недобросовестным и не препятствует наложению обязательств на компанию[1].

Выводы: 1. Определить объем полномочий и ограничения через реестр компаний невозможно. Объем полномочий директора или представителя воз-можно определить либо через устав компании, либо через корпоративное решение, либо через иной подтверждающий полномочия документ. 2. Законом о компаниях 2006 г. урегулирован объем отображаемой в выписке информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белых В. С. Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование: монография. М.: Проспект, 2022. 328 с.
2. Будылин С. Л. Новое корпоративное законодательство Великобритании: Companies Act 2006 // http://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/ Новое-корпоративное законодательство Великобритании-Companies-Act-2006.
3. Полковников Г. В. Английское право о компаниях: закон и практика: учебное пособие. М., 2000. 240 с.
4. Халфина Р. О. Договор в английском гражданском праве. М., 1959. 319 с.
5. Ridley A., Shepherd C., Company Law, 2015.
6. Treitel G. H. The Law of Contract/ by Edwin Pell. Twelfth ed. London: Sweet & Maxweel, 2007.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Белых Владимир Сергеевич
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: belykhvs@mail.ru.

AUTHOR'S DETAILS

Vladimir S. Belykh
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of Entrepreneurial Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Honored Worker of Science of the RF (Russia, Yekaterinburg). E-mail: belykhvs@mail.ru.

1 Smith and Keenans Company Law, 2016. P. 147.

УДК 341.4

О неэкспансионистской роли цифрового юаня

Цай Цзяньхун[1]

Аннотация: После более чем трехлетнего пилотного тестирования цифрового юаня, в Китае был обобщен первый опыт и результаты его использования. В этой статье исследуется денежная природа цифрового юаня, цель внедрения в финансовую систему, сфера его применения, также автором проводится краткое сравнение других цифровых валют центральных банков с цифровым юанем КНР. В Статье на основании использования методов синтеза и анализа исследуется влияние цифрового юаня на международную финансовую модель. Автором утверждается, что цифровой юань в основном нацелен на содействие развитию внутренней платежной системы и обеспечение безопасности финансового суверенитета Китая от внешних факторов. Сделан вывод, что в будущей конкуренции цифровой юань не имеет абсолютного преимущества первопроходца, и не будет играть решающей роль в процессе интернационализации китайской валюты. Все это в совокупности определяет неэкспансионистские характеристики цифрового юаня, а подчеркивает его внедрение в финансовую систему КНР в качестве инструмента обеспечения безопасности финансового суверенитета Китая. Цифровой юань в отличие от криптовалюты не влияет на денежный суверенитет других стран и контроль иностранных центральных банков за денежной массой.

Ключевые слова: цифровой юань, неэкспансионистский подход, цифровая валюта, право КНР, банковское право, валюта

On the non-expansionary role of the digital yuan

Cai Jianhong[2]

Abstract. After more than three years of pilot testing, e-CNY has achieved initial results. This paper studies the monetary nature, implementation purpose, scope of application of e-CNY, and makes a brief comparison of other central bank digital currencies. Based on the use of synthesis and analysis methods, the article examines the impact of the digital yuan on the international financial model. The author argues: (1) e-CNY is mainly aimed at promoting the development of domestic payment system and ensuring the security of China's financial sovereignty; (2) in the future competition, e-CNY has no absolute first mover advantage; (3) e-CNY will not play a decisive role in CNY's internationalization process. These three points determine the non-expansionary characteristics of e-CNY and emphasizes its impleentation into the financial system of the PRC as a tool to ensure the security of China's financial sovereignty. The e-CNY, unlike cryptocurrencies, does not affect the monetary sovereignty of other countries and the control of foreign central banks over the money supply.

Keywords: e-CNY, non-expansionary, digital currency, Chinese Law, Banking Law, currency

With the continuous advancement of the research and pilot testing of e-CNY, all sectors of society have shown increasing interest in it. One of the important topics is whether the issuance of e-CNY will change the current international financial system. In response to this issue, some scholars believe that the issuance of e-CNY will not only accelerate the internationalization process of RMB, but also challenge the hegemony of the US dollar, which is conducive to the change of international monetary system and promoting the reform of the global financial governance system[3]. Singapore scholar Wang Heng and Buckley (2022) suggest that cross-border payment is where the e-CNY could have the greatest impact, promoting a diversified international settlement system that breaks the dollar's monopoly

1 Для цитирования: Цай Цзяньхун. О неэкспансионистской роли цифрового юаня // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 1. С. 75–79.

2 For reference: Cai Jianhong. On the non-expansionist role of the digital yuan // Business, management and law. 2023. No. 1. Pp. 75–79.

3 China Advances in Challenge to Dollar Hegemony // Financial Times, 1 July 2021. URL: https://www.ft.com/content/efa3ec2b-5be8-413f-b23c-cc9b9bff1261; China's Digital Yuan is a Warning to the World // Wired, 23 August 2021. URL: https://www.wired.co.uk/article/digitalyuan-china-bitcoin-libra; James T. Areddy. China Creates Its Own Digital Currency, a First for Major Economy // Wall Street Journal, 5 April 2021. URL: https://www.wsj.com/articles/china-creates-itsown-digital-currency-a-first-for-major-economy-11617634118; Frank Tang, "As US Wades into Digital Currency Arena, China's e-Yuan Already Has a Big Head Start," South China Morning Post, 22 January 2022, https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3164283/us-wades-digital-currency-arenachinas-e-yuan-already-has-big; Peter Schroder. Analysis: A Digital Dollar is Years Away as US Fed Kicks Issue to Congress // Reuters, 24 January 2022. URL: https://www.reuters.com/business/finance/digital-dollar-is-years-awayus-fed-kicks-issue-congress-2022-01-24/.

position[1]. Some even think it is thus necessary, under these geopolitical conditions, to examine the development of e-CNY from both financial and strategic viewpoints and also as a challenge to international financial norms and structures within the emerging concept of «weaponized interdependence» (Lanteigne, 2022)[2]. A digital yuan could potentially boost the currency's quest for international use[3]. But the primary objective of e-RMB could be a shot in the arm to RMB internationalization which has stalled since the China–US trade war started in 2018. One of the major implications is whether the current US–China tensions will spread to a FinTech race and the weaponization of currency wars (2020)[4].

Yet others argue that the issuance of e-CNY will mainly promote the reform of China's retail payment system and has little impact on the RMB internationalization

Yet others argue that the issuance of e-CNY will mainly promote the reform of China's retail payment system and has little impact on the RMB internationalization.

Jan Knoerich (2021) insists that China has a first-mover advantage in rolling out a CBDC. However, it is far from certain that DCEP (Digital Currency Electronic Payment) would also trigger a major overhaul of international digital payments, and there will be challenges and downsides. Therefore, China did not assume a leadership role in fintech, as its real advantage was scalability[5]. According to 2020 May data released by the Swift, US dollar denominated payments accounted for 40.88% of the global payment market, ranking first again, while the Chinese Yuan accounted for merely 1.79%. It must be stated that within its present nascent stage, the impact of DCEP on international cross-border settlement is very limited[6].

The discussion is very intense, but it has not reached a unanimous conclusion on this issue. Based on the issue background of e-CNY, the attitudes of Chinese authorities towards digital currencies, R&D progress and its own characteristics of e-CNY, this paper will analyze and discuss the relationship between e-CNY and international financial pattern.

The research methods used in this paper mainly include literature research and causal analysis. The literature review investigates the effect of e-CNY on the international financial pattern, including Chinese and foreign literature. By the causal analysis, I put forward the viewpoint of the non-expansionary role of e-CNY and give reasons for that.

In view of its monetary attribute, e-CNY is positioned as M_0 payment voucher. It is a national sovereign currency rather than a global currency. It does not have the globalization attribute. Therefore, e-CNY mainly plays a role in China and does not have global influence. (a) In terms of attributes, both e-CNY and physical RMB are liabilities of the central bank to the public, with the same legal status and economic value. The issuance of e-CNY enriches the means of payment and plays a positive role in promoting high-quality economic transformation. The purpose of the R&D of e-CNY system for China is to create a new form of RMB to meet the demand of cash under the condition of digital economy, coupled with a financial infrastructure that supports the reliable, stable, fast, efficient and open competition in the field of retail payment, to support the development of China's digital economy, to improve the financial development, the operation efficiency of currency and payment system. (b) At the same time, the design of e-CNY is mainly intended to modernize the domestic payment system and serve the retail payment system, but not to replace the dominant position of US dollar. In practice, e-CNY is a retail central bank digital currency and issued to the public in China, which fully meets the daily payment needs of the ordinary people, further improves the efficiency of the retail payment system and reduces the retail payment cost of physical currency. Enriching the cash forms provided by the central bank to the public aims at

1 Wang Heng, Buckley Ross P. The Coming Central Bank Digital Currency Revolution and the E-CNY: Considerations and Ramifications // UNSW Law Research Paper No. 22–35. URL: https://ssrn.com/abstract=4267581

2 Lanteigne M. «e-breakout»? Weaponised Interdependence and the Strategic Dimensions of China's Digital Currency // The Chinese Journal of International Politics. 2022. № 15. Pp. 140–162.

3. Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER) // International Monetary Fund. URL: https://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8-9F6D-5A09EC4E62A4

4 Peters M. A., Green B., Yang H. Cryptocurrencies, China's sovereign digital currency (DCEP) and the US dollar system // Educational Philosophy and Theory. 2020. URL: https://doi.org/10.1080/00131857.2020.1801146.

5 Knoerich J. China's New Digital Currency: Implications for Renminbi Internationalization and the US Dollar. The (Near) Future of Central Bank Digital Currencies // ed by Nicola Bilotta and Fabrizio Botti. Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers. 2021. Pp. 147–167.

6 RMB Tracker Monthly reporting and statistics on renminbi (RMB) progress towards becoming an international currency // SWIFT. URL: https://www.swift.com/our-solutions/compliance-and-shared-services/business-intelligence/renminbi/rmb-tracke.

providing convenience for public life and reducing barriers for the public to obtain financial services.

On the one hand, the rapid development of cross-border payment mainly depends not on technical support, but on the willingness of monetary policy coordination among countries. At present, e-CNY has the technical conditions for cross-border use, but Yi Gang said that cross-border and international use was relatively complex, involving legal issues such as anti-money laundering and customer due diligence. At present, e-CNY is still mainly to meet domestic retail demand[1]. In the future, the People's Bank of China will actively respond to the initiatives of the G20 and other international organizations to improve cross-border payments and study the central bank's digital currency. On the premise of fully respecting the monetary sovereignty of both sides, the People's Bank of China will explore the pilot of cross-border payment and establish a legal digital currency cooperation mechanism with relevant monetary authorities and the central banks.

On the other hand, in the future, e-CNY will have no absolute first mover advantage in the development of digital currencies issued by central banks. At present, most of digital monetary policies of major economies are in the research, discussion or experimental stage, and the development status varies a lot. The digital monetary policy of the People's Bank of China was first put into discussion in 2014. At present, pilot projects in some regions have also achieved remarkable progress. However, the development of blockchain, which formed the basic technology of digital monetary policy, is roughly at a similar level among major economies, and it has no absolute advantage in China. Being the first country to roll out DCEP, China will also assume the risks that something goes wrong in a sensitive area of national economy.

The United States – itself a strong fintech power with a high volume of cashless payments using both mobile phone (e.g., Apple Pay) and card-based technologies – should be able to quickly follow China into the digital currency era, together with other countries[2]. Experiments have been carried out in Europe, Japan, England and China, while the United States is in the demonstration stage. Although the development of central bank's digital currency has entered the fast lane, all countries have maintained a cautious attitude. On the one hand, the central bank digital currency has a far-reaching impact on the transmission of monetary policy, so all the countries carrying out digital currency need to fully understand the risks and feasibility. On the other hand, as a new thing, the central bank digital currency needs time for the public and the market to gradually accept it.

In terms of RMB internationalization and enhancing financial voice, e-CNY settlement is only a change in form rather than content for international trade. The most direct impact of RMB digitization on China's financial system is to make payment more convenient, efficient and cost saving. It is not expansionary against the dollar or other countries' sovereign currencies.

With the continuous development of e-CNY, China may be able to settle with non-dollarized instruments directly with trade partners. Some settlements might bypass American SWIFT and other institutions in international payment to a certain extent, but these would not substantially shake the international status of US dollar. Although some people believe that the disadvantages of US dollar dominating international monetary and financial system are becoming increasingly prominent, like its unsustainability trend, and RMB is most likely to become the new global leading currency[3]. In 2020 a Morgan Stanley study projected that contingent upon stable economic growth and removal of capital controls, within a decade the yuan's share could rise to between 5 to 10 per cent of total global reserves[4]. However, from the content and its practical effects, the impact of e-CNY on the international financial system is still very light.

Can China use its deepening economic engagement and growing regional clout to require overseas entities to use the yuan for transactions in trade? China's sheer weight in international trade will encourage the use of the DCEP by overseas businesses and countries for those China is the dominant trade and investment partner.

While most oversea trade with China is denominated in US dollars, the role of yuan in the region and beyond in trade settlements is promoting, benefitted by the development of a cross-border yuan payments system. Oil exports

1 Video Speech by Yi Gang at the 30th Anniversary of the Establishment of the Institute for Emerging Economies of the Central Bank of Finland. The People's Bank of China. URL: November 9, 2021. http://www.pbc.gov.cn/hanglingdao/128697/128728/128829/4384241/index.html.

2 Knoerich J. China's New Digital Currency: Implications for Renminbi Internationalization and the US Dollar. The (Near) Future of Central Bank Digital Currencies // ed by Nicola Bilotta and Fabrizio Botti. – Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers. 2021. Pp. 147–167.

3 Mark Carney. The Growing Challenges for Monetary Policy in the Current International Monetary and Financial System // Jackson Hole Symposium August 23, 2019. Pp. 1–23.

4 Cheng Evelyn. China's yuan could become the world's third largest reserve currency in 10 years, Morgan Stanley predicts // CNBC. URL: September 4, 2020. www.cnbc.com/2020/09/04/chinasyuan-rmb-to-become-third-largest-reserve-currency-by-2030-morgan-stanley.html

from Russia, Iran, and Venezuela can be paid in DCEP, thus circumventing crippling sanctions[1].

In the process of expanding of the public beta, with the full support of macro policies and the dual drive of financial science and technology innovation energy in the micro field, e-CNY is accelerating its landing towards retail consumption, but there is really no trace that it can be associated with the US dollar in its practice[2].

In essence, the issuance of e-CNY conforms to the development trend of digital economy, not to dispute the financial voice with America or other powers

Not only e-CNY, most of the central bank digital currencies are only circulating at home for the time being. Their macro role is to protect national monetary sovereignty but cannot impact the global monetary system. Although the e-CNY will not pose the risk of challenging or replacing the US dollar, it does have obvious significance in weakening the hegemony of US dollar, at least it opens a new window of global trade settlement in the seemingly unbreakable international banking system.

Most major economies are striving for the internationalization of their currencies. In the future, the digital credit formed by the digitization of currencies may shake the hegemony of the US dollar. It records and shows the comprehensive credit status of digital currencies in countries, and the market will finally find out new de sovereign digital currencies that can be recognized by countries all over the world.

The issuance of e-CNY is a significant result of the development of digital economy. In the last 10 years, the global digital economy has grown fast. During this period, China's digital economy has experienced a rapid development process. At present, China's economy is transitioning from high-speed growth stage to high-quality development stage. Scientific and technological innovations represented by digital economy have become a driving force for economic growth. With the rapid development of digital technologies such as big data, cloud computing, artificial intelligence, blockchain and internet of things, new models and new business forms of digital economy emerge one after another. Since the outbreak of COVID-19, digital work and life such as online shopping, online office and online education have been more active, and the coverage of digital economy has been expanding. At present, facing the severe economic situation, digital economy has been deemed as the key driving force for stable economic growth. The People's Bank of China has transformed financial technology into e-CNY, the digital form of RMB, with the goal of promoting the development of China's digital economy and serving China's new economy growth pattern.

In essence, the issuance of e-CNY conforms to the development trend of digital economy, not to dispute the financial voice with America or other powers. This monetary policy is an organic part of the development of China's digital economy. This can be seen from the nature, function, main scope of application, the achievement of cross-border payment and the development status of e-CNY.

In brief, although the Chinese authorities attach great importance to the development of e-CNY, and the study and practice of e-CNY is temporarily in a leading position, it is only a digital form of RMB. It is new, but not utterly new. Unlike cryptocurrency, it will not impact greatly on the monetary sovereignty of other nations. Therefore, e-CNY is not exclusive and expansionary against other central bank currencies.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Randhawa D. S. China's Central Bank Digital Currency: Implications for ASEAN RSIS // Policy Report. 2020. Pp. 1–15.

2. Knoerich J. China's New Digital Currency: Implications for Renminbi Internationalization and the US Dollar. The (Near) Future of Central Bank Digital Currencies // ed by Nicola Bilotta and Fabrizio Botti. – Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers. 2021.

3. Lanteigne M. "e-breakout"? Weaponised Interdependence and the Strategic Dimensions of China's Digital Currency // The Chinese Journal of International Politics. 2022. № 15. Pp. 140–162.

4. Mark Carney. The Growing Challenges for Monetary Policy in the Current International Monetary and Financial System // Jackson Hole Symposium August 23, 2019. Pp. 1–23.

1 Randhawa D. S. China's Central Bank Digital Currency: Implications for ASEAN RSIS // Policy Report. 2020. Pp. 1–15.

2 Zhang Rui. E-CNY Is Expected to Open a New Window for Global Trade Settlement // International Finance News, May 31, 2021. P. 3.

5. Peters M. A., Green B., Yang H. Cryptocurrencies, China's sovereign digital currency (DCEP) and the US dollar system // Educational Philosophy and Theory. 2020. URL: https://doi.org/10.1080/00131857.2020.1801146

6. Wang Heng, Buckley Ross P. The Coming Central Bank Digital Currency Revolution and the E-CNY: Considerations and Ramifications // UNSW Law Research Paper No. 22–35. URL: https://ssrn.com/abstract=4267581

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Цай Цзяньхун
доктор философии, преподаватель Института социализма провинции Чжэцзян (Китай, Ханчжоу). E-mail: caijianhong840215@163.com.

AUTHOR'S DETAILS

Cai Jianhong
PhD, Lecturer, Institute of Socialism of Zhejiang Province. E-mail: caijianhong840215@163.com.

БИЗНЕС
МЕНЕДЖМЕНТ
ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

12+

Выпускающий редактор: *О. В. Вагина, Е. Ю. Гаевская*. Верстка: *А. Ю. Тюменцева*. Переводчик: *Н. В. Садыкова*

Адрес редакции журнала: 620034, Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 54, оф. 303, тел./факс: +7 (343) 367-43-01,
web-сайт: bmpravo.usla.ru, e-mail: bmpjournal@gmail.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательском доме «Ажур»:
620075, Екатеринбург, ул. Восточная, д. 54, тел.: +7 (343) 350-78-28, +7 (343) 350-78-49,
web-сайт: azhur66.ru, e-mail: azhur.ek@mail.ru

Подписано в печать 20.03.2023 г. Формат 60×84/8. Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,30.
Уч.-изд. л. 8,66. Тираж 100 экземпляров. Заказ № 28/03-2. Дата выхода в свет: 30.03.2023 г.

Цена свободная. Периодичность 4 раза в год

Подписка: Каталог Агентства «Роспечать» – «Газеты. Журналы»: 18626. ISSN 2072-1722

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Номер Свидетельства ПИ № ФС77-64841 от 10 февраля 2016 г.

Все товары, рекламируемые в журнале, подлежат обязательной сертификации, услуги – лицензированию. За содержание рекламируемых материалов редакция ответственности не несет. Авторские материалы не являются рекламными. Любая перепечатка, использование иллюстраций или копирование авторских и рекламных материалов возможны только в случае предварительного письменного соглашения с редакцией журнала «Бизнес, менеджмент и право». В случае нарушения указанного положения виновное лицо несет ответственность в соответствии с действующим законодательством РФ